

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ КБР
ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

1. 2016 ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Первый номер литературно-художественного и общественно-политического государственного журнала «Литературная Кабардино-Балкария» вышел в 1991 году, в трудный период преобразований, происходивших в нашей стране. В настоящее время учредителями журнала являются Государственный комитет КБР по печати и массовым коммуникациям и общественная организация «Союз писателей КБР». Периодичность издания – шесть номеров в год.

Изначально редакцию возглавлял известный писатель Эльберд Мальбахов. За годы работы «ЛКБ» вышло около ста тридцати номеров, число авторов, опубликованных в течение двадцати пяти лет, достигает четырех тысяч. Жанровое разнообразие журнала представлено в его постоянных рубриках: *проза, поэзия, публицистика, литературоведение, образование, здоровье, культура, религия, на службе обществу, обратная связь, страницы памяти, наш семинар, гость номера, традиции и современность, книжные новинки*, а также актуальными тематическими и юбилейными материалами. Необходимо отметить, что при журнале, впервые в республике, организован Общественный совет, а также литературная студия для творческой молодежи.

В настоящее время журнал «Литературная Кабардино-Балкария» – животворный очаг литературной и культурной жизни республики, здесь печатаются лучшие поэты, прозаики и журналисты КБР, представители различных профессиональных и творческих сообществ, авторы из братских республик Северного Кавказа, стран ближнего и дальнего зарубежья. Этим и объясняется возрастающий интерес читателей и не снижающийся тираж – более двух тысяч по подписке.

В числе приоритетных направлений журнала – образование, здравоохранение и фундаментальная наука. Все острее и настойчивее на его страницах поднимаются вопросы нравственного порядка, социальной справедливости, осознанного взаимодействия, взаимного доверия, живого духовного общения, воспитания молодого поколения в духе патриотизма, формирования высокой гражданской ответственности, что является залогом мира и спокойствия в обществе. Московский критик Руслана Ляшева в газете «Литературная Россия» так отозвалась о нашем журнале: «...Все проблемы современной жизни Кабардино-Балкарской республики как бы стянуты в единый узел, взаимосвязаны и воспринимаются целостно, показывая, что поиск идет в самых различных направлениях. Рубрик так много, что подробное перечисление заняло бы немало строк. Единственное, в чем нельзя не посочувствовать авторам журнала, – в том, что их, должно быть, нещадно сокращают, добиваясь краткости и лаконизма. Поэтому все публикации легко схватываются как бы на первом дыхании. Радует то, что нет ни «порнухи», ни «чернухи» – бича столичных журналов. Здесь иное – безграничная любовь к родине, благородство, почтение к старшим, уважительное отношение к женщине, интерес к истории и жизнелюбие...»

Дорогие друзья!

2 лет назад в культурной и общественной жизни нашей республики произошло знаковое событие – вышел в свет первый номер журнала «Литературная Кабардино-Балкария».

Все эти годы издание выполняет важную просвещенческую и воспитательную миссию – несет в массы гуманистические идеи, высокую духовность и патриотизм. Благодаря журналу становятся всеобщим достоянием художественные произведения как маститых мастеров пера, так и начинающих поэтов и писателей.

Сегодня читательская аудитория издания объединяет не только представителей интеллигенции, но и всех, кто тянется к культурным истокам и образованию, что способствует формированию интеллектуальной среды, оказывающей благотворное влияние на умы и сердца подрастающих поколений.

От души поздравляю сотрудников журнала со знаменательной датой, желаю доброго здоровья, неиссякаемой энергии, новых творческих достижений.

A handwritten signature in black ink, consisting of several fluid, overlapping loops and strokes, characteristic of a cursive style.

Ю. А. Кокоев,
Глава
Кабардино-Балкарской
Республики

ВЛАДИМИРУ ВОРОКОВУ – 80

В. Х. Вороков

Человек, всецело посвятивший свою жизнь служению народу, совершает такой же подвиг, как и на поле брани.

Аль Хасани

Владимир Вороков родился 2 января 1936 года. Дед его, Пат Вороков, был человеком легендарным не только в родном Чегеме, но и на всей Кабардинской равнине. Первый председатель товарищества по обработке земли в Чегеме 1, первый председатель первого колхоза в селе, первый председатель сельсовета. Бабушка Бабух – первой в Кабардино-Балкарии создала в родном селе детские ясли, за что была представлена к высокой награде Родины – ордену Ленина.

Отец – Халид Патович – один из первых руководителей местного радио, создатель первого симфонического оркестра в Кабардино-Балкарии, затем – нарком связи, позже – до конца служебной деятельности – министр в ряде министерств республики.

Мать – Мария – одна из самых (если не самая красивая) девушка в республике. О её красоте слагали стихи. Человек добрый, обаятельный. Да и на работе занимала видное место: начальник жилищного управления Нальчика, начальник автостанции...

В школе Владимир Вороков учился не то, чтобы плохо, но совсем не примерно. Виной тому, пожалуй, были большие успехи в спорте. Именно спорт позволил ему поверить в своё превосходство, закалил волю, сделал бойцом.

Школу Владимир окончил без «троек». В основном на «отлично». И уж где преуспел – так это в литературе. Здесь ему равных в школе не было!

Знал наизусть «Евгения Онегина», любил Лермонтова, Есенина (опального в то время), Хайяма, Низами, Руставели и, конечно, Льва Толстого («Хаджи-Мурат», «Казачьи»). Не любил Достоевского. Да и сейчас не любит.

Дорога в любой вуз страны была для Владимира открыта. На то имелось письменное распоряжение министра народного образования России. «За выдающиеся заслуги в Российском спорте».

Хотел поступить в Ленинградскую военно-медицинскую академию. Хотел, поехал поступать, да сбежал.

– Слишком нудно было все делать в строю, – вспоминает это время Владимир.

Поступил в КБГУ на факультет русского языка и литературы. Учился легко и хорошо. Продолжал заниматься спортом. И здесь был успешен, ибо входил в сборную России, был неоднократным чемпионом и рекордсменом Кабардино-Балкарии.

Первое стихотворение опубликовал в студенческой газете. Оно называлось «Сестре». Дело в том, что его единственная сестра Галя училась в Москве в МГУ. Он скучал по ней. Вот и написал стихотворение:

*«У вас зима, а в Кабарде высокой
Цветут цветы, белеют облака,
И я тебе, родной и черноокой,
Привет свой братский шлю издалека».*

Университет окончил вполне прилично.

– Мог бы и красный диплом получить, но подумал: – А зачем? – вспоминает Владимир то время.

Ученый Совет КБГУ рекомендовал Ворокова в аспирантуру в Баку. Но его близкий друг очень хотел попасть туда, а место было одно, и Владимир пошел к ректору.

– Вместо меня пошлите его.

Шаг был неожиданный, и ректор сказал:

– Хорошо!

– Возможно, это стало моим восхождением на ТВ, – вспоминает Вороков. – Я попал на только что открывшееся телевидение в Нальчике.

Был корреспондентом, младшим редактором, старшим редактором, главным редактором. И все это с головокружительной скоростью. Но

вот в 1962 году понадобилось снять фильм о Кабардино-Балкарии для ЦТ. Поручили ему. Снял. И сразу стал известен в Гостелерадио СССР. Его фильм «Кабардино-Балкария сегодня» прошел по всем четырем ТВ каналам СССР, а главное (что было невероятно) приобретен рядом капиталистических стран за валюту.

Через год Вороков снял документальную киноновеллу «Чабанский хлеб» о Герое Социалистического Труда чабане Салихе Агтаеве. И вновь – огромный успех.

Гран-при на главном фестивале СССР, Лейпцигский фестиваль, фестивали в Дрездене и Венеции. Ну а «Шагди» (первый цветной фильм Ворокова) сделал его в полном смысле слова знаменитым. Это фильм о кабардинских лошадях и о табунщиках.

Вороков сразу получает высшую режиссерскую категорию. Случай чрезвычайно редкий. К этой категории обычно идут десятилетиями. Его принимают в Союз кинематографистов СССР.

Работая на кинобазе Северного Кавказа, во Владикавказе, Вороков снимает ежегодно по два-три фильма, иногда больше. Основная тема

этих фильмов – Кабардино-Балкария. Но случается работать в Ставрополе, Северной Осетии, а позже в Волгограде, Адыгее, Краснодарском крае. География съемок широкая. Турция и Иордания, Ливан и Франция, Индия и Италия. И по странам Балтии и СНГ: Эстония, Латвия, Литва, Казахстан, Киргизия, Грузия, Армения...

Он монтирует свои фильмы в Ленинграде, Риге, Тбилиси, Москве и, конечно, во Владикавказе. Для Центральных каналов Вороковым создано около 160. А еще масса репортажей, телепрограмм, очерков.

Жанры этих фильмов весьма разнообразны. От хроникальных, документальных, хроникально-документальных до сюжетных фильмов-концертов («Свадьба на Тереке», «Нальмес», «Налькут», «В весеннем парке», «Танцует «Кабардинка» и др.), художественных («Лакумы по-чегемски»), а главное, художественно-публицистических («Я тебя никогда не забуду», «Последний валий Кабарды», «Черкешенка», «Мелодия старой скрипки», «Выстрел за Вами, поручик» и др.). Именно в этом жанре режиссеры В. Вороков и Р. Мартиросова особенно преуспели. Да они, собственно, и стали создателями этого жанра в стране.

Наряду с кинематографической деятельностью Вороков занимается деятельностью литературной.

– Я никогда не считал и не считаю себя писателем, – говорит В. Вороков. – Это лишь хобби.

Но хобби весьма солидное. Первая его книга очерков вышла в начале семидесятых годов под названием «Обыкновенное человеческое муже-

ство» и обратила на себя внимание самобытностью, оригинальностью и высокой художественностью.

– Затем «Антенны памяти» – тоже книга очерков. «Цветные сны», «Мелодия старой скрипки», «Лица кавказской национальности», «С солнцем в крови» – это уже книги эссе. В этом жанре В. Вороков особенно силен. Его называют одним из лучших эссеистов Кавказа. Возможно так, возможно нет. Но планка этих эссе чрезвычайно высока.

Вспомним некоторые из них: «Эльмесхан – великия мадам Франци», «Нико Пиросмани», «Встреча с Шарлотой Элизабет – Аниссе», «Светлая вода» и многие другие.

Вороков встречался, да и теперь встречается со многими известными людьми. И пишет о них: Махмуд Эсамбаев, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Юрий Темирканов, Танзиля Зумакулова и другие.

Особое место в литературном творчестве В. Ворокова играет поэзия. И хотя он автор всего двух поэтических сборников – «Пусть будет добрым приговор» и «Тайники», литературное сообщество республики признаёт в авторе этих сборников своего собрата.

Роман В. Ворокова «Прощающие да простят» – это особая страница в творчестве автора.

– Я отснял около 160 фильмов, написал двенадцать книг, отснял три фотоальбома, несколько наборов цветных фотооткрыток, но... все это как-то сразу ушло на второй план. Теперь обо мне говорят, прежде всего, как об авторе романа «Прощающие...»

Масса рецензий, сотни отзывов, откликов самых доброжелательных.

Дело, видимо, в том, что до «Прощающих» о Кавказской войне рассказывали однобоко.

Русский солдат – хороший, абрек хороший, крестьянин – тоже хороший, а вот русские офицеры – плохие, и генералы плохие, и кабардинские князья и дворяне – очень плохие.

Черно-белые впечатления. А это было не так.

Разве не князь шел впереди своего войска во время наступления, разве не он был в арьергарде во время отступления?! Разве не русское офицерство играло положительную роль на Кавказе, говоря всю правду о жестокой и кровопролитной войне?!

Вороков в своем романе встал над неправдой, над полуправдой, над ложью.

В итоге получилась правда. Литературоведы и историки ещё поведают правду об этом романе, по достоинству оценят его. Но уже сегодня ясно, что произошло что-то неоднозначное, что-то большое в кабардинской прозе. Роман теперь следует оценить, до конца понять.

В этом отношении рецензия на роман Судеты Кусовой занимает особое место среди оценок.

Автор работает над второй книгой «Прощающих».

– Я уже на половине пути, – говорит Вороков. – Ужасно не хватает времени. Хотя, как знать. Над первой книгой я работал более десяти лет. Над второй – пока два года. Еще годик, и завершу работу. Книга поведаст о судьбе детей главных героев первого романа. В ней пойдет разговор о временах тяжелых для России. Первая мировая война, революция, гражданская война, эмиграция.

В. Вороков, наверное, самый титулованный человек в Кабардино-Балкарии.

– Однако, когда меня спрашивают: «Как подписать Вашу статью, выступление, речь», – я отвечаю без всякого кокетства: – Подпишите просто: Владимир Вороков, – говорит он.

– И всё?

– Да, всё, этого достаточно.

* * *

Звания и награды Владимира Ворокова

- Заслуженный работник культуры РСФСР. Указ от 15 мая 1985 г.;
- Заслуженный деятель искусств Республики Адыгея. Удостоверение № 0345 от 31.07.1995 г.;
- Заслуженный деятель искусств Республики Северная Осетия-Алания;
- Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской АССР. Указ от 6 мая 1969 г.;
- Член Союза кинематографистов России. Удостоверение № 3882, 1969 г.;
- Медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Удостоверение от 8 апреля 1970 г.;
- «Почетный радист СССР». Приказ № 1762-к от 20 августа 1971 г.;
- Почетная Грамота Президиума Верховного Совета КБАССР (Высшая награда Республики).
- Лауреат Государственной премии Кабардино-Балкарии в области литературы и искусства 1987 г., 1989 г., 2003 г.;
- Академия естественных наук России. Член-корреспондент. 26.01.1995 г.;
- Почетный академик Российской академии естественных наук 25.11.1995 г.;
- Орден Дружбы. Удостоверение № 144680, награда № 1178 от 09.03.1996 г.;

- Большой серебряный Кубок «Крылатый Альп». За вклад в развитие искусства и культуры, 1997 г.;
- Почетная Грамота Республики Северная Осетия-Алания (Высшая награда Северной Осетии). 21 июля 1999 г.;
- Член Союза журналистов России. Удостоверение № 6494, 1962 г.;
- Медаль «За заслуги» Всемирного Черкесского фонда в честь 80-летия Кабардино-Балкарии, 2001 г.;
- Международная Академия творчества, член-корреспондент с 8 августа 2001 г. Удостоверение № 532.;
- «Лучший менеджер России» с вручением Диплома и Золотого знака Петра Великого. Высшая Общественная награда России. 10 мая 2001 г.;
- Медаль «200 лет МВД России». Приказ № 542 от 05 июня 2002 г.;
- Нагрудный знак «200 лет МВД России»;
- Почетный кинематографист России. Приказ № 16 от 13 января 2003 г.;
- Нагрудный знак «Российская пресса», в честь 300-летия Российской прессы, 2003 г.;
- Памятная медаль «Элита отечественной прессы». Удостоверение № 734 от 18 июля 2003 г.;
- Действительный член-академик Международной академии творчества. Удостоверение АС-03-92 от 15.01.2004 г.;
- Действительный член-академик Международной академии телевидения и радио 24 января 2004 г.;
- Орден «Честь и Слава» III степени. Республика Абхазия, 2005 г.;
- Большая серебряная медаль Международной академии творчества (Высшая награда академии) за выдающийся вклад в дело укрепления мира и согласия на Северном Кавказе;
- Медаль «Меценаты столетия», 2005 г.;
- Серебряная медаль «За вклад в развитие уголовно-исполнительной системы России» (приказ № 142 от 06.03.2012 г. ФСИН России);
- Орден Почета, 2006 г. Удостоверение № 14932 от 27.11.2006 г. РФ.

МУХАМЕДУ ХАФИЦЭ – 70

М. М. Хафицэ

Известный в Кабардино-Балкарии, на Северном Кавказе, в адыгском мире общественный деятель, публицист, критик, литературовед, член Союза писателей и Союза журналистов Российской Федерации, заслуженный работник культуры РФ, заслуженный журналист КБР, КЧР, Республики Адыгея.

Родился 30 марта 1946 года в селении Заюково Эльбрусского района Кабардинской АССР. В 1970 году окончил кабардино-русское отделение КБГУ. Работал главным редактором газеты «Университетская жизнь» и журнала «Точка зрения», ответственным секретарем газет «Советская молодежь» и «Горянка», директором Республиканского газетно-журнального издательства.

С 1997 года – главный редактор газеты «Адыгэ псалъэ» Парламента и Правительства КБР. Последние шестнадцать лет возглавляет общественную организацию «Адыгэ Хасэ» КБР. С октября 2009 года – первый вице-президент Международной Черкесской Ассоциации, с 2006 года – вице-президент Адыгской Международной Академии наук.

М. М. Хафицэ – автор многих книг по проблемам истории и культуры: «Моя надежда – моя ладья» (1982), «Звезды на небе и на земле» (1984), «Вся жизнь на виду» (1988), «Адыгские мамлюки» (1994), «Разбросаны адыги по белому свету» (2000), «Черкесы в Израиле» (2000), «Наследие» (2004), «День Победы» (2005), «Звезды бледнеют на чужбине» (2006), «МЧА: три года испытаний» (2015). Автор-составитель сборников «Юрий Темирканов», «Синие горы Кавказа», «Одна судьба – одна дорога», «Человечество уцелело, потому что смеялось», «Истины», «Кавказские повести», «Точка отсчета», «Всадник чести», «Кабардино-Балкария: к России, с Россией, в России», «Инна Кашежева: Кавказ надо мною» и др. Эти издания получили широкое общественное признание, стали своего рода пособием по воспитанию молодежи в лучших национальных традициях, в духе российского патриотизма.

М. М. Хафицэ давно привлекает история адыгского мухаджирства и черкесских мамлюков. Этой теме посвящены его многочисленные публицистические исследования, опубликованные в газетах, журналах, научных сборниках Москвы, Санкт-Петербурга, Северного Кавказа, Ближнего Востока, Турции, Германии, Франции, США и нашедшие горячий отклик в сердцах многочисленных читателей. Работы журналиста и писателя М. М. Хафицэ отмечены наградами. Он лауреат премии Союза журналистов Кабардино-Балкарской Республики (1994, 2002 гг.), министерства печати Кабардино-Балкарской Республики (1997, 2004 гг.), Правительства Кабардино-Балкарской Республики (2000 г.). Отмечен Золотой медалью Российского Фонда мира; Большой золотой медалью мира Международ-

ного Фонда имама Шамиля. За большой вклад в развитие адыгской культуры и поддержку связей с черкесской диаспорой удостоен премии «Отличие» Международного Черкесского Фонда (2000 г.). Почетный гражданин американского города Стиллуотер (штат Оклахома). Действительный член Адыгской (Черкесской) Академии наук и Петровской Академии наук и искусств, Международной Академии творчества, Русского географического общества. Награжден абхазским орденом «Честь и Слава».

Многогранную творческую работу Мухамед Хафицэ сочетает с общественно-политической деятельностью, избирался депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики (1990–1993 гг.), председателем Комиссии по Кандуровским международным премиям (1992–2002 гг.). В составе делегаций Комитета защиты мира в качестве народного дипломата посетил США, Японию, Китайскую Народную Республику. При Адыгской Международной Академии наук организовал и стал директором института «Адыгская энциклопедия», член Международного Кавказоведческого общества (с 1995 г.); председатель Комиссии межреспубликанского конкурса «Язык мой – моя душа, мой мир», который проводится в течение восемнадцати лет с привлечением лучших школ, опытных учителей кабардино-черкесского языка, известных ученых, писателей, артистов Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики.

*Анзор НИБО,
главный редактор газеты «Шапсугия»,
заслуженный журналист
Республики Адыгея*

ГЛАШАТАЙ АДЫГОВ

... – Ну что, ты «выходишь»? – вот уже почти пятнадцать лет – именно столько мы знакомы – при каждой личной встрече или по телефону, вместо привычного кавказского «салам», Мухамед Хафицэ сразу интересуется, чем живет сегодня «Шапсугия». По тому, как газета «Адыгэ Хасэ» причерноморских адыгов-шапсугов выходит в свет, он легко определяет текущее состояние дел в самой общественной организации: если издается регулярно, по графику – все отлично, если с перерывами, время от времени – значит, существуют определенные проблемы. Данный «барометр», уверен он, работает безотказно – проверено годами.

Подобное внимание к шапсугам – далеко не праздное любопытство. Будучи журналистом, Хафицэ прекрасно понимает: газета – своего рода громкий рупор, открытая общественная трибуна для коренного народа региона, важнейшая связующая нить, духовно объединяющая не только адыгов, проживающих в Сочи и Туапсинском районе, с остальным черкесским миром, но и обратная связь – черкесского мира со своими соплеменниками на Черноморском побережье. И этот важнейший информационный канал, существующий уже почти четверть века, подчеркивает он, нужно обязательно, вопреки всему, сохранить. Помогает все-

Сирия, 1969 г.

сторонне – не на словах или призывами, а реально. Новости из Шапсугии регулярно появляются в республиканской газете «Адыгэ псалъэ», которую он многие годы успешно редактирует. Во многом благодаря Хафицэ «Шапсугия», не являющаяся государственным печатным изданием, вот уже более десяти лет является постоянным участником творческого

проекта – выпуска совместных тематических номеров республиканских газет «Адыгэ псалъэ» (КБР), «Адыгэ макъ» (Адыгея) и «Черкес хэку» (КЧР). Шапсугская тема находит отражение в разнообразных книгах и брошюрах, которые он издает, а проблемы, волнующие представителей аборигенного населения Краснодарского края, звучат на радио и телевидении, куда его с удовольствием приглашают. Он знает суть вопроса в мельчайших деталях. Часто бывая у шапсугов (Мухамед Хафицэ приезжает сюда регулярно в разном качестве – первого вице-президента или же члена Исполкома МЧА, тхамеды «Адыгэ Хасэ» КБР, вице-президента Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук (АМАН) и главного редактора республиканской газеты «Адыгэ псалъэ»), он детально интересуется всем: прошлым Причерноморской Шапсугии, современной жизнью и проблемами адыгских аулов, ищет ярких, незаурядных людей. Когда нет возможности приехать лично, собирает самую свежую информацию по телефону. Одним словом, плотно держит руку «на пульсе».

– Посещая страны проживания черкесской диаспоры, я неоднократно встречал шапсугов, чьи предки в годы Кавказской войны были вынуждены покинуть историческую родину, – отметил, в частности, он на VIII отчетно-выборном съезде «Адыгэ Хасэ» причерноморских адыгов, прошедшем 27 июня 2015 года в городе Туапсе. – Это удивительные люди, обладающие огромным потенциалом – интеллектуальным, деловым, культурным. Можно назвать большую плеяду шапсугов – политических, общественных и научных деятелей, представителей творческих профессий, предпринимателей, спортсменов, принесших славу странам, принявшим их, и своему народу. Если бы они еще сохраняли верность родному языку, приобщая к нему своих детей и внуков, цены бы им не было! Как показательный пример – три тысячи шапсугов, проживающих в израильском ауле Кфар-Кама. Наши собратья и их дети в совершенстве знают не только свой материнский язык, но и арабский, иврит, английский! На родине, к сожалению, ситуация в корне иная... Хочу искренне отметить многоплановую деятельность шапсугского Хасэ в деле возрождения и развития народа. Опыт работы Общественного парламента, возглавляемого Мад-

жидом Чачухом, признан одним из лучших среди адыгских национальных организаций, и это вполне заслуженно. Важно сохранить подобный уровень в дальнейшем.

... В Причерноморской Шапсугии Мухамед Хафицэ впервые побывал в 1983 году. Конечно, в Сочи он ездил и раньше, но на этот раз посетил адыгские аулы, как говорится, по поводу. Приехал не один.

Амман, 1972 г.

– Я сопровождал в той поездке знаменитого кинорежиссера Мухадина Кандура, – рассказал М. Хафицэ. – В те годы Мухадин долгое время жил и работал в Лос-Анджелесе, где снял в Голливуде несколько известных кинолент с участием популярных американских актеров, вынашивал идею создания полнометражного художественного фильма о Кавказской войне. Он только что закончил работу над сценарием будущей ленты и хотел сделать в Шапсугии пейзажные съемки. Особенно его интересовали долины рек Туапсе, Псеуапсе, Шахе и Сочи, где, согласно историческим источникам, разворачивались главные события, связанные с покорением царскими войсками Черноморского побережья, и где до самого последнего дня войны продолжали пылать очаги горского сопротивления.

В течение трех дней съемочная группа побывала в ряде адыгских аулов, но тогда о большом госте из Америки здесь мало кто что-либо знал. Это сегодня имя М. Кандура на слуху. В ту пору для большинства шапсугов он был просто уважаемым гостем, для которого были открыты двери каждого дома.

– Мы как-то переночевали в одной адыгской семье в селе Цыпка Туапсинского района (к сожалению, фамилию хозяев я не помню), – поведал Мухамед Хафицэ. – Затем посетили город Туапсе, поселок Шхафит и аул Большой Кичмай, где как раз проходил праздничный концерт – выступали молодые танцоры. В целом, немного захворавший в поездке Кандур остался доволен – и увиденным здесь, и отснятым материалом.

Дальнейшая судьба творческого кинопроекта Мухадина Кандура, начатого в Шапсугии, к сожалению, оказалась неудачной. Выделенные на съемки фильма правительством Кабардино-Балкарии средства (порядка 800 тысяч рублей – далеко не малые по тем временам деньги) целиком «сгорели» во время «гайдаровских реформ». Эти бюджетные средства кинорежиссеру пришлось возвращать республике из собственного кармана. Так, еще не успев начаться, процесс работы над фильмом о Кавказской войне закончился на минорной ноте.

ФРГ, 1986 г.

– Разочарованный и обескураженный подобным началом, Мухадин готов был забросить сценарий, как говорится, в самый дальний ящик, – поведал далее Хафицэ, – но вскоре, по моему совету, переделал его в историческую книгу, ныне широко известную трилогию под названием «Кавказ». Что же стало с рабочими материалами, отснятыми в

Причерноморской Шапсугии, я ничего не знаю. Думаю, он обязательно еще вернется к этой важной теме.

Эпизод во многом показательный: для газеты «Шапсугия», с которой М. Хафицэ связывают долгие годы дружбы и рабочих контактов, Мухамед Мусабиевич – ценнейший источник информации. Он всегда «на связи»: на правах старшего расскажет, подскажет, посоветует, поддержит. Всегда открыт для общения: щедро делится новостями, идеями, приглашает к совместной работе. Его мнение, как опытного журналиста, не просто интересно, оно значимо, авторитетно.

Однажды в одной из бесед Хафицэ признался: есть у него давняя мечта – увидеть наш народ, волей истории и горькой судьбы рассеянный по странам и континентам, единым. Единым, прежде всего, конечно, духовно. Объединенным не только историческими корнями, но и общей национальной идеей. Лично для него эта идея, способная крепче крепкого связать историческую родину с зарубежной черкесской диаспорой, заключается в главном – сохранении родного языка. Все остальное – репатриация соотечественников на землю предков, развитие экономических, культурных и общественных связей между адыгами, где бы они ни проживали, потянется за ней, как нить за иголкой. Не будет языка – не будет народа, материнский язык – не столько наше настоящее, сколько будущее. Для Мухамеда Хафицэ и его единомышленников – это истина в первой инстанции. Свои убеждения он активно отстаивает везде – на заседаниях МЧА и АМАН, на общественных мероприятиях, в прессе. Он живет и «бредит» ими, отдает работе все свои силы – организует «круглые столы», конкурсы среди школьников и студентов, выставки.

На этой «почве» – разговоре о настоящем и будущем нашего народа – мы по-настоящему и познакомились. Произошло это накануне VI Конгресса Международной Черкесской Ассоциации, проходившего в Нальчике. В рамках культурной программы предстоящего форума, собравшего адыгов из разных регионов России и зарубежных стран, в Национальном музее Кабардино-Балкарии экспонировалась выставка «Нас издавна черкесами зовут», организованная МЧА, Министерством культуры и «Адыгэ Хасэ» КБР. Это – на афише мероприятия, на самом деле

идейным вдохновителем и организатором проекта был один человек – Мухамед Хафицэ. Он же зачастую лично встречал здесь многочисленных посетителей.

США, Нью-Джерси, 1988 г.

В двух обширных залах музея были размещены более тысячи экспонатов, рассказывающие об истории, культуре и искусстве адыгов, которые он собирал на протяжении почти сорока лет. Тематические разделы выставки посвящены известным историческим, политическим, государственным деятелям черкесского зарубежья. Здесь же широко представлено многоплановое художественное искусство наших соотечественников – портреты, живописные полотна на историческую тему, гравюры, литографии и скульптуры. Вниманию посетителей предлагался также большой перечень фотографий, пластинок с записями народной музыки, книги на арабском, турецком, английском, французском, испанском языках, иврите, написанные адыгами, а также тем или иным образом посвященные черкесскому этносу.

В утренние часы в Национальном музее, куда я зашел, было немногочисленно. Мое внимание привлекла молодая пара с ребенком лет четырех. Идар и Лина приехали в Нальчик из пригородного Чегема. В музее оказались впервые, главным образом, чтобы сыну показать. Мальчик, как и родители, похоже, был глубоко поражен увиденным – столько красочных предметов в обычной жизни увидишь нечасто. Мать и отец поочередно тихо что-то рассказывали сыну об экспонатах – семья, как видно, удачно совместила приятное с полезным.

Постепенно посетителей становилось все больше. Спустя некоторое время радуюсь несомненной удаче: в зал во главе большой зарубежной адыгской делегации зашел организатор выставки Мухамед Хафицэ, взявший на себя роль экскурсовода.

– Портреты династии черкесских мамлюкских султанов, у которых мы сейчас находимся, были созданы в последние десять лет, – говорит он. – Как известно, история не сохранила рисунков или портретных зарисовок этих людей. Восстановить их мы попытались по рассказам и свидетельствам фамильных источников. Но таких картин не так много в этой коллекции – остальные сделаны с каких-либо оригиналов. Работали над ними Мадина Мальбахова – художник газеты «Адыгэ псалъэ», студентка Краснодарского государственного университета культуры, и Михаил Кастромин – выпускник Академии имени Репина. Здесь же графические работы всемирно известного художника Михаила Шемякина (Карданова), а также народных художников Российской Федерации Германа Паштова

Япония, 1990 г.

и Теучежа Кага, народного художника КБР Мухадина Кишева и народного художника Адыгеи Феликса Петуваша.

Там же, на выставке, появилась возможность спокойно побеседовать с Мухамедом Хафицэ. Да и окружающая обстановка как нельзя лучше располагала к неспешному общению на главную тему.

– Культура черкесского зарубежья – значительный пласт общеадыгской культуры. Что вас поразило, прежде всего, когда вы впервые для себя соприкоснулись с ней? – поинтересовался я у него.

– Это действительно богатейшее явление в нашей многотысячелетней культуре, – подчеркнул Мухамед Мусабиевич. – Мне одному, естественно, всего не собрать. Делегаты Конгресса МЧА из разных стран, уже увидевшие выставку, пообещали мне помочь с пополнением ее ресурса. Ведь практически в каждой семье сохранились редкие предметы, фотографии, книги – реликвии, которые могут быть интересны всем без исключения людям, которым близка культура адыгов. Совместными усилиями мы можем способствовать тому, чтобы выставка предлагала своим посетителям все более интересные предметы. Со временем представится возможность создать музей «Черкесское зарубежье» не только в Кабардино-Балкарии, но также в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае. Нужно продумать и вариант, при котором будут созданы стационарные государственные музеи или выставочные залы, куда люди без боязни будут отдавать предметы, имеющие историческое и культурное значение. Например, несколько лет назад в Стамбуле, в одной семье я ви-

Китай, 1990 г.

дел адыгскую гармошку, которой насчитывалось три сотни лет! Старая женщина, владевшая ею, никогда не отдаст подобный раритет в частные руки, а родине предков для сохранения государством, вполне возможно, подарила бы.

Мухамед Хафицэ тогда признался, что количество экспонатов его частной коллекции значи-

Израиль, 1995 г.

тельно превышает нынешние возможности залов республиканского музея – многие предметы посетители, к сожалению, увидеть не смогут. Впрочем, это и хороший знак: есть над чем работать дальше. Интерес к адыгской истории неуклонно растет, особенно среди молодежи – только эту выставку в Нальчике увидели тогда более 15 тысяч человек, значит, он с каждым разом все ближе к воплощению своей давней мечты.

Анатолий БИЦУЕВ

ДРУГУ

Мухамеду Хафицэ

Пока тебя враги не оставляют,
Пока для них ты чем-то нехорош,
Подножки ставят, имя затирают,
Не унывай: ты правильно живешь.

Держись, мой брат, стерпи удушье сплетен
И жестче стой среди этой суеты.
Не по нутру им то, что путь твой светел,
Дела твои и помыслы чисты.

Когда идешь достойною дорогой,
Когда мечта высокая зовет,
Нелишне знать, что в жизни этой строгой
Коварства яд тебя не обойдет.

К несчастью, жизнь еще не опровергла
Мудрейшего, который нам изрек,
Что счастье и удачу человека
Всегда пронзает зависти клинок.

***Министр культуры Кабардино-Балкарской Республики
Кумахов Мухадин Лялушевич
в январе этого года отметил
свое пятидесятилетие***

М. Л. Кумахов родился 17 января 1966 года в сел. Лескен-2 Урванского района КБАССР. В 1990 году окончил высшее театральное училище им. Б. В. Щукина.

После окончания (1990 г.) работал артистом в Государственном драматическом театре им. А. Шогенцукова. С 1996 г., по совместительству – диктор, редактор ГТРК КБР.

1996–2000 гг. – аспирантура РГПУ им. Герцена. 2005–2010 гг. – председатель регионального отделения Союза театральных деятелей (ВТО) Российской Федерации.

2009–2011 гг. – директор Государственного учреждения «Вещательный телевизионный канал «Кабардино-Балкария». 2011–2012 гг. – председатель Государственного комитета КБР по средствам массовой информации.

С 2012 года – и.о. министра по средствам массовой информации, общественным и религиозным организациям КБР.

Кандидат культурологических наук. Заслуженный артист КБР, лауреат Государственной премии в области телевидения, член Союза журналистов с 2003 г.

Указом Главы Кабардино-Балкарской Республики от 13 января 2016 года № 2-УГ за многолетний добросовестный труд награжден Почетной грамотой Кабардино-Балкарской Республики.

АХМАТУ СОЗАЕВУ – 75

Ахмат Созаев пришел в балкарскую поэзию со своим особым мироощущением, которое проявилось уже в первом сборнике его стихотворений. Многие читатели не совсем его поняли, но всеми он был признан как своеобразный молодой поэт, благодаря чему он быстро реализовал свой природный дар и вышел на большую дорогу поэзии.

Сказанное не означает, что все балкарские читатели безоговорочно воспринимают его поиски: ведь новое художественное явление читатель не сразу оценивает по достоинству. К тому же поэтику многих баллад А. Созаева определяют выражения, к которым не привык читатель, эпитеты, символы, ему малознакомые. В этом отношении следует отметить, что балкарским авторам, в частности А. Созаеву, свойственна не только способность мыслить, но и поэтическая смелость. Благодаря этой особенности возможности национального языка расширяются и, выходя за рамки привычного восприятия, способствуют более глубокому проникновению в миропонимание художника.

Основой развития языка является окружающая среда, действительность. Однако вторая природа, творимая руками балкарцев, не отличается богатством. Если бы такие поэты, как А. Созаев, ограничивались впечатлениями от нее, то, пожалуй, язык их произведений не отличался бы особым своеобразием. Во всём должна быть мера. Ахмат Созаев хорошо осознает это и, поскольку видит жизненные явления в разных аспектах, соответственно этому придает новый смысл обыденным, известным читателю словам. К тому же, одним из часто используемых им приемов является олицетворение, мифологизация. В качестве примера можно сослаться на баллады «Мои раздумья», «Улыбающиеся светлые мои раздумья», «В высоте отдающиеся светом раздумья», «Отдающиеся грустью мои раздумья», «Играющие, словно солнечные лучи раздумья», «Как небо без облаков, ясны мои раздумья...».

Восприятие А. Созаевым окружающей среды чувственно и концептуально. Его картины природы и быта выстраиваются из массива зрительных впечатлений и переживаний, формирующихся в результате контактов с явлениями социальной действительности. В этом отношении поэт проявляет уверенность и смелость, определяющиеся многогранностью и изменчивостью предметов, которые он созерцает. Поэтому А. Созаев и пишет, что «Луна стала большеглазой», или «Ржанье остроухой кобылицы шире ночи».

Приводя в движение совокупность слов или массив других выразительных средств, Ахмат Созаев учитывает особенности читательского восприятия и отношение людей к явлениям окружающей природы и то, что она познается через близких человеку животных и бытовые явления.

А. С. Созаев

В этом отношении балкарский поэт продолжает традиции не только балкарской народной мифологии, но и Сергея Есенина. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить несколько образов русского лирика, в частности, ягненок у него, как «кудрявый месяц гуляет в голубой траве», «рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани», «солнце – то заяц, то кошка, тянет клубок к себе» и т. д.

Отмеченным своеобразием изобразительно-выразительным средствам балкарского поэта свойствен мягкий, лирический свет, идущий из национальной мифологии, нацеленный на особую близость человека и природы: «Желтое утро – начало рассветать», – пишет поэт. Или «белое утро», «звезды, превращенные в голубые клавиши», «деревья, поклонившись, оделись в солнечный свет...».

Характеризуя балладную поэзию Ахмата Созаева, можно отметить, что многие его произведения настолько уплотнены сравнениями, эпитетами и метафорами, что они в этом аспекте неповторимы и глубоко лиричны: что многое из того, что он наблюдает, приобретает свойства, которые присущи лишь переживающему, мечтающему, думающему человеку: «руки твои – словно испуганные голуби», «как распускающийся цветок, застыл ты перед зеркалом» (*подстрочник*), – пишет поэт. Или «Дождь ранним утром пришел к земле тяжелое небо» (*подстрочник*).

Мастерство поэта выражать мир мыслей и чувств лирического героя, изображать психологизированные картины окружающей среды сказалось и в поэме «Земля» (Жер). В выразительных средствах поэта, в частности появляются такие словосочетания, как «многоликая земля», «земля-кормилица», «мать-земля», «основа нашей жизни», «земля-многоголосая», «земля – наш огромный дом», «земля – единство многих миров и бесконечных исторических дорог...». Поэт подчеркивает, что в нашем большом доме миры изменяются, воссоединяются, отдаляются друг от друга, но ни один из них не исчезает.

* * *

Современная балкарская баллада, развиваясь в контексте словесности народов России, стремится помочь читателю понять смысл и единство миров. Да и сам читатель уже не тот, каким он был в 1960–1970-х годах. Осознанная ответственность перед ним и достигнутыми успехами в 70–80-х годах XX столетия обязывает авторов искать новые пути осмысления реальной действительности.

Однако не все издаваемые произведения соответствуют современной духовной перестройке. Нередки случаи, когда стихотворения ремесленников возводятся в ранг подлинной поэзии. Порой в оценке творчества бездуховных сочинителей определяющим моментом становится «знакомство» или малограмотность ценителей. Это тоже в литературную жизнь пришло со спецификой XXI века.

Верный признак того, что произведение живое, художественное, а не черно-белое публицистическое явление – это знание развития истории не только своей национальной литературы, но и теории литературы, художественной словесности русского народа; это чувство ответственности перед национальной культурой и ее будущим.

Основой поэзии являются не красивые слова, а мыслящий человек. Ее душа и крылья – это единство мысли и умение прислушаться к людским тайнам. Если задаться вопросом, в чем же одна из особенностей поэзии А. Созаева, то, пожалуй, следует сказать, что это мыслящее окружение, а пространство и человек его составная часть. Это свойство характерно для многих балкарских поэтов, но преломляет его каждый из них по-своему. А. Созаев же большое внимание уделяет тайнам природы и человека, через мифологизацию природных явлений, предметов пространства опять-таки познает человеческое (например, «заблудившиеся деревья», «окна смеются, аплодируя»). Но в тоже время Созаев склонен выражать свои чувства, печаль и мечту открыто, хотя и здесь природа помогает поэту глубже понять состояние лирического героя:

*В тот час, когда мое дерево расцветет белым цветом,
Как свет звезды, оборвется биение моего сердца,
Будто вспыхнувший огонь, заржет мой скакун,
И насторожится бескрайняя равнина.*
(Подстрочник)

Здесь немаловажен тот факт, что сознание и природа, законы мышления и природы согласуются между собой. С другой стороны – поэт еще раз напоминает читателям, что природа не может оставаться равнодушной к внутренней тревоге или трагедии человека, что они одно целое.

Ахмат Созаев – поэт, который доверяет и верит читателю, знает его интеллектуальный уровень, относит его к категории людей думающих и мыслящих. Потому нередко предлагает ему недоработанные стихи, иногда ограничивается отдельной деталью, но подсказанной впечатлениями или желанием вести за собой думающего, переживающего, проникающего вглубь его думы читателя. «Двадцатый век, не вмещающийся на экран телевизора, гудит-шумит, настораживая землю шествием оружия», – пишет поэт (*подстрочный перевод*).

Если пытаться оценить достоинство подобных строк поэта, не вникнув в их смысл, то можно отнести к ним как к узорам на белой бумаге или уподобить их сорванному с дерева отдельному листку («Солнце, улышав свои звуки, улыбается, улыбается, даря окружающим улыбки», – (*подстрочник*)).

Ахмат Созаев отличается большой преданностью поэзии, упорством в поисках всё новых и новых ее языковых возможностей. И вдохновляет его в этих поисках жизнь, наша эпоха и ее изменчивость. Жизнь многолика и быстротечна – сегодня она нас окрыляет, делает счастливыми, завтра погружает в печальные мысли. Это глубже осознают и чувствуют поэты, чистые душой и честные. Лирический герой Созаева не из тех, кто вдохновляется по всякому поводу. По характеру жизнерадостный, но и печаль, и драмы жизни встречает он с достоинством, боли человека, его внутреннему беспокойству всегда уделяет большое внимание, вызывая сострадание окружающих.

Душевный покой, умение радоваться миру, стремление к счастью – всё это свойственно герою Созаева не от того, что он не осознает слож-

ности эпохи или лишен чувства сострадания к другим, – а потому, что он способен думать, ценить дар жизни, мечтать, верить в будущее. Обо всём этом убедительно говорит голос А. Созаева:

*Мать моя сладко спит.
Огонь в печи беседует со мной.
За окном Луна,
Спокойна и тиха, как моя мать.*
(Подстрочник)

Бег времени XX века быстротечен, ему ведомо много победных свершений, но и многое утратило свое значение. Обо всем этом Созаев пишет без натяжки благодаря природному естественному мышлению, часто используя опять-таки предметность окружающей среды («Рассветы приходят. Приходят, приходят в поисках своих песен», «Ветряные мельницы уснули на высотах, словно уставшие журавли» (подстрочник).

Как отмечалось выше, поэзия А. Созаева с точки зрения некоторых «ценителей» не бесспорна: тонкий лирик, он многое унаследовал из русской поэзии, но и многое из того, что так привычно было балкарскому читателю, значительная часть его произведений написана белыми стихами, ритмика свободна, образы лаконичны, поэтический язык эмоционален. Но, что бы ни говорили оппоненты А. Созаева, в его поэзии связь мысли, содержания и техники сохранялась. И на современном этапе он один из самых признанных балкарских поэтов: что бы там ни говорили, новое всегда находит дорогу в большую литературу. Он автор многих поэтических сборников («Голоса трав», «Открываю утро», «Если велит бог», «Моя ладонь» и другие), которые читателю хорошо известны.

Время, в котором А. Созаев живет и творит, противоречиво и требовательно: читателей волнуют такие проблемы, как зрелость художественного осмысления действительности. Тому яркое свидетельство – творчество Зумакуловой Т., Бабаева И., Мокаева М., Теппеева А., Гуртуева С., Байзуллаева А. и других. Речь идет о том, что философский уровень балкарской поэзии по сравнению с 1960–1970 годами высок, образительно-выразительные ее возможности, как и вся поэтика, улучшились. Соответственно выросла и ее ответственность перед национальным читателем.

Сложившаяся обстановка в литературном процессе ставит писателей перед необходимостью систематического обновления своего восприятия и художественного преломления действительности. А. Созаев безукоризненно чувствует эту особенность реалий современности.

В своих творческих поисках Ахмат нередко обращается к средствам отображения, близким прозаическим. Однако в ослаблении художественности, поэтичности стихов его не упрекнуть. Это и понятно: ведь главное в поэзии – мысль и поэтическая смелость. Созаев, прежде всего, – мыслящий художник. И в этом его решительность.

В народе говорится, что у каждого человека есть свой камень, звезда, дерево. Не менее распространена и мысль о том, что у каждого поэта и писателя имеется древо судьбы, древо творчества, которое постоянно растет и ширится. Но оно может на определенном этапе движения и оста-

новиться, или находиться в эволюции. Все зависит от глубины мысли, от характера восприятия действительности и умения проникнуть в ее специфику.

Чтобы художническое древо постоянно стремилось ввысь, не останавливаясь в своих познавательных особенностях, необходимо, чтобы сам художник жил в познавательном движении и не забывал свою ответственность перед национальной культурой.

Ахмат СОЗАЕВ

МОИ ТРИ СВОБОДЫ И ТРИ ГОРДОСТИ

Аллах мне, едва лишь я свет увидал,
Послал три свободы,
Три гордости дал,
И я на всю жизнь их значенье постиг:
Родители,
Отечество,
Родной язык.

Так жили на свете
Отец мой и мать,
Чтоб совесть и честность
Свою утверждать,
Их честь и достоинство
День ото дня
Невидимо перетекали в меня.
Душой очищался, светлел я лицом,
Представ перед матерью и пред отцом.
И не было в мире полнее свобод,
Чем та, что родительский взгляд нам дает.

Не знал я забот, их опекой храним,
И праздником жизнь мне казалась сплошным.
И хлеб, что очаг материнский испек, –
Всех песен моих неизменный исток.

Когда были живы отец мой и мать, –
Высокие горы я мог покорять,
Один я взбирался к вершинам седым,
Был легким, и радостным, и молодым!
Когда были живы и мать и отец, –
Мой дом согревало тепло их сердец.
Был светел и был изобилен мой дом,
И каждый мой день был наполнен добром.
Я горд был, и мог я свободно дышать,
Когда были живы отец мой и мать...

Аллах мне, едва лишь я свет увидал,
Послал три святыни,
Три знамени дал:
Родителей,
Отечество,
Родной язык.

Родители, срок свой окончив земной,
Сгорели, как звезды,
Ушли в мир иной,
Мой дом погрузился в печальную тьму,
В душе моей стало темней, чем в дому.

И думал я, горестных слез не тая,
Что нынче один-одинешенек я,
Что я никого на земле не найду,
Кто мог разделить бы со мною беду...

Но в сумрачный мир мой
Луч света проник:
Отчизна моя и родной мой язык
Напомнили:
Есть у тебя еще мы, –
И рухнули стены безмолвья и тьмы.
Отчизна меня, словно мать, обняла,
Добра, как забота; как ласка, тепла,
И речи родной многозвучный глагол
Со мной по-отцовски беседу повел.

Почуял я силу родимой земли,
Как будто бы вновь у меня отросли
Могучие крылья,
И заново мне
Досталось летать
В голубой вышине!

Аллах мне, едва лишь я свет увидал,
Послал три удела,
Три участи дал:
Родителей,
Отечество,
Родной язык.

Родители нынче
За смертной чертой,
Но круглым не сделался я сиротой:
Отчизна жива,
И язык мой живет,
Они – мне опора, они – мой оплот.

Меня над годов быстротечной рекой
Отчизна ведет материнской рукой,
И песней, и речью, и строчками книг
Меня, как отец, учит жить мой язык.

ПЛЕТЕНЬ

Плетет неторопливо горец
Плетень уверенной рукой –
Как искушенный стихотворец
Строку выводит за строкой.

Так прутья в стройный стан свиваю
Под пальцами умелых рук,
Как звуки в музыке сливаются
В сплошной аккорд, в единый звук.

Хочу уметь почерпнуть я,
Чтобы слова в руках моих
Податливо, как эти прутья,
Сплетались в гибкий, прочный стих.

О, как бы стал стране полезен я,
Как был бы памятен, когда
Я б смог, как горец, в труд поэзии
Внести поэзию труда!

*Переводы с балкарского –
Л. Шерешевского*

* * *

Лунный свет.
Открыто окно,
А на окне – гитара.
В струнах ее спит давно
Музыка лунного света.

За день гитара устала,
Устала она, уснула,
И, ветерком непредвзято задеты,
Струны ее отвечают сонно.

Из груди гитары стозвонно
Исторгнута музыка лунного света,
И звуки летят, как птицы –
То тройка, то пара...
На подоконнике дремлет гитара.

**АДАМ МАРШЕНКУЛОВ:
«ПОЖЕЛАЙТЕ МНЕ НОВЫХ РОЛЕЙ»**

Заслуженному артисту КБР, солисту Музыкального театра Адаму Маршенкулову 19 февраля 2016 года исполняется 75 лет. Более 55-ти из них Адам Мухажевич посвятил профессиональной сцене. Он стоял у истоков Государственного Музыкального театра КБР и сейчас продолжает успешно исполнять ведущие роли в спектаклях.

Человек, наделенный многими талантами, не мог миновать сцены, куда его привела сама судьба. Цели стать артистом молодой человек себе не ставил, и даже сопротивлялся, когда старшие упорно направляли его на стезю профессионального артиста музыкальной комедии.

А. или Н.?

«Кто сегодня играет?» Зрители в ожидании начала спектакля с любопытством читают театральную программку, обсуждают игру – и не только игру – любимых актеров...

– И. Кальман, «Сильва». «В роли графа Бони – А. Маршенкулов».

– А в прошлый раз играл, наверно, его брат – Н. Маршенкулов.

Такой диалог можно было услышать в Музыкальном театре, в труппе которого на самом деле есть лишь один артист с такой фамилией.

Опечатка? Недоразумение? Отнюдь! Артист один, а имени – два. Как же так получилось?

В официальных документах герой этого очерка фигурирует как «Маршенкулов Нургалий Мухажевич – солист-вокалист», но все его знают как Адама.

– Ошибка вкралась, когда я пошел в школу, – поясняет заслуженный артист Кабардино-Балкарии. – В классном журнале рядом с моей фамилией стояло имя Нурадам. Для простоты и удобства произношения учительница предложила звать меня Адамом, я согласился и все подхватили.

Нурадам был вписан в свидетельство об окончании школы, но имя это было непривычно, и я поинтересовался у мамы, как же меня на самом деле зовут. В старом чемодане мы обнаружили выписанный при моем рождении документ. В нем было указано не первое и не второе, а совершенно иное имя: Нургалий! Так меня называл дедушка и надежно, подальше спрятал «важную бумагу».

Такова история моего имени и моего псевдонима. Кто знает, может быть, двойственность и даже тройственность была предопределена свыше, и благодаря ей, несмотря на мои метания из стороны в сторону, удача всё же улыбнулась мне?

Благословение

– Свой долгий творческий путь я прохожу с благословения мудрых старших – государственных деятелей нашей республики, педагогов, наставников, родственников, друзей. Меня практически заставили поехать в Москву, – с улыбкой вспоминает Адам Мухажевич. – Учиться в вузе и даже в музучилище я не хотел, потому что уже в шестнадцать лет работал солистом хора в ансамбле песни и пляски, который впоследствии получил высокий статус. Теперь это Государственный академический ансамбль танца «Кабардинка», и хора в составе коллектива нет.

Руководитель ансамбля Николай Пахомов как-то пришел в актовый зал областного Совета профсоюзов, где занимались коллективы художественной самодеятельности, и во время репетиции предложил мне официальную работу.

Это был счастливый случай для мальчишки, отец которого погиб на фронте. Я был младшим в семье (у меня были брат и сестра) и очень гордился тем, что зарабатываю деньги, а не «сижусь на шею» у мамы.

И вот в конце 1958 года министр культуры Фаина Арсаева (светлая ей память) стала настаивать на том, чтобы я поступал в Нальчикское музыкальное училище. Мой ответ был категоричен: «Не хочу! Кто меня будет кормить, такого великовозрастного?». – «Я буду кормить, три раза в день, только учись», – решительно заявила Фаина Тембулатовна, и действительно в течение трёх лет, на протяжении всей студенческой поры, она обеспечивала питанием не только меня, но и нескольких других талантливых ребят.

Однако до карьеры артиста мне было еще далеко. Мало того – я старательно ее избегал. Музучилище окончил по классу баяна – инструмент освоил, работая в ансамбле песни и пляски.

В Нальчике у меня не было ни жилья, ни родственников, которые могли бы меня приютить. Представьте себе, что ночевал я в кабинете директора (в те времена всё было проще, чем теперь, – и люди, и их взаимоотношения).

Мое поступление в ансамбль совпало с летними гастролями коллектива, и меня, приехавшего из села Нижний Куркужин Баксанского района, оставили разучивать репертуар под руководством концертмейстера.

В здании, где располагалась база ансамбля (ул. Кабардинская, 17), организовали курсы баянистов, и я от нечего делать брал в руки инструменты и в свободное время пытался играть. Юношеское рвение и музыкальный слух были замечены, меня зачислили на курсы, которые я успешно и окончил.

Министр культуры хотела, чтобы я пел, а я хотел играть на баяне. Когда абитуриентов в музучилище проверял лор-врач по фамилии Перельсон, он сказал мне: «У вас, молодой человек, хроническая ангина. Надо быть осторожным, беречь связки, чтобы не потерять глосс». – «Умоляю, скажите директору, что петь мне нельзя – хочу учиться по классу баяна!» – попросил я доктора.

Позвали Мусу Хабаловича Хасанова, сообщили ему «печальное» известие, и я стал учиться на отделении народных инструментов.

Это судьба

По окончании училища меня направили на работу в Тырныауз, однако моя педагогическая деятельность была прервана в самом начале. Константин Касимович Эфендиев, тогда – министр культуры, вызвал меня и сказал: «Мы строим Музыкальный театр – первый и единственный на Северном Кавказе. Ты должен поехать в Москву и выучиться на артиста музыкального театра».

Я, конечно, сопротивлялся, но он стал давить на совесть. Мол, государство тебя поило-кормило-учило, ты обязан проявить сознательность, работать на его благо, и всё такое прочее. В общем, надо учиться в ГИТИСе – Государственном институте театрального искусства.

К тому моменту диплома об окончании музучилища у меня на руках не было – оформление документов по каким-то причинам затягивалось. И вот, наконец, мы с товарищем-однокурсником получили дипломы, слеска, как полагается, их «обмыли» и, веселые, прогуливались по улицам Нальчика – тогда еще городка совсем маленького.

А в этот день в филармонии на улице Кабардинской (угол ул. Ногмова) проходил конкурс выпускников курсов по подготовке к поступлению в ГИТИС. Я об этом, конечно, знал, но благополучно забыл. И вот, проходя мимо здания, вспоминаю: «Давай пойдем, посмотрим».

Открываю огромную дверь в зрительный зал и слышу: «Маршенкулов, на сцену!».

Это был голос Павла Понтрягина – заведующего кафедрой музыкальной комедии ГИТИСа (профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Позднее у меня с этим великолепным специалистом по вокалу сложились очень теплые дружеские отношения).

Я и пошел. Что делать, не знаю, да меня это и не волновало – настроение замечательное, в вуз я не стремился, на подготовительных курсах не занимался, и море мне было по колено.

Просят прочитать стихи, басню – я ничего не знаю.

– Как вы готовили людей? – грозно вопрошают москвичи местных деятелей культуры. А те, кто включил меня в список экзаменуемых, отвечают:

– Старательно готовили.

В общем, вся сцена от начала до конца – сюжет для кинокомедии. Все поняли, что я не готовился, присутствующие в зале хохочут, а Понтрягин всё провоцирует меня на разговор, определяет, есть ли у меня дефекты речи (это я уже потом понял).

– Петь умеете?

– Можно я баян возьму?

Замечательная лиричная песня была в репертуаре азербайджанского певца Рашида Бейбутова – «Песня первой любви в душе до сих пор жива, в песне той о тебе все слова». Ее и исполнил.

– Станцуйте вальс.

– С кем? Один? Не буду! Могу стул взять? – куражусь я.

Бал-маскарады в облсовпрофе в те времена замечательные проходили на Новый год, мы со Светой Алоевой первые места именно по вальсу занимали.

В общем, дали мне партнершу, мы с ней покружились по сцене, на этом высокая комиссия и закончила экзаменовать мои таланты.

– Вы свободны.

– Пошли, Саша, продолжим – у входа в парк такие вкусные шашлыки! И пиво.

Продолжили. Возвращаемся. Навстречу Муса Хабалович.

– Какие результаты, что говорят? – спрашиваю.

– Говорят, что ты плохо танцуешь, – и он пошагал дальше.

Ах, так! Через пять минут вывешивают список счастливыхчиков, и я в этом кондуите первый!

Ругнулся, понял, что без меня меня женили, и отказаться никак не получится.

Третьегодник

Третьегодниками иногда становятся нерадивые ученики, которые ни в первый, ни во второй раз не освоили учебную программу. В случае с Адамом Маршенкуловым и его однокурсником Львом Лещенко – студентами отделения музыкальной комедии, ситуация прямо противоположная.

Юноши учились на третьем курсе института, кода руководитель курса народный артист СССР Георгий Павлович Ансимов, который пятнадцать лет руководил Московским театром оперетты, грозно приказал: «Маршенкулов, встаньте, возьмите Лещенко за шиворот и ведите в деканат. Вас ждет сам Покровский! Борис Александрович. Выдающийся оперный режиссёр, педагог, профессор, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии и прочая, и прочая.

Испугались, пришли.

– Здравствуйте. Ребята, вы мне нужны, – обращается к студентам великий и прославленный. – В учебном театре ГИТИСа ставим экспериментальный спектакль – мюзикл Микаэла Таривердиева «Кто ты?». Это о молодых и для молодых. Джазовая музыка, современность. В общем, интересно.

Героями советского мюзикла были полные надежд и вдохновения молодые люди, уезжающие на БАМ – на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

– Это была дипломная работа выпускников, – поясняет Адам Маршенкулов. – Нас двоих в нее вовлекли, и мы с третьего курса практически «перескочили» на пятый, да так там и «застряли», потому что были востребованы в студенческом театре ещё два года.

Работая «пятикурсниками», мы общались с Борисом Покровским, Микаэлом Таривердиевым, дирижером Юрием Арановичем. Великие были мастера, профессионалы высочайшего класса. Хорошую они дали нам школу, мощный заряд на всю творческую жизнь, которая летит без остановки и у меня, и у моего давнего верного друга, народного артиста России Льва Валериановича Лещенко.

Действие оперного спектакля происходит на Крайнем Севере. Мы – в телогрейках и валенках. Одежда и обувь настоящие, качественные, без имитации. Только апельсины бутафорские. А я по роли ору: «Апельсины из Марокко!» – и заморские фрукты из телогрейки вываливаются.

Хорошо ору, старательно, несколько раз пришлось повторить, а Покровский всё недоволен. Я от жары весь взмок, почти взбешён, не выдержал, да как гаркнул: «Апельсины из Марокко!» – и выругался от души.

При ком? При великом мастере! Все думали, и я в том числе: исключат немедленно.

Повисла гробовая тишина...

– Так и надо! Вот это эмоция! Это то, чего я от тебя, сдержанного кавказца, добивался! – воскликнул Покровский.

Он был самым неординарным человеком из всех, с кем мне довелось общаться. Каждый день работы с ним был праздником.

Самый сложный легкий жанр

Среди вокалистов, работающих в разных жанрах на театральных подмостках и на эстраде, артисты так называемого легкого жанра – оперетты – самые динамичные. Им приходится одновременно петь и активно двигаться: жестикулировать, танцевать, то кружась по сцене, то исполняя невероятные па, и, не сбивая дыхания, радовать почтенную публику исполнением веселой, искрометной музыки.

Артист музыкальной комедии – миссия почетная, профессионалы редки и уважаемы. А работать этим сценическим весельчакам приходится в разных условиях. «Тяжела и неказиста жизнь советского артиста». Эту поговорку в прежние времена знали все, и она соответствовала истине, что подтверждается многими примерами из актерской практики.

Адам Маршенкулов вспоминает, как однажды зимой студенты-артисты вместе с Борисом Покровским приехали в Ленинград, чтобы в течение двух недель показывать свой замечательный спектакль. «Красная стрела» прибыла на Московский железнодорожный вокзал в полночь. Мороз – 35 градусов.

Решив где-нибудь перекусить, молодые люди зашли в ресторан (ненавязчивый советский сервис не оставлял вариантов – иные точки общепита закрывались очень рано, и даже продовольственные магазины работали часов до восьми вечера, предоставляя немислимую льготу «дежурным» торговым точкам обслуживать покупателей до одиннадцати).

На ресторанной кухне давно остыли печи, в баре – только коньяк да шоколад.

Узнав у случайного прохожего, что единственное заведение, которое в такую позднюю пору работает, это бар в гостинице «Интурист», отправились туда.

– Я говорил по-кабардински, – вспоминает вынужденную авантюру Адам Мухажевич. – Лёва и еще один актер изобрели свой собственный язык, но бармен нас «вычислил» («мужик, у тебя же рожа русская») и велел убираться подобру-поздорову.

Так мы и не поели. В четыре часа утра снова оказались на улице, и выручил нас водитель хлебного фургона – дал несколько буханок бесплатно.

Закончилось это приключение для меня печально. Я получил двусторонне воспаление легких и в течение двух недель играл спектакль в ужасном состоянии, с температурой под сорок.

Только по возвращении в Москву доктора принялись лечить мою болезнь и ее последствия.

Дуб зелёный, крыша соломенная

Адам Маршенкулов был занят во всех постановках музыкальных комедий Музыкального театра. Играл, пел и танцевал не только в опереттах, но в операх. Партию Доктора Айболита исполнил в балетном спектакле для детей.

Любимых ролей много, есть среди них даже женские. Например, Донна Роза из искрометной комедии «Здравствуйте, я ваша тетя». Артист был великолепен в роли Бони в оперетте «Сильва», в роли барона Дона Розарио в «Черном драконе».

Амплуа простака требует веселья даже сквозь слезы. Без природного юмора, оптимизма, без динамичности тела и психики с ролью весельчака и балагура никак не справиться.

Природа одарила Адама Маршенкулова редким сочетанием качеств – экспрессивностью и деловитостью, легкостью в общении и прозорливостью. Это, а еще каждодневный неустанный труд, и определило его жизненный успех.

В 2015 году пресса Кабардино-Балкарии сообщила, что «Севастополь вновь вошел в нашу гавань»: «К 70-летию Великой Отечественной войны Государственный музыкальный театр КБР представил оперетту «Севастопольский вальс». Этот спектакль на музыку Константина Листова шел в театре 45 лет назад. Режиссер Тамара Сафарова начала новую постановку с написанного ею пролога, в котором заняты участники того действия Галина Таукенова, Адам Маршенкулов, Шахадат Наршаова и Алим Кунижев. В роли поседевших героев оперетты они вспоминают прошлое, говорят о сегодняшнем дне».

Как отнесся к «реанимации» спектакля заслуженный артист КБР Маршенкулов? Этот вопрос я не могла не задать Адаму Мухажевичу, потому что с детства помню фразу его сценического героя, которую после открытия Музыкального театра и премьеры «Севастопольского вальса» весело твердил весь Нальчик.

«Эх, дуб зеленый, крыша соломенная!» – повторял то и дело «донской моряк» и любитель женщин Генка Бессмертный, лихо сыгранный в 1969 году новоиспеченным выпускником ГИТИСа.

– Объективно оценить не могу, поэтому не буду давать оценку современному творению, к созданию которого многие творческие люди и технические специалисты приложили немало сил. Много изменилось, – рассуждает артист. – Считаю своим долгом вспомнить добрым словом выдающегося режиссера, который 45 лет назад совместно с Анатолием Шереужевым ставил спектакль в Нальчике. Это Георгий Павлович Ансимов, ученик Бориса Покровского, наш преподаватель в ГИТИСе. Он – постановщик спектаклей в Московском театре оперетты, в Большом театре и на многих других сценах мира. На девяносто третьем году жизни его не стало, это случилось в 2015-м, в год 70-летия Победы и восстановления у нас знаменитой героико-патриотической оперы.

Только не мешайте

– Всегда я работал на двух-трех работах, – вспоминает труженик сцены. – После окончания института – в театре и на нальчикской швейной фабрике. Не отказывался ни от каких возможностей работать и зарабатывать. И всё выходило как-то легко, с удовольствием и энтузиазмом.

Когда в стране было позволено создавать кооперативы, я организовал театр миниатюр «Радость», в труппе которого было лишь пять человек, в том числе и моя жена Майя Бесчокова, и наш мобильный коллектив, умещавшийся в моей легковушке, колесил по дорогам республики, выступал на престижных и самых непрезентабельных площадках, радуя жителей городов и сел.

Но сколько неприятностей мне пришлось пережить из-за собственной инициативности!

Кооператив был официально оформлен, зарегистрирован, налоги мы уплачивали исправно. Только руководство филармонии, в составе которой прежде работала наша бригада, было недовольно, поскольку это учреждение лишилось ежедневной прибыли, которую артисты «приносили в клюве».

И началась жестокая борьба за деньги. Вернее, против нас.

Закончилось все тем, что, по совету мэра города Феликса Хараева я обратился в центральную прессу. Из Москвы было получено разъяснение о том, что действия мини-театра вполне законны, и перед его руководителем должны извиниться те, кто чинил этому творческому коллективу всяческие препятствия (например, проверяли у зрителей билеты и мешали ходу спектакля, когда все пятеро были заняты на сцене и не могли реагировать на происходящее в зале).

Помню, тогда я сказал злопыхателям: «Какие же вы несчастные люди! Сами не можете организовать работу и другим мешаете».

А когда, пойдя на попятную, чиновники предложили мне помощь, я им ответил: «Мне помогать не надо – только не мешайте».

Детский музыкальный театр в Нальчике тоже создавал Адам Маршенкулов. Сначала – при предприятии «Каббалкавтотранс», которым руководил Ф. Хараев, а затем театр стал муниципальным, финансировался из городского бюджета. С развалом Советского Союза музыкального театра для детей – весьма востребованного и любимого зрителями – в Кабардино-Балкарии не стало.

С благодарностью

– В последние годы труппа Государственного музыкального театра очень редко выезжает на гастроли, хотя прежде каждый год мы колесили по огромной стране, объехали весь юг России, побывали на Украине, в Армении, других регионах. Помню, в Харькове в 1978 году мы играли «Свадьбу в Малиновке», и я встретил в центре города делегацию Кабардино-Балкарии, которая с пересадкой направлялась в Винницу – город-побратим Нальчика.

Увидев афишу, глава делегации Заурбек Нахушев отметил, что в центре Украины, в ее прежней столице музыкальный спектакль о событиях на Украине так успешно играют кавказские артисты.

Адам Маршенкулов играет без замены, при любом состоянии здоровья. В самом начале трудовой деятельности, когда принес двухдневный «больничный лист», Муса Хабалович Хасанов рекомендовал: «Больше чтоб не болел». И этой рекомендации заслуженный артист Кабардино-Балкарии следует по сей день.

– Моя работа и есть моё хобби, в театр иду как на праздник. Приятно вспомнить, что в прессе было много статей, отзывов – публика нас любила. Зрители просили автографы, на гастролях охотились за лишними билетиками...

Своим согражданам пожелаю, чтобы они чаще ходили в театр и помнили, что культура – основа основ. Это то, что отличает людей от животных, что делает человека человеком.

Профессия интересная, но и тяжелая. Идти в нее я рекомендую только тем, кто ощущает непреодолимую тягу к сцене. В своих детях я этого не увидел, но если бы они пожелали посвятить себя актерскому мастерству, режиссуре, я бы им, конечно, не запретил.

Безмерную благодарность я испытываю к старшему брату, который решительным образом повлиял на мою судьбу. Участь на первом курсе ГИТИСа, я, уже взрослый и опытный, по сравнению с другими студентами человек, категорически отказывался выполнять этюды, обязательные по курсу актерского мастерства. Изображать божьих коровок и других представителей животного мира казалось унижительно. И я решил уйти. Брату сказал, что здесь мне неинтересно, буду поступать в консерваторию, ведь я баянист.

Своим авторитетом, умением убеждать брат остановил меня, сказал, что гордится мною – студентом столичного вуза. И я, к счастью, остался в ГИТИСе.

Больше нет среди нас доцента Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета, кандидата биологических наук Замудина Мухабовича Маршенкулова. Он был мне замечательным братом, великодушным отцом своим высокообразованным детям. Скорблю о нем и благодарю судьбу за то, что он был в моей жизни.

А семейная моя история трудная. Первая жена скончалась, оставив меня и дочь Мадину двух с половиной лет.

Я переживал, три года не женился, а потом связал свою жизнь с Маей Бесчоковой, которая удостоена звания народной артистки Кабардино-Балкарии. Майя Мусарбиевна исполняла все заглавные партии в операх и опереттах. Сейчас преподает в Северо-Кавказском государственном институте искусств и продолжает работать солисткой Музыкального театра.

В счастливом браке у нас родилась дочь Амина. Девочки выросли и подарили нам внуков. Кантемир – юрисконсульт. Фатима, названная в честь рано ушедшей из жизни бабушки, – студентка аграрного университета. Саида и Лалина учатся в школе.

В феврале я отмечу юбилей, а в марте надеюсь стать прадедом!

В мир приходят новые люди, жизнь продолжается и несет новые радости. В моей жизни есть всё, чем человек может быть счастлив. Пожелайте мне новых ролей.

Анатолий ПАРПАРА,
поэт, драматург, общественный деятель,
профессор Московского государственного
университета культуры и искусств,
председатель международного фонда имени М. Ю. Лермонтова,
создатель и редактор «Исторической газеты», секретарь
СП России, лауреат Государственной премии РФ

МАСТЕРА И ПОДМАСТЕРЬЯ

За долгую жизнь мне пришлось переводить на русский язык не только стихи разных поэтов, писавших и пишущих на языках народов республик, входивших в СССР, народов современной России, но и на тех языках, которые для нас всегда были иностранными: чешском, сербском, македонском, хинди, бенгали, болгарском, арабском, монгольском...

При этом я всегда дорожил не столько возможностью этой работы, сколько осознавал её необходимость. Нельзя заниматься переложениями с одного языка на другой только для того, чтобы проверить технику стихосоздания. Техника в переводах играет скучную роль. И не приносит радости открытия.

Есть множество примеров, когда благодаря именно техническим навыкам в стихосложении поэты издавали огромное количество переводных стихов. Речь идет о тех ремесленниках, для которых оплата, заработок – цель прагматическая, мало чего общего имеющая с творчеством. И классики советского перевода на этом зарабатывали деньги. Но... Один из них, Яков Козловский, остроумно провёл точную грань между национальными мастерами и подмастерьями:

*Но я в отличие от такси
Не всех перевожу!*

Я начал переводить совершенно неожиданно для себя. В 1969 в Москве проходило пятое всесоюзное совещание молодых писателей. Я был в семинаре Егора Исаева, Сергея Васильевича Смирнова и Виктора Кочеткова. Обсудили моё творчество – с замечаниями, с некоторыми жёсткими словами. Но всё это пошло мне на пользу. К тому времени я уже понимал, что жёсткая критика – оздоровительная критика.

После моего обсуждения подошёл ко мне башкирский поэт Мухамад Ильбаев и говорит: «Анатолий, завтра будет моё обсуждение, вы переведите мои стихи». Я отвечаю, что никогда не переводил и не знаю, как это делать. А он настаивает: «Знаете, ну совершенно некому больше. А я слушал ваши стихи и понял для себя, что вы самый близкий мне по настроению, по восприятию мира, по трудовой основе, по природе своей». Что делать? Взял я у него подстрочники двух небольших стихотворений, приехал домой (а я тогда жил в коммуналке, в одной комнате

вчетвером с матерью, отцом и братом). И, когда все заснули в двенадцать часов ночи, вышел на кухню, сел за стол...

Мой первый переводческий опыт оказался удачным. Но главное – я понял на конкретном примере, что при переводе поэтических строк надо, чтобы образ, найденный одним поэтом, бережно был перенесён на почву родного языка. А будет ли он жить и плодоносить, зависит полностью от способностей переводчика.

То, что хорошо на одном языке, должно быть так же хорошо на другом языке. Некоторые русские поэты, например, талантливый Анатолий Передреев (он много переводил поэтов Кавказа – сам долгое время жил в Грозном), при всей его мощной природной даровитости, написал за полвека своей жизни только сто одно стихотворение и небольшую поэмку, но зато в его переводе вышло много книг национальных поэтов, некоторые из которых получили Государственную премию СССР. Однажды его спросили, как он делает так, что довольно слабые в оригинале стихотворения в его переводе становятся сильными и поэтичными? И не обкрадывает ли он свою поэзию, отдавая энергию своего таланта другим поэтам? Он ответил по-восточному красиво: «Стихи для меня – праздник, а встречи с праздником не бывают частыми. Поэтому я и занимаюсь переводами, чтобы дожидаться этого праздника».

Конечно, одно время мне приходилось просто зарабатывать на жизнь переводами. Тогда платили за этот труд, и, переведя за несколько месяцев книгу чьих-то стихотворений, я мог полгода работать на самого себя. И это было очень важно. Поскольку собственные произведения, к тому же у поэта ещё мало знающего, мало вникшего в саму структуру поэтической работы, появлялись туго. Нужно было много времени на осмысление, на рост, на подготовку. Поэтому так и получилось, что я много переводил. Но любопытно, что я много переводил молодых поэтов, а теперь они – классики на своих родных языках.

Со многими из них «деловые отношения» переросли в близкие товарищеские или даже дружеские. Например, с Юрием Семендером – я перевёл его первую книгу на русский. Теперь он народный поэт Чувашии. С Диманом Белековым из Горного Алтая. Я тоже перевёл его первую книгу. Сейчас он известный поэт, уважаемый республиканский деятель. Недавно я был в Кабардино-Балкарии, и мне неожиданно напомнил Абдуллах Бегиев, что первые его стихи на русском были опубликованы в журнале «Москва» в моём переводе тридцать лет назад. Живёт и здравствует в Северной Осетии председатель Союза писателей (он был и министром культуры республики, и руководил во Владикавказе государственным театром) Камал Ходов. Он всего на год меня помоложе, но на родине считается классиком осетинской литературы. А когда-то, лет сорок назад, я приехал в Южную Осетию, чтобы перевести осетинских поэтов для журнала «Москва». В Цхинвале и познакомился с Камалом. Мы подружились. Я скажу честно, что на тот момент он был собраннее меня, уже полностью сложившимся поэтом. По заданию редакции я перевёл несколько его стихотворений, так же, как и стихи его товарищей Хад-

жи-Мурата Дзуццати, Зину Хостикоеву, Ахсара Кодзати, Гафиза, Гергия Бестауты...

Тогда национальные поэты понимали значимость перевода их на русский язык. Напечататься в советских журналах, выходящих многотысячными, а то и многомиллионными тиражами, было не только престижно, но и важно для становления имени. Вряд ли Чингиз Айтматов имел бы такую бешеную популярность, если бы его перевели сегодня на русский. Время было иное. Атмосфера поэзии была возбуждающей. Политика тогда завидовала поэзии. Флюиды поэзии окружала атмосферу Земли. И они знали, что в космос мировой словесности выход только через ракету русского перевода.

Поэтов Северного Кавказа я стал переводить неожиданно. Однажды ко мне в редакцию пришло письмо выдающегося кабардинского поэта Шогенцукова. Адам Огурлиевич писал мне: «Дорогой Анатолий, посылаю подстрочник стихов на твой суд. Всё, что по душе, переведи, пожалуйста, для периодики. Они войдут и в книжку. Мне очень понравилось твоё предельно бережное отношение к слову, отчего твои стихи читаются на лёгком дыхании». Письмо было написано 12 февраля 1976 года. Меня поразила тогда не столько высокая оценка моих стихотворений, опубликованных в журнале «Огонёк», сколько уверенность поэта в том, что я смогу перевести, ибо он указал, какому журналу и какому издательству я должен принести переводы. Так я приобрёл доброго друга. А через него – уважение талантливых поэтов Кавказа.

Всё-таки в полном смысле этого слова профессиональным поэтом-переводчиком я не стал, как Владимир Державин, Елена Николаевская, Яков Козловский, Наум Гребнев... Но параллельно, как Белла Ахмадулина, Владимир Соколов, Борис Примеров, Владимир Солоухин, Владимир Цыбин, я этим занимался. Тут очень важна мера. Эта мера должна состоять в том, что, переводя иное, ты не должен забывать о поэтической обязанности перед своим народом, перед родной природой, да и перед своим собственным творчеством. Если ты уйдёшь в переводы и будешь только зарабатывать деньги, то не осуществишь предначертанное тебе. На этом пути не реализовали себя полностью многие талантливые поэты. Например, Яков Козловский или Семён Липкин, которые от природы были очень талантливыми поэтами, но, переводя бесконечно народные эпосы, стихотворные книги восточных поэтов, они не реализовались полностью на русском языке. Можно только представить себе, какого великого поэта приобрела бы русская литература, если бы Арсений Тарковский бросил переводы. Но ему нужно было жить, кормить семью и потому он жертвовал талантом.

Я не один раз слышал разговоры о том, что Расула Гамзатова сделали знаменитым переводчики Яков Козловский и Наум Гребнев. Но правда состоит в том, что Гамзатов – великий аварский поэт. Он приобрёл мировую известность благодаря книге «Мой Дагестан», которую замечательно перевёл Владимир Солоухин. Я находился в 1995 году в Пакистане в составе делегации российских писателей: Вл. Гусев, Р. Киреев, М. Попов и, конечно, Расул Гамзатов с Патимат. И был свидетелем его

славы. В перерыве мы с Расулом присели, чтобы выпить чашечку кофе. Неожиданно к Гамзатову подошёл мужчина и стал что-то жарко говорить на родном языке. И вдруг поцеловал руку поэту. За ним второй, третий, двадцатый... Образовалась длинная очередь. И все что-то говорили, а потом целовали его руку. Расул спросил меня, о чём это они говорят. Язык урду, увь! – я не изучал. Увидев знакомого профессора-сербя, я узнал причину такого паломничества к аварскому поэту. Оказывается, они все читали «Мой Дагестан», а поцелуем руки выказывали высокую степень уважения Гамзатову.

Там же, в Исламабаде, в одной из бесед Расул Гамзатович признался мне: «Толя, я закончил книгу в тысячу четверостиший. Мне нравится, как ты пишешь свои миниатюры. Это очень близко мне. Мне нужна свежая кровь, потому что мои давние переводчики уже не могут переводить и мне хочется, чтобы эту работу сделал ты». Я ответил: «Расул Гамзатович, ну как я могу вас перевести, если я не знаю языка. К тому же вас, ваши творения уже сложившегося поэта, классика дагестанской поэзии трудно воссоздавать из подстрочника в полной силе». А он настаивает: «Ну, попробуй, попробуй!».

В итоге я согласился на компромисс и попросил Гамзатова проверить меня: «Напишите сейчас подстрочники хотя бы трёх четверостиший, я за ночь попробую их перевести». И Патимат, его жена, тут же записала требуемое на бумаге под диктовку Расула Гамзатовича (записывать ему было трудно в связи с болезнью руки). Ночью я их перевёл. Несмотря на малый формат, каждое стихотворение поэта было равно жемчужине, которую необходимо явить миру.

Рано, часов в девять утра, я принёс переводы Гамзатовым. Расул прочитал их, затем дал прочитать Патимат. Я сижу в ожидании – что скажут. И Патимат говорит: «Анатолий, это очень хорошо». Потом мне Гамзатов даже письмо написал, где сообщал – скоро я тебе вышлю свои четверостишия, готовься к серьёзной работе. Конечно, для меня перевести стихи Расула Гамзатова было честью. Но перевести всю книгу мне так и не удалось... Дальнейший разговор должен быть о писательских интригах и непорядочности конкретных людей. К самому Расулу это не имеет отношения. Хотя на некоторое время мы отошли друг от друга.

Зато с Кайсыном Кулиевым никаких недоразумений не возникло. У нас были очень хорошие отношения. Когда я работал в журнале «Москва», то не раз публиковал его поэзию, но стихи не переводил. Когда отмечали девяностолетие Кайсына Шуваевича в Кабардино-Балкарии, я попросил Хасана Тхазеплова, талантливого кабардинского поэта, найти не опубликованные на русском стихи поэта. Так мне в руки попало стихотворение, которое в оригинале называлось «Облачко Лермонтова». Написал его Кайсын будучи в ссылке. Это одно из молодых стихотворений Кулиева, но очень интересное. Учитывая опыт поэта, зная его биографию, я попытался передать любовь поэта к родной земле. Вот какими нежными словами заканчивается это дивное стихотворение:

*По гребням гор взлетаешь к солнцу смело,
В небесный путь усталого маня...*

*И в чёрный день ты оставайся белой,
О, тучка Лермонтова – песнь моя!*

К сожалению, стихотворение это мало известно на балкарском языке, а на русском публиковалось только в журнале «Литературная Балкария».

Имел я честь знать и друга Кулиева, замечательного кабардинского поэта и прозаика Алима Пшемаховича Кешокова. Ещё в 1974 году я оказался с ним в одной поездке. Крупный государственный деятель, знаток арабской культуры, в тот момент Кешоков был председателем Литературного фонда СССР, то есть руководителем целого министерства духовности, причём очень богатого. В поездке по западносибирским военным частям мы лучше узнали друг друга. А вскоре я понял, какой он благородный человек. Когда мы вернулись в Москву (а жил я тогда трудно, перебивался редкими гонорарами), вдруг через какое-то время мне звонят из Литфонда и предлагают зайти и получить деньги – двести рублей. По тем временам очень приличная сумма. Я спрашиваю – за что? Мне отвечают: «Алим Пшемахович распорядился». Оказывается, он, не говоря мне ни слова, выписал эти деньги как материальную помощь, хотя я тогда ещё не был членом СП СССР. Конечно, такое не забывается.

Так вот, Кулиев и Кешоков во время войны служили в одном полку. И когда Кулиев был тяжело ранен, то Кешоков вытащил его с поля боя. И ещё любопытная деталь о Кулиеве. Орден Красной Звезды, заслуженный в сражении, Кайсыну Шуваевичу должен был вручить лично генерал. И когда назвали его фамилию, он вышел из строя и сказал, что не может принять награду, потому что его народ сослан в Сибирь. На что генерал сказал: «Мы же не вашему народу вручаем этот орден, а лично вам за ваше мужество». И тогда он принял этот орден. Интересная деталь биографии, правда?

Я эту историю услышал из уст Давида Кугультинова. Кстати, когда Кулиев уже умер, то дня через два я по делам был в издательстве «Художественная литература» и на выходе неожиданно встретился с Кугультиновым. Спросил, к кому он направляется. «Да вот иду убеждать руководство издательства. Выходит двухтомник Кулиева. Но так как он умер, то вдове могут заплатить только часть гонорара. Я хочу убедить их, чтобы они деньги выплатили полностью, как самому Кайсыну». И он добился своего. Вот что значит настоящая мужская дружба. В то время понятия порядочности, дружбы ещё не были замутнены.

Я уже говорил о том, почему национальные писатели мечтали перевестись на русский язык. Во-первых, советская власть, конечно же, придавала огромное значение национальным культурам и понимала: чтобы они встали на ноги, нужно вкладывать в них деньги. И потому в советское время в республиках платили более-менее прилично за переводы. Если тогда поэт за свою строчку получал один рубль сорок копеек, то за переводную получал от рубля до рубля двадцати копеек. То есть переводы были почти приравнены к оригиналу. Это значит, что когда государство пожелает, то оно может заботиться о культуре.

Во-вторых, существовала литературная критика. Можно рассуждать, умная она была или вредная, но на тот момент она сделала своё анали-

тическое дело. И, конечно, писатели тогда, особенно кто имел большой опыт, получали достойную оплату своего труда. А это, в свою очередь, давало возможность вплотную заниматься творчеством, позволяло многое сделать.

Теперь же, сошлюсь на свой опыт, я могу только ночами писать, днём же вынужден зарабатывать себе на жизнь. Тогда же были другие возможности. И пятёрка великих национальных поэтов – Кайсын Кулиев, Мустай Карим, Давид Кугультинов, Алим Кешоков, Расул Гамзатов – была дружной. Они всегда помогали друг другу. Если кто-то в правительстве или из литературных чиновников нападал на одного, то они вставали друг за друга.

Но тут есть тонкости. Когда они набирали силу, авторитет национальной поэзии рос и читатель полюбил глубоких поэтов. И это было замечательно. Но вскоре на этой волне стали выходить во множестве лже-поэты, появилась манафактур-поэзия (термин Гёте), развелись лже-переводчики. Подстрочники делались «от фонаря». Рождались классики национальных литератур, у которых на родном языке не было ни одной книги. Подстрочное наводнение могло смыть национальные литературы. Замечательный чувашский поэт Яков Ухсай меня образумил, написав в тревожном письме: «Толя, не надо так много заниматься переводами. Представь себе – сотни чувашей вечерами садятся за стол и пишут стихи, а потом отдают тебе, чтобы ты их перевёл. Когда же ты будешь заниматься своей творческой работой?» А я действительно тогда много переводил чувашских сочинителей. Вполне возможно, если бы не этот его отеческий «подзатыльник», то я бы никогда не засел за свои исторические драмы.

К сожалению, сегодня я вижу, как скудеет национальная литература. И когда я разговариваю со своими друзьями – прозаиками, поэтами, – то они очень тоскуют по тому, как относились к литературе в советские времена. Потому что их любили именно как писателей, как поэтов. Сегодня у них всё другое. Хотя мои ровесники, которые ещё остались, что-то делают в литературе на том, советском, уровне. А молодёжи уже трудно служить литературе. Мамоне служить выгоднее.

Даже те произведения молодых писателей, которые сейчас в фаворе, о них много говорят и пишут, чисто с литературной точки зрения очень слабы. Даже если оценивать только техническую сторону написанных текстов, не говоря о высоких творческих и мировоззренческих задачах, тем более гуманитарных, эстетических, философских.

И ещё хотел бы сказать, что слово «профессионализм», высокое слово для оценки многих других занятий, в литературе не должно быть критерием таланта. Ибо профессионализм подразумевает фабричное производство, а литература – кустарное. Потому-то в русском языке существуют два слова, которые не сойдутся в одном строю: ремесло – для ремесленников и рукоделие – для талантов.

М. М. Бжеников

Бжеников Мухаб Мусабиевич родился в 1941 году в пос. Залукокоаже, КБР. В 1966 году окончил факультет журналистики Московского университета им. Ломоносова, в 1974 г. – аспирантуру при кафедре телевидения и радиовещания МГУ. Кандидат филологических наук, за время работы прошел путь от редактора до главного редактора Комитета по телевидению и радиовещанию КБАССР (с 1992 г. – ГТРК «Кабардино-Балкария»). Член Союза журналистов, член Союза писателей Российской Федерации, академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук; награжден знаком «Отличник телевидения и радио России», первым из работников СМИ республики удостоен звания «Заслуженный журналист КБР» (1992), обладатель высшей награды Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом», неоднократный победитель конкурсов на лучшую журналистскую работу, проведенных в КБР в 1969 г., в 1992–2000 гг.

Автор сценариев десятков телевизионных киноочерков, документальных фильмов, сотен теле- и радиопрограмм, репортажей, сюжетов, многосложных передач, проведенных по передвижной телевизионной станции; двух монографий «Радио и телевидение КБАССР» (1985, «Эльбрус»), «Радио и телевидение КБР: история и социология» (изд-во М. и В. Котляровых, 2012 г.), более сотни статей-исследований, посвященных электронным СМИ КБР, опубликованных в местной и центральной прессе; двух поэм, вышедших отдельными изданиями, – «Мэлыхуэхъ», («Волкодав»), «Абыкъу-хьэблэ» («Абуково, 2004), стихотворений, многие из которых положены на музыку и стали любимыми народом песнями – «Пятигорские черкесы», «Голос Отчизны», «Канжальская битва», «Оридадэ» и др.

Компания «Ашэмэз», учрежденная М. М. Бжениковым в 1993 году, директором которой он в настоящее время является, осуществила в 1995, 2003, 2007 гг. выпуск книг, имеющих высокую культурную ценность, таких, как «Адыгэ Хабзэ» («Адыгский этикет»), эпос «Нарты» на кабардинском и русском языках общим тиражом 12 тысяч экземпляров.

Мухаб БЖЕНИКОВ,
*заслуженный журналист КБР,
член Союза писателей России*

А. С. ПУШКИН: «КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ»

Для современников Пушкина, глубоко понимавших значение литературы в жизни общества и видевших, какое влияние на устроение оказывают его произведения, уже в начале 20-х годов 19 века было ясно, что перед ними не просто писатель в обычном смысле, а гений. Содержание же слова «гений» в русском языке не менялось со времён Державина – человек, наделенный способностью опережать свою эпоху, ясно видеть то, что скрыто прошлым и предчувствовать место и роль современного ему явления в далёком будущем. В этом смысле хрестоматийное определение великого русского поэта «И гений, парадоксов друг», в полной мере относится к самому Пушкину. В целом ряде его стихов и наблюдений обнаруживается поразительно точное предвидение событий, происходящих в мире сегодня.

В свете событий нескольких последних лет можно констатировать, что, по крайней мере, два текста, вышедших из-под пера А. С. Пушкина, практически с буквальной точностью отражают реальные проблемы политического и витального толка, ставшие перед социумом и руководством Российской Федерации. Речь идёт о широко известном, можно сказать, хрестоматийном, стихотворении «Клеветникам России» и менее популярной, но, в рамках нашего рассмотрения, знаковой публикации в «Современнике» от 1836 года – статье «Джон Теннер». Статья была сжатым конспективным изложением книги «Записки Джона Теннера», изданной в Нью-Йорке за шесть лет до этого. Короткая преамбула статьи предельно выпукло отражает конфликт этнических и маргинальных стереотипов морально-этического и ментального планов, ставший очевидным для Пушкина еще в первой половине XIX века, и удивительно точно вписывающийся в ситуацию начала нового тысячелетия.

Пушкин всегда современен. Он прожил неполных 38 лет, но его талант и интуиция, выраставшие из феноменальной чуткости к окружающему и огромной эрудиции, в своих масштабах несоизмеримы с отпущенным ему сроком земной жизни. Его энциклопедические знания охватывали всю европейскую культуру, и, как публицист, он лаконично и четко мог характеризовать состояние общественной жизни и тенденции развития большинства европейских стран. Тексты Пушкина, разворачивающиеся перед читателем панораму жизни Испании и Балкан, Кавказа и мусульманского Востока, не просто совершенны эстетически; они, как правило, настолько адекватны в этнических деталях, что сомнений в полной погруженности поэта в изображаемую культурную среду возникнуть не может. Естественно, Америка, находившаяся на периферии цивилизационной Ойкумены, не была столь хорошо знакома русскому поэту, эпизодические обращения к истории этой страны, отмеченные в

ряде исследований, были, в определенном смысле, креативной, экспериментальной линией развития его творческих интересов.

Тем удивительней характеристика некоторых институтирующих черт американской демократии и норм социального общежития, данная Пушкиным еще в те времена, когда системные изъяны заокеанской государственности и идеологии находились в зачаточном состоянии.

В упомянутой статье «Джон Теннер» Пушкин написал: «Америка спокойна совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающую душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских штатов...»² Как мы видим, не считая малозначительных поправок на 180 лет благополучного развития, высказывание Пушкина нуждаются лишь в одном резюме – по comment!

Сегодня трудно судить, насколько лояльными были взгляды Пушкина относительно общественного строя самой России, равно как и не установлено отношение верхушки Империи к писателю. За семьдесят с лишним лет советские литературоведы и историки превратили его в радикального ниспровергателя монархизма, Николая I в злонамеренного гонителя русского гения, документы же прошлого заставляют иначе взглянуть на эту проблему. Бесспорно одно – А. С. Пушкин позиционировал себя как русского человека, плоть от плоти, кровь от крови принадлежавшего своей стране со всеми её достоинствами и недостатками. И система общежития американского или, как обобщенно говорится сегодня, «западного» типа вызывала у него резкое неприятие. Попытки же вмешательства во внутреннюю жизнь российского государства, так или иначе статуйровать ценности Европы в качестве обязательных и более цивилизованных, не-

1 См. В. М. Фридкин. Пропаший дневник Пушкина. Изд-во «Знание». Москва, 1987. С. 111, 112.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. – Л.; Наука, 1977–1979. Т. VII. стр. 298.

См. Бенкендорф А. Х. Выписки из писем Николаю I о Пушкине. С-П. 1903. Типография М. М. Стасюлевича.

жели свои, родные устои, инициировали его однозначную реакцию, в основных своих смысловых блоках предвосхитившую внутреннее состояние граждан современной РФ, во многом сформированное идеологическим и культурным прессингом стран «развитой демократии».

Ода Пушкина «Клеветникам России», написанная во время польского восстания 1830–1831 гг., иллюстративно перекликается с сегодняшними настроениями общества. И это не удивительно. Яростные выступления ряда депутатов французского парламента, требования немедленного вмешательства в дела Российской Империи, прямая поддержка польского национального движения образовывали фон межгосударственных отношений России и не так давно побежденной Франции. Кстати, часть высказываний парламентариев Июльской монархии, диктуемая реваншистскими устремлениями, вообще сводилась к призывам к войне. Всё это вполне определенно ассоциируется с мотивацией и целевыми установками нынешней вакханалии экономических и политических санкций, применяемых к России лидерами западных держав и Америки, и, однозначно, как и в далёком прошлом, имеют одну цель – ослабить Россию, помешать консолидации её народов.

*О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.*

Стихотворение точно, художественно емко демонстрирует сходство схем общественно-политического состояния и взаимодействия России и Запада, разделенных временным промежутком протяженностью в 180 лет и объединенных идентичностью позиций сторон.

*Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали:
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда:
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага.*

Экстраполяция поэтической картины Пушкина на современную политику западных и американских лидеров приводит нас к неизбежному выводу о примитивной неосведомленности последних как относительно

ментальной специфичности российского общества, так и об их неосведомленности относительно существования таковой вообще.

Что именно обусловило столь вневременной верный и функциональный анализ ситуации – косность основ европейских внешнеполитических установок или гениальность Пушкина – остаётся только гадать. Ясно одно: духовное и нравственное наследие, связанное с именем А. С. Пушкина, безгранично и продолжает озарять сердца миллионов людей. Великий поэт созвучен эпохе и сегодня; он дает нам, нынешним россиянам, уроки патриотизма и этно-культурной устойчивости. С точки зрения же его провидческой одаренности, видится особый смысл в заключительных строках оды «Клеветникам России», напоминающих мудрую фразу еще одного великого сына человечества – «ad avisandum»:

*Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

Мурад АХМЕТОВ

АДЫГСКИЕ АМАЗОНКИ

М А Д И Я

Глава из романа

На высоком естественном кургане, покрытом пёстрым степным разнотравьем, стоит большой китайский шёлковый шатёр цвета слоновой кости. Стены шатра искусно подвязаны так, что образуют своими полукруглыми свисающими вязками нечто вроде спального, с балдахином, ложа царицы. На полу шатра разостланы шёлковые ковры в несколько слоёв. На коврах сидят десяток молодых женщин, обложенных для удобства большими и маленькими пуховыми подушками в красных наволочках. Женщины одеты в блестящие доспехи великолепной работы, но на головах – лёгкие полупрозрачные шали мягких тонов, поверх шлемов.

Это заседает совет племени во главе с Дадух.

Вокруг кургана, на котором стоит шатёр, на всём обозримом пространстве пестрят всевозможных размеров разноцветные шатры из разного материала. Здесь можно увидеть и скифские войлочные, и китайские шёлковые, греческие и хетские из материи, меотские из рыбьей кожи, из циновки, из шкур сайгаков, оленей и домашних животных. Шатры были добыты в разное время у разных народов.

Везде слышен шум обыденной житейской возни: лай собак, мычание коров и телят, блеяние ягнят, в воздухе витает целый спектр запахов – копченых сыров, мяса, одежды...

В шатре предводителя говорит Дадух:

– Сёстры, мы сегодня собрались, чтобы попытаться сообща решить один важный вопрос, который поставила нам жизнь, – быть или не быть нашему новому свободному обществу. То, что нам удалось уйти из тюрьмы империи амазонок, вырваться из мрака зла на свободу и увести с собой более семи сотен непобедимых воительниц – само по себе небывалое и немыслимое ранее событие. Это великая победа бога любви.

Но жизнь не позволяет нам долго праздновать эту победу и любоваться собой, я не хочу омрачать нашу свободу, пугать вас и портить вам жизнь. Но, как и во все времена истории человечества, жить позволено только такому обществу, народу, государству или иному образованию, которое способно защитить всё, что представляет малейший, будь это материальный, политический, нравственный или какой-либо другой интерес этого общества.

В этих бескрайних степях можно и прокормиться, и защититься от любого врага. Нам не страшна здесь и сама империя амазонок, потому что мы сможем уйти от преследователей, поджигая степь за собой и обрекая любое войско, которое больше нас численностью, на голод и жажду,

отсутствие пищи и корма для лошадей. Потому что мы очень мобильны и дисциплинированы, и, главное, мы хорошо знаем самого серьёзного нашего врага, из среды которого сами вышли.

Кроме того, нас могут поддержать наши родственники-скифы, хотя немало вопросов и проблем возникают в части взаимоотношений с ними. Похоже, они никогда не простят нам то, что мы увели у них более семи сотен самых развитых, здоровых и умных молодых парней. Не прошло и года со дня наших свадеб, но многие мужья или сбежали от нас в степь, или больше времени проводят в кочевых стойбищах скифов, объясняя это тем, что общаются со своими друзьями и родственниками.

В следующий раз, когда вырастут новые невесты, нам необходимо будет заключать союз с другими племенами, так как нам не хватает своих мальчиков. Вы же сами знаете, что девочек мы рождем в два раза больше, чем мальчиков, возможно по той причине, что тысячи лет наши матери молили богов дать им только девочек, чтобы меньше быть виновницами смерти новорожденных мальчиков. И по поводу новых женихов есть одно соображение.

Дело в том, что недалеко от нас, за мысом Къырукъандама, живёт очень большое племя метов², говорящих на языке, который мы легко понимаем. Вожди метов во время переговоров определённо выразили желание более близкого с нами общения, а возможно, и слияния.

Мы недавно послали к метам нашу делегацию и были приятно удивлены, что у нас с ними один язык, даже один диалект хеттского языка. Это тоже помогло нам быстро договориться с ними. Кроме языка нас связало с ними и совпадение интересов. Наше появление очень обрадовало метских вождей. Особую заинтересованность вызвало выступление наших девушек, которые показали своё искусство в наездничестве, стрельбе из лука, метании костью и арканов, в исполнении древних танцев. Меты очень развитые и физически и умственно. Но у них нет наших методик подготовки воинов, орлов и собак. Армия у метов очень грозная на вид, но она слаба и воинами, и командирами, и от прежней мощи остался только один боевой дух, непонятно на чём основанный. Метские вожди это все хорошо понимают и знают, что наше с ними слияние, или союз, спасёт их от поражения, поднимет боеспособность армии на самый высокий уровень. И это даст им шанс на сотни лет выживания и процветания. Наш союз делает взаимовыгодным ещё и то обстоятельство, что у метов традиционно не хватает невест, ибо рожают они больше мальчиков. А что касается нашей выгоды, то союз нам тоже жизненно необходим. И если через пятнадцать лет наши дочери начнут приводить к нам четыреста-пятьсот молодцов в год, то через полсотни лет мы сможем иметь двадцать, тридцать тысяч непобедимых воинов. И пусть потом на поле брани никто не ищет с нами встречи. Так что без женихов мы не останемся.

Что касается материальных проблем, то мы можем наладить некоторые производства, необходимые для жизни. Среди нас много не состоявшихся по разным причинам ремесленников различных специальностей.

Къырукъандама – крыло аиста (адыгск.).

² *Мет* – адыгское название племени меотов.

Наши мужья умеют делать всё, что связано с кожей, шерстью, деревом, глиной и так далее, они умеют работать с молоком и мясом. Мы неплохо знаем земледелие. У нас есть скот и небольшой семенной фонд. Всё это не даст нам голодать – мы выживем.

Но очень мало иметь то, что имеют дикие и неразвитые племена, нам необходимо и такое, чего нет у других. Нужно идти впереди остальных народов, имеющих средний уровень культурного развития, особенно в каком-нибудь направлении, важном для самообороны. Вот в этом вопросе и заключена наша основная беда.

Наша проблема в том, что среди нас нет ни одной воительницы, которая была бы посвящена в тайны обработки железа. Уд никогда не отпускали в поход таких людей. Да что там в поход, таких людей они за первые ворота крепости не выпускали без гарантии защиты. Империя хорошо умеет защищать тайны своих достижений. А секреты создания железного оружия и доспехов, которые есть у империи амазонок и которые они умеют охранять на протяжении вот уже более тысячи лет, и есть то, что даёт империи возможность хорошо жить и править другими народами. Увы! У нас этого нет. У нас нет доспехов для первого же поколения наших воинов. Нам надо создать нечто, что восполнит этот недостаток.

Дадух замолчала и начала поочерёдно вглядываться в лица своих подруг – членов совета. Они все были разные по цвету глаз, кожи и волос. Каждую из них жизнь выдвинула в небольшие вожди – в руководителей своих сотен. Но каждая, если судить по тому, что они сумели достичь за свои короткие жизни, могла быть предводителем не только сотни, но и целого племени.

Лица были разные. Но выражение глаз у всех было одинаковым. Ни одной мысли, ни одной искорки идеи или предложения. Дадух с грустью подумала, что все надеются на неё, все верят, что Дадух справится с любой задачей.

– Я вижу, что вы все надеетесь на меня, – продолжила она упавшим голосом. – Спасибо! Но я действительно не знаю, что можно придумать. По моим подсчетам, если боги сохраняют нас от больших бед, таких, как (упаси нас Тхьэшхуэ!) эпидемия, падёж скота, длительный голод или внезапное нападение большого войска, то нам нужно четыреста-пятьсот лет для того, чтобы создать мощную армию из парней и девушек, способную уничтожить империю амазонок и освободить народы Кавказа от злого ига. Но для этого нам необходимо освоить новые технологии, не уступающие вражеским. Кроме того, мы, все семь сотен пар, не должны сидеть с потухшими глазами, а думать день и ночь!

Нам вряд ли удастся улучшить качество подготовки воинов, ибо здесь амазонки исчерпали все возможности человеческого организма. И даже нам будет сложно добиться таких результатов, как они, потому что мы будем обучать и мальчиков, а они гораздо слабее, поэтому нужно разрабатывать более мягкую и щадящую систему для них, хотя они имеют и другое преимущество – большую физическую силу.

Есть и другие преимущества у нас перед врагом – это общая ненависть всех народов к ним. Все поднимутся против них, и даже те, кого они

никогда не трогали, пойдут в поход, потому что знают, какое огромное богатство сосредоточено за многие столетия на складах империи. Главное же наше преимущество – это то, что империя начала подгнивать изнутри.

Нам вот удалось убежать, потому что каждая из нас думала и мечтала об этом, скрывая свои мысли. Значит, еще многие думают так же. И вывод один – значительная часть амазонок помышляет не о том, как укрепить империю, а напротив, мечтает ослабить ее силы, с надеждой, что это даст им возможность освободиться.

Империя уже идет дорогой, ведущей к краху! И крах неизбежен! Чьими руками будет это сделано – нашими или иными – уже детали. Главное – империя должна рухнуть, ибо она бесчеловечна и превратилась в тюрьму для своего населения и для других нартов.

Хотя до этого еще далеко, но мы дали себе слово, мы поклялись еще в начале похода на Грецию, что ускорим этот процесс. И, как вы помните, наш главный лозунг – создать армию, которая будет расти численно в два раза быстрее, из мальчиков и девочек, ловкостью и мастерством не уступающих амазонкам, где впереди будут идти парни-богатыри сокрушительной силы, они будут прикрыты лучницами, попадающими в глаз за сотню шагов. Эта армия и положит конец империи.

Но чтобы наступил этот светлый день, нам всем надо коллективно думать! Повторяю, думать день и ночь, всю жизнь, две, три, десять и более жизней и поколений... и придумать нечто, что даст нам возможность жить и одержать победу!

Дадух замолчала. Воцарилась тишина. Она про себя удивилась, что уже довольно долго, непроизвольно и не отрываясь, смотрит в синие глаза Мадии.

Эти лучистые, удивительно синие глаза никогда не читались. Они все время лишь лучезарно улыбались, и невозможно было понять, о чем думает обладательница этих чудес. Но то, что Мадия умела думать, Дадух знала хорошо.

У нее всегда было свое оригинальное мнение. Зачастую, когда совет отряда при обсуждении какого-либо вопроса заходил в тупик и не получалось прийти к единому мнению, Мадия мягко и незаметно роняла нужное слово и мысль, и они приводили к образованию стержня, который постепенно обрастал предложениями и вырастал в единственно правильное решение, оправдывающее себя впоследствии. Она могла продумать любую деталь вопроса на много шагов вперед.

Мадия появилась в их крепости перед самым походом – ее перевели из какой-то случайно сгоревшей небольшой крепости, гарнизон которой был распределен. И с первых дней знакомства Дадух восхищалась этой девушкой.

Ее красота и изящество распространялись на все ее существо, на все, что она делала. То, что она творила во время боя, невозможно было даже понять, настолько хорошо были скрыты ее лаконичные удары. Ее мастерство воительницы было доведено до таких высот, что она, казалось, не тратила вообще никаких сил. А если судить по выражению ее глаз и мимике, можно было подумать, что она с удовольствием танцует свой

любимый танец, улыбаясь, играя своим стройным и пластичным телом и получая удовольствие. Да, это было похоже на танец, но танец ужасный, потому что на пути ее движений оставались одни трупы и кровь...

Дадух не раз думала о ней, пытаясь понять, где же предел возможности этой девушки. Она властвовала над всеми, включая и саму Дадух, но ее власть и влияние были настолько ненавязчивы, изящны и приятны, что этого не понимал никто, кроме Дадух. Но она мысленно была ей благодарна, хотя и сама себе не признавалась в этом, за... великодушие, которое позволяло оставаться ей предводительницей, вождем отряда.

Дадух, не переставая смотреть на Мадю, напряженно думала и вдруг спросила:

– Мадия, что ты скажешь, если мы попросим тебя поехать назад в империю и, затерявшись среди нартов, выкрасть для нас мастерицу, знающую секрет стали?

– Да! Мадия сможет это!

– Она может все!

– Мадия, помоги нам! – зашумели вдруг женщины с нескрываемой радостью, уверенные, что выход найден.

Мадия молчала, разглядывая всех вокруг себя своими небесно-синими улыбающимися и нечитаемыми глазами. Наконец она заговорила:

– Конечно, можно попытаться разведать, вычислить и выкрасть мастерицу, владеющую тайной закалки или тайной самого сплава железа. В конечном итоге, все знают, что нет такой тайны, которая не становится доступной.

Бытует твердое убеждение, что ничего нельзя скрыть от людей. Это, уверяю вас, не совсем так. Для того чтобы вы меня поняли, мне придется сказать вам многое и, возможно, кое-что из сказанного будет лишним.

Вы и представить себе не можете, насколько глубоко засекречена и насколько четко продумана сама система охраны стратегических секретов империи. Там, где вопрос касается оружия из стали, охрана испытана тысячелетиями. Казалось бы, нет ничего хитрого в выплавке стали, ковке и обработке, а затем и закалке. Но без знания множества секретов, количества и видов добавок, такое оружие, даже сделанное из железа, не будет лучше обычного бронзового, секреты изготовления которого знают все.

Всю цепочку изготовления оружия и доспехов знает одна или две амазонки во всей империи. Но они тоже, как правило, не знают одну из операций, вычислить которую невозможно. А чтобы повезло ее найти, нужно ошибиться тысячу раз и потратить на это долгие годы и много жизней.

Все мастерицы этого огромного производства знают лишь одну определенную часть работы, только одно звено этой длинной цепи. Вот, например, при плавке руды скрытно от гучапше, одна из уд приносит и добавляет в кипящую массу нечто, что другая добыла, а третья пригодила, как их учили предшественницы. Но при этом никто никого не видит и

Гучапше – (адыгск.) – сталелувы, люди, дующие через керамические трубки в расплавленную массу, для насыщения состава углекислым газом и усиления температуры плавления.

не знает, что приносят и добавляют туда. Каждая мастерица знает только то, что ей необходимо знать для выполнения ее доли из всей работы, а закончив свою часть, отдает полуфабрикат той, которая приходит к ней забирать работу. И та, которая забирает, тоже ничего не знает, кроме того, что здесь надо что-то забрать, а там надо оставить или отдать кому-то.

Можно заслать в империю агентов и закупить в разных крепостях орудия и инструменты из железа. Такие, как лемеха, молотки, серпы, напильники, пилы, и переделать их в оружие и доспехи. Но опять же, без знания секретов и умения, невозможно выковать и закалить стоящее оружие.

Все знают, что после смерти Луца Уд ее рассекретили и объявили, что скончалась последняя мастерица по закалке сабель. Я не верю, что она была последней и была ли вообще мастерицей. Ведь трудно вычислить мастерицу закалки еще и потому, что их всего несколько. А есть множество амазонок, которые мало чего смыслят в выплавке, и всю жизнь живут припеваючи, потому что они обучены тонко играть роль скрывающейся ото всех обладательницы тайны стали.

Так что можно их воровать бесконечно и ни разу не попасть на нужную. К тому же, мало выкрасть секрет стали, нужно еще получить способ изготовления добавок, знания по их обработке.

А ведь игра в смерть Луца Уд и ее пышные похороны, очевидно, есть еще один прием, чтобы перепрятать ключ от тайн империи еще глубже.

Вы предлагаете мне вернуться в империю и искать пути к тайне железа. Я и сама собираюсь проситься назад, но не в империю, а к нартам – к своему любимому парню. Вы же не понимали меня, когда я отказалась выйти замуж за скифа.

Я очень люблю одного нарта, и он любит меня. С ним я познакомилась в первый же день посещения дома свиданий. Я не знала другого мужчину и не хочу познать.

Окрыленная свободой, я, как и все, рванулась из тюрьмы империи, сбежала с вами. Но вы даже не догадываетесь, кто я. Я – разведчица империи, специально заслана была к вам перед походом для обеспечения походного Совета уд информацией о вас.

Нет! Нет! Успокойтесь! Я никогда не вредила вам. И то, что побег имел успех – лучшее доказательство того, что я не доносила на вас.

Перед самым походом меня внедрили к вам, под предлогом, что сгорела наша небольшая крепость в устье реки Фапс. А эта крепость не была простой. Она была школой для будущих разведчиц. Если в ваших крепостях при обучении от нагрузок умирает треть девочек, то в школе выживает только треть из всех, хотя туда предварительно выбирают самых крепких и развитых. Так что подготовку мы прошли непростую.

Но все старания моих учителей и тренеров, вся многовековая система подготовки и зомбирования шпионок разбилась вдребезги, как ледяной шар – о скалу, о мою любовь. Ведь настоящая любовь открывает глаза, будит доброту и человечность, очищает сердце ото льда, а голову от всего того, что не присуще человеку с рождения, учит видеть красоту, уметь любить и жалеть...

Собственно, только благодаря моей любви и стал возможен наш побег. Ибо если бы я не влюбилась и не имела ещё одного, очень дорогого мне человека, не узнала своего сильного, доброго и справедливого человека, я не научилась бы мыслить и думать по-человечески.

Империя ведь имеет не только неприступные крепостные стены, но и находится за психологически непреодолимой стеной, сплетенной из уловок и трюков. Справиться с этим невозможно, если в душе не проснулся огонь любви, если в море одиночества ты не найдешь родного человека, который единственный может осветить и обогреть твой мир, научить тебя правильно думать.

Этот свет любви не позволил мне в самом зародыше пресечь мысли о побеге, когда вы, забыв про осторожность, начали в Афинах собирать все, что могло пригодиться на свободе и тащили на наши корабли.

Мне не один раз пришлось прикрывать вас от других разведчиц, которые случайно оказывались на вашем пути. И надо еще сказать, что вы родились в рубашках! Сколько раз случайность спасала наш побег! Иногда я думаю, что если бы вы знали, сколько препятствий лежит на пути побега из империи и какие мизерные шансы на успех, то вряд ли решились бы на него.

И еще. Все основные пункты системы пресечения побегов из империи рассчитаны на одиночек или небольшие группы. Очевидно, империя была еще не готова допустить мысль, что без утечки сведений возможен побег более семи сотен сразу. Впрочем, отчасти уд оказались правы: в Аттике мне пришлось перехватить и обезвредить трех любительниц поболтать с членами Совета уд, благо в суматохе боя их никто не хватился. Да! Да! – сказала Мадия твердо, увидев, как расширились глаза и поднялись брови у членов Совета. – И ещё, я должна вам сообщить, что кроме меня, существовала одна тайная, но весьма могущественная и влиятельная сила, которая имела информацию о готовящемся побеге. Но она сочла нужным отпустить нас. Я уверена, что имя этой силы – Хурсана.

Никогда не надо исключать того, что рядом могут находиться осведомители уд. То, что уд далеко и мы ушли от них, не может быть основанием для беспечности. Одно дело, что никому нет выгоды в том, чтобы бросить семью и уйти обратно в тюрьму. Но упаси нас Боги от тех времен, когда над нами нависнет реальная угроза со стороны империи. Найдутся такие, которые тут же передадут сведения, и они знают, как это сделать.

Да, я хочу поехать назад, и сегодня, на этом совете, хотела сама попросить вас отпустить меня, но вы неожиданно дали мне шанс поехать на разведку. И вот я могла молча дать согласие, скрыв свои истинные планы, и уехать, так никому ничего не сказав. Но я не хочу обманывать вас невыполнимыми обещаниями. Могу лишь пообещать, что если мне посчастливится – ведь в жизни и такое бывает, – случайно напасть на след, то я все сделаю согласно вашим интересам.

Однако, проанализировав все, что я знаю в этом вопросе, я вам скажу прямо – шансов на успех практически нет! И глупо делать ставку на случайность, которая так тщательно исключена «системой».

Я хочу уехать, скрыться среди нартов, раствориться, как учили меня сами уд. Хочу просто жить со своим мужчиной, создать семью, рожать ему мальчиков и девочек. Я знаю, он меня ждет, он знает, что я жива. Между нами есть необъяснимая, но реально существующая мысленная связь.

И еще. Насчет оружия, такого, как сабли, наконечники стрел и копий, я придумать ничего не смогла. Но что касается панцирей, посмотрите, что я смастерила своими неумелыми руками.

С этими словами Мадия достала из кожаного мешка и бросила на ковер под ноги Дадух нечто, издавшее звук детской погремушки.

Это был кусок мягкой прочной кожи размером со шкуру ягненка, на поверхности которой как на шкуре змеи были закреплены костяные чешуйки размером с яблоневый лист. Чешуйки были плотно подогнаны друг к другу, как на хвойных шишках. С одного, более тупого конца через дырочки были продеты шнурки из жил животных, которыми они были привязаны к шкуре.

Когда Дадух подняла это изделие, приложила к груди и разгладила, окружавшие ее подруги ахнули. Это был кусок настоящего костяного панциря, очень легкого и прочного.

– Он сделан из лошадиных копыт, которые я распилила трофейной бронзовой пилой, продырявила буравчиком отверстия и закрепила на куске кожи. Можно научиться делать их красивыми и ровными рядами, подбирать по цветам и оттенкам. Их не пробьешь копьём и стрелой из лука, не разрубишь мечом, а удар палицы они держат лучше, чем кольчуги из стали. Они дешевы, просты в изготовлении. Мастерницы-кольчужницы империи тратят на изготовление одной кольчужной пары годы кропотливого труда. А на изготовление одной костяной пары достаточно и двух месяцев. И сырьё – копыта лошадей – в степи столько, что наши дети смогут собирать их по тысячу штук в неделю. И самое интересное то, что при движении войска, одетого в такие панцири будет издаваться такой ритмичный хруст, что оно будет слышно за много верст и наводить ужас на вражеское войско.

Ни одна земля не сможет выставить таких героев, которые смогут сохранить присутствие духа, слыша такой звук и зная, что это мы идем в атаку – воительницы со своими мужьями, затем с дочерьми и сыновьями – могучими богатырями.

Эти панцири не остывают так сильно зимой и не нагреваются летом, как стальные. Они намного легче, и после долгих лет ношения не будут причиной многих болезней, как стальные.

Конечно, есть недостатки, и в некоторых случаях они уступают стальным, но в целом они не хуже. Главное то, что у нас нет железа и мастериц, а нам через полтора десятка лет нужны будут тысячи кольчужных пар. Эти костяшки могут спасти нас на долгие годы, пока наша армия не заберет у амазонок все богатства и секреты...

Дадух высоко подняла кусок панциря и воскликнула так громко, что из ближайших шатров выскочили люди:

– Вот оно! Наше право на жизнь! Благословите нас, Боги!

На высоком утесе, окруженном с трех сторон старицей Танаиса, стоит огромная тенистая ива. Под ивой на кошме сидят Дадух и Мадия. В теплой и чистой воде неглубокой старицы с вечера поставили сети из шелковых нитей, которые сейчас, к половине времени между утром и полднем, были полны золотистой рыбы.

Дадух и Мадия тихо разговаривают, глядя на возню десятка полуголых девушек, которые, шумно и весело хохоча, выбирают из сетей улов.

– Мадия, ты тихо, но мудро и аккуратно выполняла работу руководителя разведки нашего отряда. Признаюсь, я по наивному недопониманию и неопытности часто удивлялась нашей «везучести» и тому, как просто мы сумели организовать побег. Но после твоего признания на Совете все встало на свои места и мы все поняли, что эта «везучесть» – не что иное, как результат твоей гениальной работы.

Пройдут века, и – помогите нам Боги! – мы вырастим силу, которая вынудит империю сложить оружие и разойтись по обычным семьям. Но как бы там ни было и что бы ни случилось, знай – это ты победила империю зла! Тебе удалось сделать все, что может сделать гений человека. Твое имя всегда будет передаваться последующим поколениям и не будет забыто веками, как имя спасительницы и создательницы нашего сообщества, остальное зависит от богов. И мы будем молиться богам, будем приносить им щедрые дары и пожертвования с просьбой помочь нам.

– Я ещё раз вынуждена напомнить, Дадух, есть один человек, имя которого вам никогда не следует забывать, – это имя Хурсаны. Эта умница задолго до готовящегося нашего побега всё поняла и внимательно приглядывалась к нам. После боя с пиратами Пропонтиды это по её распоряжению наши корабли оказались в удобном для побега месте, в строю эскадры, – слева и в конце. Я не стала выдавать себя и не открылась ей, но мне всё было понятно, и я знала, что она нам поможет. Удивительно, как она всё просчитала и так незаметно и чётко смогла внести свой вклад в дело нашего освобождения!

– О, боги! Когда эта Мадия перестанет шокировать меня примерами моего неведения! Да, наши девушки много наделали ошибок при подготовке к побегу. Слава богам, что никто из уд не прочитал наших мыслей, благодаря таким гениям, как ты и Хурсана. Сколько боги нам дадут прожить, как сообществу детей свободы, столько мы будем чтить ваши имена! Мы в поколениях будем называть вашими именами самых лучших и достойных наших дочерей!

Ты хочешь уехать к своему нарту. Твое желание само по себе священо, и для меня оно свято. Но у меня есть просьба к тебе.

До сих пор ты была для нас как добрая богиня, оберегающая и охраняющая наш отряд. Я была очень наивна, полагая, что разведчики и доносчики – это одно и то же, что они все из разряда неприятных людей. Но ты мне открыла глаза на многие, неведомые мне ранее стороны жизни, и я поняла, что, не имея службы разведчиков, организации их четкой работы, сложно будет противостоять империи.

Хитрые и коварные уд нас просто переиграют и уничтожат. Я не смею просить тебя изменить свое решение и остаться для организации

службы разведки у нас, но скажи мне, что нам делать. Ты, я думаю, уже что-то придумала, иначе не могла просто бросить нас?!

– Дадух! Я ждала этого вопроса и очень рада, что у тебя появились соответствующие положению вождя народа мысли. Очень хорошо, что ты все поняла и, как подобает мудрым предводителям, начинаешь смотреть вперед.

Да, я кое-кого уже подготовила. Ее зовут Бабица, и она на редкость умна и сообразительна. Не надо, чтобы даже члены совета знали ее. Достаточно того, что ты после моего отъезда назначишь ее сотенной на мое место и введешь ее в совет отряда. А моя сотня и есть твоя разведшкола. Они уже больше года учатся в усиленном режиме и кое в чем уже разбираются. Тебе нужна разведка в основном для борьбы с империей амазонок. Я не стала раскрывать свои планы перед советом наших сестёр.

Так вот я еду туда, чтобы там создать свою агентуру, собирать и обрабатывать информацию. Там, под боком империи, я принесу тебе больше пользы. Для поддержания связи я беру с собой одну из своих подруг, которая тоже не вышла замуж, потому что и у нее в стране нартов есть любимый, и она хочет уехать к нему.

В пути она будет одета как метская девушка, а я – как метский молодой воин. Мы будем изображать молодую чету, убежавшую от родителей, которые были против нашего брака. Это на случай, если империя ищет наш след. Мы будем говорить тем, кто спросит нас, что едем за реку Терек к далеким родственникам-нартам, чтобы они скрыли нас от недовольных нашим союзом братьев невесты.

Для пароя будем пользоваться вот этими перстнями, – она достала дюжину перстней из бронзы с печатками в виде головы лошади, – вот, бери себе половину. Я набрала их у одного ювелира в Афинах. Здесь изображена голова лошади, на лбу у нее небольшое углубление, как звездочка, – это будет наша примета. Наши связные должны будут предьявлять эти перстни как пароль.

Я буду присылать человека ежегодно, а при необходимости, при появлении срочной или интересной информации, – в любое время. И я постараюсь поставить работу так, чтобы эта связь передавалась из поколения в поколение. Когда наши потомки приведут огромную армию под стены крепостей амазонок, к предводителю армии подойдет человек, предьявит один из этих перстней и даст ему нужную и ценную для победы информацию, а для армии будет проводником и советником.

Ведь ничто так не деморализует противника, как убеждение, что ты знаешь о нем все, что он хочет скрыть, и у тебя есть свои глаза и уши в его среде...

Единственное, что я не могу сделать, Дадух, так это оставить свою саблю. Прости, я понимаю, что у тебя они на вес золота – их очень мало, но я не могу без сабли и без своих орлов пуститься в такое путешествие и решиться на жизнь среди нартов, которые всю жизнь гонимы и наказуемы амазонками. Собак я подготовлю себе и там, это не составит труда, но без сабли и орлов я не смогу уйти.

Да, я хотела сказать тебе и о метях. Ты очень здорово придумала! Ведь это наши же соплеменники и братья, просто отделенные от нас веками и расстоянием. У нас немного отличается язык, но если ты видела их танцы, то должна понять, что они тоже адыги. Ведь только у адыгов в танце двигается все тело, каждая мышца, и никому другому не удастся повторить эту особую грацию, пластику и изящество. Так что для человека, знающего толк в танцах, узнать адыга не составляет труда.

Этот союз будет выгоден и нам, и метам, так что верный путь ведет нас за метское озеро к адыгским скифам или за мыс Къырукъандама, к одноязычным метам. Они хорошие воины, и наша кровь в слиянии с метской должна дать богатырское потомство. Зацикливаться же на местных скифах, очевидно, нет смысла. Они не смогут простить нам увод женихов, и скоро будут откровенно враждовать с нами. Дайте Боги много лет жизни старому Доуджи! Как только его не станет, нам трудно будет с ними договариваться.

А твоего мужа Гурия они не изберут своим правителем, хотя он и сын Доуджи, ибо наших мужей они презрительно называют «женоуправляемыми». Хотя ненависть к нам, которую приняли все скифы, родилась в головах и сердцах скифских женщин, которых мы оставили без женихов, а уже потом передалась мужчинам.

Вот тебе и патриархат, которым они так гордятся, смеются над нашим отрядом, что у нас все военные дела решаются на совете женщин – бывших амазонок. Я думаю, что патриархат везде победит, в конечном итоге, он победил уже у всех крупных народов, но я также уверена, что никогда и ни в каком месте матриархат не будет побежден полностью. Мужчины могут быть уверены, что властвуют над женщинами, но все в мире будет происходить так, как пожелают именно женщины. Наглядный пример – наши родственники-скифы. Им абсолютно не выгодна вражда с нами, все это понимают. То, что мы увели женихов и оставшиеся парни получили своих жен за небольшой калым, должно было обеспечить нам расположение скифов. Но нет! Обида жен, у которых мы отбили женихов, которая даже не высказывается вслух и тщательно скрывается, имеет больше влияния на политику, чем интересы всего народа! Вот тебе и пример победившего патриархата!

Дадух и Мадия дружно рассмеялись, затем, видя, что девушки уже управились с сетями и готовы вернуться в лагерь, встали.

Два всадника на скифских лошадях и с привязанной к седлу второго коня третьей лошастью, вьючной, едут по дороге, расположенной у самого края надпойменного леса. Дорога не углубляется в лес и не выходит в степь, потому что путники, протоптавшие ее, не хотели выйти из леса на солнцепек степи и при этом не хотели далеко уходить в лес, где летает множество кровососущей мошкары, а также не исключена возможность встречи с лихими людьми.

Лес, что прорезает степь тенистым оазисом, вытянутым вдоль тихой гладкой реки зеленой полосой, повторяет все ее повороты и изгибы. И он

По свидетельству древнегреческих источников, скифы называли сарматов «женоуправляемые».

полон жизни. Здесь слышен постоянный хор разноголосых пестрых птиц, иногда нарушаемый шумом и треском кабанов, сайгаков или куланов. Здесь, в прибрежных кустах, прячутся и хищники, поджидающие добычу у водоёма.

Всадники едут тихо, размеренным шагом и, так как не производят большого шума, все время застают врасплох диких зверей и водоплавающих птиц, которые выскакивают чуть ли не из-под копыт лошадей.

Первый всадник одет в широкий меотский халат-цей, под которым видна кольчуга великолепной работы, он в шлеме и при полном вооружении. На втором всаднике, вернее – всаднице, широкое меотское платье, на шее ожерелье из серебряных, золотых и сердоликовых бус, на голове платок. На вьючной лошади, которую за длинный повод ведет всадница, целый ворох мешков и корзин, видимо, все домашнее имущество молодой семьи.

Они едут спокойным шагом и тихо разговаривают, так, чтобы их не слышали те, кто преследует их на расстоянии четырёх сотен шагов. Это два всадника на неоседланных лошадях, копыта которых обвязаны кошмой, чтобы стучали тихо. Едут и внимательно следят за первыми. Временами один из двух преследователей отстает и поджидает подхода основной банды из десятка пеших запыхавшихся оборванцев, идущих на расстоянии двух сотен шагов от первых.

Они поняли, что молодой воин очень хорошо вооружен: одет в дорогие доспехи, на плече у него искусно исполненный лук, хороший бронзовый меч, великолепно отполированный щит, копье, в колчане полно стрел трех видов для разных целей. У всадницы еще один, чуть поменьше размером, но видно, что дорогой и качественный лук, колчан, который тоже полон стрел.

Разбойники не решаются напасть сходу и ждут удобного момента, когда путники остановятся передохнуть.

А пара едет, не теряя бдительности, и преследователи уже более трети дня выжидают привала, когда можно будет их внезапно окружить, напугав молодого человека, чтобы он не успел прийти в себя и не нанес большого урона разбойникам.

Но вот дорога выходит на высокий яр, где лес прерывается, а на середине стоит огромная ветвистая плакучая ива. Путники останавливаются, освобождают лошадей от упряжи и грузов, пускают их поспастись тут же, на яре, предварительно стреножив их. Сами же располагаются под ивой, расстелив войлочный палас.

– Акуанда, ты заметила, что все наши преследователи – оборванцы и босяки? У них всего две клячи со впалыми боками, это говорит о том, что они либо земледельцы, либо степняки-скотоводы. Нет у них опыта разбоя, преследования и нападения – даже по гладкой дороге не могут тихо передвигаться. Вот сейчас я достану продукты, увидишь, какая будет у них реакция на запахи. Спорим, что они еще и голодные?

Мадия достает из кожаного мешка копченые мясо и сыр, лепешки и кладет на кусок мягкой белой кожи.

– Видишь, даже кусты, за которыми они прячутся, задрожали!

– Но как можно быть голодными в этих краях, где дичь совершенно не пугана и ее полно?!

– Во-первых, у них такие луки, что из них даже за полсотни шагов невозможно попасть и в корову. Во-вторых, они, видимо, давно не ели домашнюю пищу, а перебивались тем, что попадало в руки. Теперь запах копченого сыра и мяса, а тем более хлеба, кружит им головы. Очевидно, сейчас они и нападут. Я не хочу не только лишать их жизни, но и калечить, поколочу немного без нанесения резаных ран, а ты не вмешивайся – ты женщину играешь, так играй испуганную жену и сиди, закрыв лицо подолом.

Мадия взяла стоящее у ствола дерева копьё, острием к себе, увидев, как разбойники выскочили из кустов и ринулись на них с диким ревом.

Рядом скакали две клячи, на которых сидели вооруженные пиками два наездника. Мадия пошла раскачивающейся походкой на них.

Сперва конные упали на землю, почти одновременно, со стонами и криками, держась за ушибленные от падения бока. Затем растянувшаяся колонна атакующей «пехоты» также начала ложиться, роняя свои копья и острые колья, а мощный рев атаки таял по мере выпадения вокалистов и, в конце концов, когда последние трое добежали до Мадии, затих совсем.

А те трое, посмотрев, в каких позах лежат их товарищи, бросили оружие и шлепнулись оземь, посчитав, что благоразумнее всего не торчать посреди поляны и не мозолить глаза этому воину.

Дело в том, что никто так и не понял, что произошло. Мадия шла раскачивающейся походкой, улыбаясь глазами, не сбавляя и не добавляя скорости, казалось, что просто шла. Но что же она делала?!

Она выходила на позицию, удобную для атакующего, то есть она очень искусно и незаметно провоцировала противника на атаку. Тот делал выпад. Но именно в тот момент, когда уже поздно менять угол направления удара, Мадия молниеносно успевала уходить вправо или влево, при этом будто невзначай и совершенно не акцентированно попадала тупым концом своего копья нападающему в кадык, в солнечное сплетение или пах.

Невозможно было обвинить Мадью в том, что амплитуда раскачивания ее походки странным образом совпадала с промахами атакующих, а последние были настолько неловки, что при провале своих ударов наткнулись на ее копьё.

Мадия молча собрала все брошенное оружие нападавших и бросила в одну кучу. Акуанда, до сих пор не оглянувшаяся на разбойников, не отвлекаясь, закончила накрывать кожаную скатерть. Затем приветливо пригласила всех за стол на скифском языке.

Это разбойники поняли сразу, униженные и достаточно чувствительно поколоченные, смущенно и сконфуженно взяли из рук хозяйки стола по хорошему куску мяса, лепёшки и довольно ловко начали уплетать, издавая гамму звуков от скрипа зубов, шмыганья носами до шамканья и хрюканья.

Наевшись и нахлебавшись кумыса из бурдюка, они сели опять молча, глядя исподлобья на своего победителя, покорно ожидая своей участи.

После недолгого молчания Мадия спросила мягким, «еще юноше-ским» голосом на скифском наречии:

– Что же вас, скотоводов, заставило бросить свое привычное занятие, схватить оружие в свои неумелые руки и бежать в лес за лёгкой добычей. Неужели лучше снимать свой кусок хлеба с трупов, чем самому добывать его честным трудом? Тем более, делать трупы у вас не очень ловко получается.

– Прости нас, глупых и заблудившихся, великодушный витязь! От голода мы совсем потеряли голову. Мы действительно скотоводы и ничего больше не умеем делать, кроме как ухаживать за скотом, а какие мы вояки, вы и сами видели. Мы жили себе и ели свою пищу, простую, но сладкую, потому что сами зарабатывали ее, но недавно на наше кочевье напала сотня амазонок, перерезали многих, отняли все, что у нас было, и ушли, не оставив ничего для пропитания и жизни. Мы долго искали своих соплеменников, но они все или вырезаны этой сотней или от испуга убегают все дальше и дальше, так что мы не можем никого ни найти, ни догнать. И вот с голоду решили ограбить вас...

– А кто эти амазонки и что им нужно было от вас?

– Мы не знаем. Они пытались наших вопросами о какой-то беглой амазонке и были возмущены, что мы ничего не знаем о ней. Но потом мы подумали, что это всего-навсего был предлог, чтобы ограбить и убить людей. Потом мы убежали в лес, спрятали своих женщин и детей в шалаши, а сами вот вышли к дороге...

Нам надо было раздобыть немного провизии и лошадей, чтобы увести детей и уйти самим к своим северным соплеменникам, где мы надеялись получить возможность что-нибудь зарабатывать, ухаживая за скотом более богатых хозяев.

– Сколько вас человек? – спросила Мадия.

– Нас два десятка с женщинами и малышами.

– Я дам вам муки и провизии на пару дней, а еще шелковую сеть и мешочек соли. Идите вниз по течению реки, на ночь останавливайтесь и ставьте сеть в тихую заводь, тогда не будете голодать. Так доберетесь до своих соплеменников, устройтесь пастухами у хозяев и выживите.

А в лесу вам делать нечего. Вы не знаете лес, и он убьет вас. Ходите вы слишком шумной толпой, поэтому вам не видать никаких зверей и охотничьей добычи. Вы заранее распугиваете далеко вокруг себя все живое.

Когда Мадия сказала, что лес убьет их, гости переглянулись с недоверием. Заметив это, Мадия продолжила:

– Вот и сейчас вы спокойно сидите на разбросанных и раздавленных яйцах ядовитой змеи. Она оставила свою кладку и поползла к реке поймать рыбу, а когда вернется и увидит, что вы сотворили с ее будущим потомством, придет в ярость и убьет хотя бы одного из вас. Когда мы остановились под этой ивой, то сразу же заметили вон ту кожу, которую она сбросила не так давно, и я увидел ее кладку под листьями и куском коры дерева. Поэтому мы и перешли на эту сторону, подальше от кладки. А вы, ничего не заметив, разорили ее гнездо.

С этими словами она встала и подошла к тому месту, откуда поспешно убежали скифы, и, собрав остатки яиц, уложила аккуратно под корой и накрыла листьями, а два разбитых яйца Мадия аккуратно собрала вместе с землёй и выкинула в воду и засыпала сухим песком места, где они лежали.

— Змея не умеет считать, и успокоится, увидев свою кладку на месте, — сказала удивленным скифам Мадия.

Затем, помыв руки, она дала людям немного продуктов, кожаные мешочки с мукой и солью, сеть и несколько острых стрел с металлическими наконечниками, пожелав новым знакомым доброго пути. А те, встав на колени, низко поклонились человеку, спасшему их и проявившему столько доброты и великодушия. Затем пошли прочь все, кроме одного.

Этот крепкого телосложения парень нерешительно переминался с ноги на ногу, склонил могучую шею и пробасил:

— У вас огромное сердце, которое не знает страха, но испытывает жалость. Именно это и вселяет в меня уверенность, что я могу обратиться к вам, не рискуя вызвать справедливый гнев за свою наглость. Но она объяснима и будет понятна вам, если вы дослушаете меня до конца.

Дело в том, что после того как амазонки с веселым смехом и шутками, издеваясь, зарезали всех пятерых членов моей семьи, вместе с моими двумя мощными и огромными братьями, я не смогу и не хочу пасти скот и спокойно работать всю жизнь за кусок хлеба. Мне нужно научиться воевать, как вы, и отомстить амазонкам за своих близких и родных людей.

Ради всех богов, возьмите меня с собой, я буду вашим слугой, водносом, поваром. Буду ухаживать за вашими лошадьми, нести на себе ваш груз, только научите воевать. Я не буду вам обузой, не буду мешать и путаться под ногами, а если даже не захотите взять с собой, то хотя бы позвольте издали следовать за вами и наблюдать, как вы тренируетесь и справляетесь со своими врагами. Может, что-нибудь подмечу, отработаю, подучусь, и так, прием за приемом, со временем что-нибудь из меня и получится. Ради Богов, не прогоняйте меня!

Подруги переглянулись, и, одобрительно кивнув головой, Мадия сказала:

— Оставайся. Мы что-нибудь придумаем.

Когда благодарные люди ушли, молясь хором на эту небывало добрую пару, Мадия посадила молодого парня рядом с собой и начала разговор:

— Да, у тебя крепкое телосложение, и если ты не боишься больших трудностей и физической боли, которая неминуемо сопровождает позднюю школу боевой подготовки, если твое тело, мышцы и суставы еще способны выдать необходимую гибкость и плавность, то мы найдем способ тебе помочь. И вот каким образом: мы не можем взять тебя с собой, но мы можем отправить тебя туда, где ты научишься всему, чему будешь способен. В учителях самого высокого класса там не будет недостатка. Там учат всему, что связано с боевыми искусствами и готовят именно для борьбы с амазонками.

– Я не боюсь никаких нагрузок и боли, и если есть люди, готовые битву с амазонками, то я больше всего на свете хочу попасть к ним! Помогите мне!

– Тогда мы тебе дадим нормальную одежду, оружие, запас пищи, и иди по нашему следу назад до устья этой реки. Убедившись, что это именно устье реки, переночуй там, а утром иди в сторону заката, то есть до обеда солнце будет сзади тебя, а после нужно определить, куда должен прийти закат, и идти так два дня до берега большой и полноводной реки. Это Танаис. По его берегу иди вверх против течения три дня, и встретишь скифов. Попроси свести тебя с Доджи-ханом. Ему покажи вот этот перстень и попроси увести тебя к предводительнице Дадух.

Вот ей и отдай перстень и расскажи все про набег амазонок, после чего попроси принять тебя в школу мести. Она тебя примет и даст тебе все, что нужно для жизни, если не подведешь нас и её. Передай на словах ей, что я, благополучно миновав четверть пути, иду к намеченной цели, а по прибытии на место пошлю к ней гонца.

– Но она женщина! Она не амазонка?

– Нет. Скорее она смерть амазонкам.

– Я готов двигаться, я все запомнил.

Мадия убедилась, что у парня действительно хорошая память и что он все четко запомнил. Тогда она снарядила его в дорогу и отпустила.

Так заработала связь между Дадух и Мадией.

Следующая встреча с разбойниками произошла через два дня пути.

Мадия с Акуандой проезжали через обширную равнину. По всему было видно, что это пространство часто заливают водой и, судя по высохшим серым камышам, вода могла подниматься чуть ли не по грудь человеку среднего роста. Путницы ехали, ориентируясь по солнцу, так как найти другие ориентиры в однообразии песка и камышей было трудно.

Тут девушки обратили внимание на странный свист. Свист явно напоминал пение какой-то птицы, но понять, какой именно, они никак не могли. Когда же они остановились подтянуть подпруги и немного поменять места сёдел, Мадия явно услышала в свисте адыгские слова: «Тихо! Стойте! Они остановились!».

И когда они снова тронулись, свист уже более спокойно сообщил: «Пошли, они тоже тронулись!».

Не поверив своим ушам, девушки опять остановились, повозились немного и тронулись – все повторилось снова.

Они переглянулись, и Мадия подала знак Акуанде ехать дальше, а сама отошла в сторону, ступая на кучи листьев камыша и стараясь не оставлять следов. А Акуанда поехала дальше, вернее, повела всех трех лошадей за уздцы, звонко разговаривая и задавая вопросы «мужу», а затем, изменив голос, сама же на них и отвечала, создавая эффект диалога.

Через некоторое время Мадия увидела трех разбойников, беззвучно пробирающихся по их следам. Но вдруг они встали, как вкопанные, заметили все-таки следы Мадии, уходящие в сторону. Тут же прозвучал короткий и тревожный свист.

Не медля более, Мадия вышла из камыша и пошла на них с копьём наперевес своей раскачивающейся походкой...

Как только эти трое были уложены без сознания на песок, – они даже не успев свистнуть, – из камышей начали выскакивать и другие разбойники с пиками и мечами. На этот раз Мадия не имела желания шутить и играть с ними.

Это были настоящие, хорошо вооруженные матерые бандиты. Опытные душегубы напирали, как голодные звери, которые как будто знали, что либо они наедятся чужого мяса, либо сами станут чьим-то обедом.

И Мадия не церемонилась, но свободно успевала укладывать на утоптаный и облитый кровью камыш одного за другим подбегающих разбойников. При этом подоспевшая Акуанда деловито собирала оружие потерявших сознание врагов.

Один из нападавших бросился к ней, желая пленить женщину, чтобы заставить мужа сдаться. Он норовил схватить ее за волосы и приставить меч к горлу. Но как только приблизился к ней с протянутой рукой, тут же взлетел в воздух, развернулся в руках Акуанды и так звучно стукнулся затылком о землю, что Мадия подумала, он и через неделю не сможет спросить, где находится.

Акуанда собрала довольно добротное оружие, погрузила как связку дров на вьючную лошадь, и они поехали дальше.

К концу дня выехали к большому селению. Везде, насколько хватало взора, на расстоянии ста-трехсот шагов друг от друга, стояли небольшие песчаные возвышенности – курганы, на которых ютились причудливые строения, похожие на сказочные домики, причем строения занимали весь курган. Дома, хлева, курятники и другие хозяйственные постройки были приплетены друг к другу. Перед каждым домиком с восточной стороны было небольшое свободное пространство, где располагался дымящийся очаг. Всюду на этих площадках появлялись люди, заметившие путников, и начинали свистеть друг другу.

Прислушавшись, Мадия поняла, что они пытаются их поделить, то есть все спорили за право стать бысымом¹, для гостей, приехавших издалека.

Победил седобородый кражистый старик, видимо, обладающий большим авторитетом в деревне. Из дома седобородого вышли два парня, и подошли к путникам.

Один из них произнес традиционное адыгское слово – «фыкъе-благъэ» – приглашение быть гостями. Они оставили лошадей на попечение младшего и прошли за старшим к дому. Тот отогнул дверь из циновки и пропустил их внутрь одной из пристроек дома. Сев на очень удобные сидения из камыша, гости с интересом стали рассматривать все вокруг.

В мужской половине седобородый хозяин после ужина беседовал с Мадией. Как оказалось, хозяин увидел и узнал по трофейному оружию тех, кому оно принадлежало. Узнав, что гости были вдвоем и схватка обошлась без потерь, он был очень удивлен. После долгого молчаливого разглядывания гостя он сказал:

¹ *Бысым* – хозяин дома, где остановились гости.

– Твой возраст и то, что с тобой женщина, говорит о том, что ты не тот знаменитый Одинокый воин. Тот постарше и не любит женского общества, у него нет ни жены, ни сестер. А значит, ты его ученик, раз смог справиться с такими наглыми и самоуверенными бандитами, которых более двух десятков. Кстати, я надеюсь, ты убил их?

– Нет, я их не убил, но каждый получил столько, что хватит на неделю. Затем, когда люди узнают, что они покалечены одним путником, обсмеют их и перестанут бояться, да и те после такого позора, думаю, уйдут из этих мест очень далеко.

– Нет, сынок. Это не такие люди! Их нельзя оставлять в живых. Позволь моим людям подобрать твои трофеи. Скажи нам, где они. Их будет судить народный суд. Мы их ловим очень долгое время. Как только снарядим отряд – они убегают в затопленные камыши и не оставляют следов, а на небольшие группы нападают, как шакалы, и не щадят никого.

– Тогда идите по нашим следам и до наступления ночи вы их найдете, они тут совсем недалеко. Или подождите до утра – они все равно не смогут никуда уйти.

– Нет, сынок! К утру может подуть западный ветер и вода смоем ваши следы, а они уползут на мелководье и затаятся.

Седобородый кивнул старшему сыну, и он моментально исчез в проеме двери.

– Позвольте мне спросить Вас, отец, кто такой этот Одинокый воин?

– Если ты не знаешь Одинокого воина, то кто же тебя научил побеждать два десятка вооруженных и отборных головорезов? ... Остается одно, – продолжил он после короткой паузы, глядя прямо в глаза Мадие, которая спокойно выдержала этот взгляд, – или тебя учил неизвестный нартский герой, или тебя научили... сами амазонки.

Впрочем, если мои старческие глупые вопросы тебе неприятны, ты свободно можешь не обращать на них никакого внимания. Ты лучше ответь мне, чем мы можем тебя отблагодарить за то, что одолел разбойников. Ведь ты отвел от нас такую беду, что мы век будем тебе обязаны. Спаси тебя Боги! Чем мы можем отплатить тебе, сынок? Скажи, мы не такие бедные люди.

В этот момент снаружи послышался шум и глухой топот копыт, сопровождаемый шорохом перекидываемого копытами песка.

– Спасибо, отец! Нет нужды меня благодарить и одаривать. Я на это не рассчитывал, просто защищал свою семью и себя. Я готовился в дорогу и взял все, что мне нужно. Остальное будет лишним. Достаточно Ваших слов благодарности, они не могут быть обузой в дороге. Наоборот, закрывая часть моих грехов, они облегчат мне душу и, значит, облегчат дорогу. Спасибо, отец!

– Да, Боги одарили тебя щедро и дали много, столько, сколько не дают и сотне. Разумеется, я, столь маленький человек, не способен одарить тебя так, как ты заслужил. Могу только молиться за тебя и твою спутницу. Я не знаю, кто ты и куда идешь, но, уверен, что человек, обладающий таким благородством, преследует только благие цели, моя молитва найдет тебя – ей не нужен проводник. Удачи тебе и здоровья!

Ты спрашиваешь про Одинокого воина. Я знаю немногое, не знаком с ним. Понаслышке же знаю, что он из долины реки Псиж, или Уарп. Этот нарт, говорят, рожден амазонкой и тайно от империи обучен матерью боевым приемам. Он непобедим. Даже амазонки сторонятся его.

Он справедлив и великодушен, оружие носит только для добра, преследуя зло. Он любимец богов, но всегда одинок и грустен, избегает человеческого общения и веселья. Друзей не заводит, а родственников у него нет. Впрочем, откуда родственники, если он рожден амазонкой. Никто не знает, где он ходит и где живет. Сегодня он может объявиться у жанинцев, завтра у багов или убыхов, послезавтра у шетов... Умеет вовремя появиться там, где бедному и правому требуется помощь...

– Нет, отец, он меня не учил, но очевидно у него есть проблема, с которой он не в силах справиться один...

Обстоятельства, позвавшие меня в дорогу, сильнее меня, и я, к сожалению, не могу свернуть с пути, найти его и помочь этому достойному человеку. Жизнь диктует мне, чтобы я продолжил свой путь и следовал своему предназначению.

К утру, действительно, все, что видел глаз, было залито водой и только холмы с домами возвышались над ней. Мадия и Акуанда попросились с хауфинцами, очень им благодарными за разгром разбойников, которых они привезли ночью. С помощью щедрых хозяев пополнили запасы продуктов и питьевой воды, а впереди их ждала длинная, интересная и полная неожиданностей дорога.

– Хорошие люди, – сказала Акуанда, – и удивительно талантливые. Люди-птицы. Я сегодня очень рано встала и подслушала случайно, как две женщины с соседних холмов, между которыми более двух сотен шагов «скороговоркой» пересвистывались, громко смеясь и энергично жестикулируя. Они свистели в таком быстром темпе, что я кроме одного слова «разбойники», которое очень часто повторялось, так ничего и не поняла. А они общались, как две голосистые птицы.

– Я слышала, что западный ветер часто гонит воды озера Меотида и заливают здесь все пространство, как сегодня. И эти холмики остаются островками на поверхности воды. Чтобы не ходить по холодной воде друг к другу, они научились общаться свистом, ведь он хорошо слышен и в ветер, и в волнение.

– Еще говорят, что они настолько усовершенствовались свой язык свиста, который, очевидно, имеет очень древние корни, судя по достигнутым возможностям, что когда один собеседник переспрашивает, не поняв какое-то слово, сказанное из гортани, то тут же ему повторяют это слово свистом и все сразу же становится понятным.

– Может быть, в том, что они знают больше языков, и кроется секрет того, что они такие умные? – спросила Мадия. – Я чуть не вспотела от пытливого взгляда седобородого. У меня было такое ощущение, что он видит через одежду, и сиюж я перед ним голая.

– А не проболтается он о странной «паре», гостившей у него, амазонкам, при случае?

ХьэГуфэ – (адыгск.) – человек с побережья: хьэ – человек, Гуфэ – берег.

– Это не в его пользу. Такой человек если и поймет все, то никто от него ничего не узнает. Тем более амазонки.

– Мадия, а почему другие адыгские племена относятся к хауфинцам вроде как с легкой насмешкой и всегда при разговоре о них говорят «хьэ нэфыр зэрощIэ, хьэIуфыр зофий», то есть «и слепые собаки умеют общаться, а хауфинцы умеют пересвистываться»?

– Да потому их и недолюбливают, что они умнее других.

И подруги опять замолчали, думая каждая о своём и слегка раскачиваясь в такт движению скакунов.

Через день камыши стали гуще. Начали попадаться болотца, маленькие и большие. Другой стала фауна, обилие разнообразных водоплавающих птиц доставляло удовольствие боевым орлам Мадии, которые в пути достаточно помаялись в своих клетках, где вынуждены были сидеть сутками, с кожаными мешочками на головах. Теперь они хорошо порезвились.

Но скоро их опять пришлось заточить обратно – они вышли на топтанную дорогу, которая тянулась по более высоким, сухим и глинистым местам, поросшим скудным, но пригодным для корма лошадей разнотравьем.

К вечеру запахло дымом и жареным мясом, пригоревшим молоком. Стало ясно, что недалеко жильё.

Путники по привычке стали разглядывать более высокие места, то есть редкие возвышенности над морем камыша, но дорога неожиданно свернула в огромную низину и пошла через болото. Черная жижа закрывала копыта и половину пясти лошадей, неприятно хлопая и брызгая. Но под водой был твердый слой песка, в который копыта не проваливались.

Дорога уверенно вела вглубь болота, вопреки всем ожиданиям. Стал слышен лай собак и крики людей, занятых вечерними хлопотами по хозяйству.

Неожиданно дорога вышла на простор очищенной от камыша улицы. Вернее, она расширилась втрое и оказалась между двумя рядами странных сооружений, тянувшихся примерно на пару тысяч шагов, где через каждые полсотни шагов стояли жилища и хозяйственные постройки, сплетенные сплошь из камыша.

Картина, представившаяся взору, было неожиданной. Путники остановились и смотрели во все глаза на черное болотистое пространство-улицу, где стояли два ряда сказочных удивительных строений. Каждое отдельное хозяйство представляло собой островок из уплотненных, высотой в человеческий рост, квадратных – двадцать на двадцать шагов – площадок из камыша, где дворики перед домами были как огромные, уложенные друг на друга и уплотненные циновки. От самих домиков невозможно было отвести глаза, – настолько красивы и удивительно лаконичны были рисунки плетений, стен, окон и дверей, угловых столбов, карнизов. Фасады из камыша, сплетенного рельефно, с выпукло-вогнутыми ромбиками, квадратиками, орнаментальными окантовками углов и пилястров, выполнены были с любовью и умением, а игра света и тени зачаровывала.

Это было поселение одного из адыгоязычных племен шетов. Люди выходили в свои дворики, прикрикивали на собак, которые усердно лаяли, но по всему было видно, что не собирались высказывать в жижу, а прыгали на краю своей территории, то есть по краю циновки двора. Хозяйва кивали в знак приветствия довольно дружелюбно, но, увидев, что с середины улицы к гостям движется очень высокого роста молодой парень, не произносили традиционного «кьеблагъ».

Парень шел по жиже босиком, с высоко закатанными штанинами, в коротком плаще, выше колен. Он удивительно ловко, поднимая ноги высоко, как цапля, передвигался по черной жиже «улицы» без звуков и брызг.

Подойдя к гостям, он очень манерно склонил голову, приложив руку к сердцу, и произнес нарочито медленно и вятно, чтобы его лучше поняли, недлинную фразу, из которой с трудом можно было разобрать, что глава этой деревни имеет радость пригласить путников в свой дом. Гости ответили согласием и последовали за человеком-цаплей, очень стыдясь неловкости своих лошадей, не умеющих передвигаться более культурно по этой жиже.

С обеих сторон стоят то ли радостно улыбающиеся, то ли лукаво над ними посмеивающиеся люди, которые теперь свободно говорят «кьеблагъ», но им всем по очереди вежливо-заученно отвечает парень, что это гости старшего, против чего, естественно, никто не возражает, но все ясно выражают свое разочарование.

Гости, проезжая, замечают, что все люди очень высокие и светлые, глаза у них голубые и серые, а волосы иногда даже белые, а иногда того же цвета, что и все вокруг – цвета циновки. Дома все с оригинальными рисунками и плетением. И каждый хозяин с удовольствием ловит восхищенный взгляд проезжающих мимо гостей.

Наконец, они оказались на середине улицы, где стоял большой дом на большом островке из камыша, который имел двор вдвое больше, чем другие, а по периметру находился ряд довольно высоких тенистых пальм, также сплетенных из камыша. Во дворе стоял причудливый ажурный навес со сплетенными столбами «под чешуей». Внутри навеса, в центре, находился огромный плетеный таз, наполненный песком, – видимо, это был своеобразный камин. С трех сторон от камина, вдоль стен, стояли невысокие диваны со спинками, собственно, это были и образующие стены, естественно, тоже из камыша.

Хозяин встал с дивана, вышел навстречу уже спешившимся гостям и пригласил их в дом, внутри которого оказалось не менее интересно. Здесь было царство искуснейших плетений.

Гости и ранее видели изделия многих признанных мастериц, выполненные из камыша, потому что в каждом адыгском доме было с десяток циновок.

Но здесь для строительства дома, для изготовления мебели и бытовых принадлежностей было использовано только одно сырье – камыш. Потолки, полы, стены, кровати, столики были выполнены своим особым методом плетения, применяемым для изготовления именно этой детали,

в особом стиле, отвечающем требованиям назначения и характера использования предмета.

Мадия смотрела на все это и удивлялась, сколько же надо времени, чтобы создать такое чудо, и сколько поколений мастеров, отработывая это искусство, усовершенствовали его до подобного уровня.

Между тем зашла девочка лет двенадцати с глиняным кувшином и полотенцем. Умывались в одном из углов комнаты, где в полу было оплетенное круглое углубление, из которого вода тут же исчезала, видимо, уходила в болото. Когда гости умылись, девочка пригласила Акуанду в женскую половину дома.

Тут было еще интереснее – огромное количество разнообразных предметов плетения, которые гостя стала рассматривать, как завороченная, громко восхищаясь, что очень льстило хозяйкам. Они наперебой объясняли, кто автор какого изделия, но оттого, что говорили все разом, причем довольно таки быстро и недостаточно внятно, Акуанда многого так и не поняла.

А девочка радовалась вдвойне, ибо ее детскими игрушками, сплетенными когда-то покойной Нанашхо, гостя была просто шокирована.

Это были буйволица с теленком и быком, кобыла с жеребенком, овцы и козы с ягнятами и козлятами, рыбы и разные куклы. Акуанду поразила рыба с ровными и удивительно четко подогнанными «чешуйками» и плавниками. Никогда она не видела таких игрушек.

Принесли ужин, гостью пригласили за круглый столик и усадили на сплетенный из трубчатого камыша пуфик, который оказался довольно удобным и прочным. Блюда также были гордостью местной кухни, меню состояло в основном из рыбы.

Рыбец, зажаренный в горячем песке и золе, фаршированный специями и зеленью, был завернут в лопухи. Жерех в «чулке» из собственной кожи, рубленый и зажаренный с сыром и сливками. Верхние части голов лосося, сваренные и остуженные в корзине, сплетенной из корней очень ароматной травы, которую ели вместе с головами рыбы, так как от горячей юшки корни стали мягкие.

К вечеру со всех сторон к дому хозяина начали стягиваться нарядно одетые молодые люди. Они шли на высоких деревянных ходулях – *пхъэлякъуэ*, и было удивительно то, как свободно они на них держались.

Они шли и тихо, доброжелательно беседовали, при этом ходули не мешали им жестиковать и поворачиваться вполоборота к собеседникам. Им не обязательно было постоянно держать кистями рук верхний конец ходули, достаточно было незаметно контролировать их в свободно образованном кругу рук и предплечьями. Они шли, будто на своих ногах, кто размашисто и широко, кто собранно и аккуратно, кто семена частыми шажками, но никто не создавал шума, всплесков, брызг и хлопанья.

Каждая пара ходулей имела свой оригинальный рисунок резьбы: лаконичный и тонкий, броский и вычурный, с чешуйками, спиралевидный, грановитый, различных сечений.

Пхъэлякъуэ – (адыгск.) ходули.

Молодые люди аккуратно оставляли в ряд свои ходули прислоненными к краю площадки двора, затем присоединялись к другим, стоящим около беседки.

Когда собралось не менее сотни человек, вдруг в образовавшейся полной тишине послышалась поразительная мелодия. Она звучала сначала еле слышно, потому что едва отличалась от шелеста камышей, принесенного теплым слабым ветерком. Она будто неслышно пробираясь через заросли, осторожно разгибая сухие камыши, тихо ударяла их друг о друга полыми и гулкими стволами, создавая ласкающий душу звук, который, постепенно становясь громче, заполнял все вокруг, поднимаясь до небес и подчиняя своему ритму дыхание и биение сердца...

Длинный ряд девушек в платьях чуть ниже колен, перетянутых в поясе плетеными ремнями, в мягких полусапожках из тонкой кожи, появляется в центре большого круга. Держась друг за друга опущенными вдоль туловища руками, изумительно синхронно начинают танец. Поднимая поочередно ноги с вытянутыми вертикально вниз носками, пританцовывая при этом другой, опорной ногой, под четкий ритм мелодии, сопровождаемый наклонами головы вниз и в стороны, создают удивительную гармонию движения и звука.

Вдруг вся шеренга рассыпается на тройки и движется, вразнобой, создавая картину волнения камышей от ветра, и при этом совершенно не видно шагов в сторону, только движения колен вверх-вниз. Корпуса держатся свободно, но грациозно, ничто не качается и не дергается в движении, только одни ноги.

Затем, так же незаметно, шеренга срастается и тут ритм становится более мощным, и образовывается шеренга высоких парней, держащихся крепко за плечи, очень высоко поднимающих колени, в такт движениям девушек. Пританцовывая другой ногой, они перемещаются то влево, то вправо с одновременным и резким поворотом голов в сторону.

Затем парни и девушки, освобождая свои связки, соединяются, чередуясь, парень – девушка, и начинаются парные танцы. Пары перемещаются так же незаметно, сначала вразнобой, при этом девушка умышленно не дает парню войти в свой ритм, а парню не сразу удается поймать ее амплитуду движения. Весь танец построен на виртуозном владении своим телом и пластике, достижении согласия и совпадения ритмов тел и сердец.

Но вот все освобождают круг и грациозным почтительным рисунком выполняют жест приглашения гостей.

Мадия поняла, что им с Акуандой не станцевать на такой «сцене», да и просто ходить не очень удобно по циновке. Но она не растерялась. Вывела в круг свою «жену», бросила ей под ноги свой щит и копье и начала танцевать, с такими же движениями, как местные парни, но на древке копья. А Акуанда, вольготно чувствуя себя на гладкой поверхности щита, тут же поймала ритм «мужа», как и подобает верной жене, всецело подчиняясь ритму телодвижений своего «властелина».

Хозяева были в восторге от умения владеть своим телом, продемонстрированного гостями. Танцы подействовали на всех облагораживающе

и возвышающе. Это читалось на лицах. И гости, и хозяева были очарованы волшебным искусством.

Но вдруг этот благородный лирический такт взрывается неудержимым хохотом. Все хохочут, глядя на странного человека, движущегося по «улице» в окружении трёх молодых людей, которые идут на ходулях и с яркими факелами (ещё при довольно ярком свете), «освещают» дорогу тому, кто вместо ходулей идет на двух странных досках.

Мадие сначала показалось, что он идёт на ходулях, которые расположены горизонтально под водой и в середине привязаны шнурами к ступням ног. Человек шел с невероятным трудом, поднимая поочередно на поверхность воды длинные доски, привязанные к его ступням, и переставляя их с шумным хлопанием по воде, отчего сопровождающие его факельщики каждый раз бросались в сторону, спасаясь от огромных фонтанов мутной воды, и затем опять приближались к нему.

Мокрый и грязный, как какое-то болотное чудовище, человек, наконец, добрался до острова-двора. Деловито, с совершенно серьезным выражением лица отвязал свои доски от ступней и поставил в ряд с ходулями других. Народ хохотал, держась за животы.

Хозяин, видя, что гости ничего не поняли, объяснил им:

– Это наш джегуако-скоморох. Он пришёл на зимних «мылыжах», вместо летних пхэльакьуэ, и с факелами при дневном свете.

Дело в том, что наши болота зимой покрываются очень тонким слоем льда. Они не удерживают человека – проламываются и режут ноги острыми краями, и мы передвигаемся очень быстро на мылыжах – ледобегах, которые здесь незаменимы зимой. Он недавно, на общем сходе, сказал мне, что я имею привычку всё делать наоборот. И поэтому пришёл ко мне сегодня, как будто делает мне приятное тем, что тоже сделал наоборот, – пришёл в зимнем, чтобы доставить мне «удовольствие», выказывая мне «уважение». Поэтому люди и смеются, что он, не пожалев свою одежду, ради шутки совершил такое.

Вечер принял очень весёлый настрой, с шутками и танцами, пародиями, благодаря появившемуся джегуако и его острому языку. Разошлись все поздно.

Утром, попрощавшись с хозяевами, Мадия и Акуанда снова двинулись в путь...

Макоев Амир Леонидович родился в 1963 году в Тереке, там же получил среднее образование и, с момента окончания Саратовского института механизации сельского хозяйства им. М. И. Калинина по специальности инженер-гидротехник, успел сменить около десятка мест работы, попутно выполнив норматив мастера спорта СССР по классической, ныне – греко-римской – борьбе. Однако длинный послужной список Амира Макоева не отражает главного события этого периода его жизни – в 1982 году, после нескольких проб пера, им был написан первый рассказ, отвечавший требованиям автора в той мере, которая позволяла его публикацию.

За тридцать с лишним лет, прошедших после этого, читатель увидел несколько десятков рассказов А. Макоева, а в 2012 и 2015 годах в свет вышли две книги его прозы – «В ожидании смысла» и «Возвращенное небо». И, таким образом, Макоев никак не входит в категорию тех прозаиков, чьи многочисленные опусы заполняют прилавки книжных магазинов и лотки уличных торговцев.

Зато для любого человека, мало-мальски знакомого с его творчеством, очевиден эволюционный ресурс писателя, постоянство его восхождения ко все более и более совершенным в художественном отношении текстам. За тридцать лет своего пребывания в литературе Кабардино-Балкарии, Макоев превратился из подающего надежды любителя творческих экспериментов в крепкого, чётко осознающего свои цели и задачи художника, чей индивидуальный стиль столь же узнаваем, сколь и устойчив.

С годами Амир Макоев не утерял тяги к нетривиальным трактовкам внутренних состояний своих героев. Наоборот – его ранняя проза, отмеченная интересом к пограничным и психоделическим состояниям человеческого духа, трансформировалась в исследование ментальных устоев человека – как этнических, так и общегуманитарных – в экстремальных ситуациях, требующих, как минимум, выхода за пределы привычной мотивации и стереотипов поведения. В этом смысле можно сказать, что жесткая философская подоплёка образцов его ранней прозы перетекла в несколько иное качество и приобрела вид мировоззренческих моделей, имеющих несколько вариантов развития. То есть если Макоева образца 80-х – 90-х годов привлекало рассмотрение ситуаций, в которых становятся донельзя явными те или иные мировоззренческие постулаты, то теперь объектом его изображения стали положения, меняющие содержание морально-этических и философских истин, меняющие сам характер взаимодействия человека и окружающего мира.

Изменение творческой сверхзадачи писателя неизбежно привело и к существенным изменениям его индивидуального стиля. На смену растяну-

тым и часто подчёркнуто утяжеленным повествовательным периодам в его прозу пришли чёткость и определенность семантики, стремление к акцентированному суггестивному воздействию на читателя, точность фразы и свобода нарративного субъекта, позволяющая Макову описывать происходящее как от лица стороннего автора, так и в восприятии героя.

ВОЗВРАЩЕННОЕ НЕБО

Глава из повести

...Голос раздался не от ворот, а, кажется, с задней стороны дома. К нему можно близко подойти переулком, их дом угловой. Лиуан вышел во двор и прислушался – тишина полная, село еще не проснулось, рассвет только ожидается. Он направился было через двор к воротам, но, дойдя до шкафа, остановился. Чтобы не отражаться в зеркале, вытянулся и попытался глянуть поверх забора, нет ли там кого. Затем вернулся на прежнее место и снова прислушался, показалось, что позади дома услышал щелканье дверного автомобильного замка. Он встал на бетонный уступ заборного фундамента и глянул в темный переулок. И, в самом деле, шагах в пяти от него стоял старенький автомобиль, в окне которого показалась чья-то голова. Увидев Лиуана, из машины вышел низкий худой человек с впалыми глазами и виновато приветствовал его. Он был явно смущен, сказал, что почему-то решил подъехать с этой стороны, но сразу выключил мотор, чтобы не беспокоить домашних в такую рань. Да и свет горел только в маленьком доме, что в глубине двора стоит, вот и подумал, может, кто-то уже проснулся. Но позвать не решился, хорошо, что он сам вышел.

Этот парень был ему знаком, раньше он на току работал, но потом долго не встречал его, наверное, перебрался в город, как многие из их села. Лиуан поинтересовался, разве он не звал его? Он несколько раз отчетливо слышал, как его зовут. О, нет, он не успел ничего произнести, попробуй в такую рань крикнуть в спящий дом, испугаешь еще кого до смерти, не каждый и решится на это, лично он не решился, подъехать – подъехал, но позвать духу не хватило. Его попросили подвезти Лиуана к одному месту, ну туда, к гаишному посту возле реки. Сам он оказался там проездом, его остановили и попросили, в общем, можно сказать, приказали тебя к ним доставить, надобность какая-то у них в тебе. Время раннее, но дело, видимо, важное, раз дали такое поручение, знали же, в какую пору человека беспокоят. Да и его не стали бы отвлекать понапрасну, а он сегодня в такую рань выехал из города, чтобы помочь младшему брату – к свадьбе тот готовится, забот много. Так вот, там экскаваторщик, что балласт из реки достает, недалеко от моста что-то нашел, говорят,

Лиуана надо привезти, а что там нашел экскаваторщик, сам он не ведает, Всевышним клянется.

Вот что, говорит Лиуан, с трудом сдерживая нарастающее сердцебиение и пытаясь глубже вдохнуть воздух, чтобы не выдать своего волнения. Вот что, повторяет он уже в который раз, запутавшись в мыслях: он мог бы и сам туда добраться, машина на ходу, да только прав он, не хотелось бы тревожить домашних, сейчас тихо выйдет, и пусть он подбросит его к месту. Да какой разговор, его это нисколько не затруднит, готов услужить, затем он, по правде говоря, и приехал, и ждет...

А ночами уже прохладно, замечает Лиуан, сев в теплый салон «Жигулей». Да, да, истинно так, соглашается водитель, лето на исходе, а Лиуан признается себе, что дрожит вовсе не от холода – что же там произошло и что за мучения он вынужден переживать в последнее время. Но перед парнем бодрится, потирает уши, руки, ухаает, мол, ничего, все это дела житейские, без них тоже не получается. Вот, к примеру, в прошлом году у его работника угнали машину, и, знаешь, где нашли? – как раз на берегу реки, недалеко от этого самого поста ГАИ, куда они сейчас едут. А еще, продолжает он себя успокаивать, был у него случай с коровой – тоже, можно сказать, угнали, и, знаешь, где нашлись ее рожки да ножки? – опять же в зарослях у реки. Так что такие выезды при его работе – дело привычное. Да, дела, снова соглашается водитель, время такое, стоит только расслабиться и враз тебя разорвут, люди свирепее волков стали, не жизнь, а сплошное выживание, ей-богу, никакой радости на сердце не осталось, прежде все было по-другому, здесь мы свернем, дорога плохонькая, но все же так короче.

Начинает светать, но этого не хочется больше всего. Под покровом темноты легче переносить боль, пространство кажется бесконечным, боль как будто разносится по невидимым ночным просторам. Сейчас же, при свете дня, источник ее начнет воплощаться в конкретную причину. Если бы спутник облегчил его мучения, так нет же, наперед сказал с убийственной учтивостью, что ни о чем не ведает. Врет, скорее всего, хотя и поклялся Всевышним, но у них это просто. Упаси Бог от ответственности, просят они, не хочу быть свидетелем, соучастником, сопереживателем, ничего не знаю, и все тут, разбирайтесь сами, я вообще проезжий, мне до ваших дел, знаете ли, нет никакого дела. Что за бред лезет в голову, при чем здесь он, бедолага, простая душа, сейчас у него, Лиуана, все виноватые.

Выехали на трассу, мимо пронеслись четыре машины, и куда люди прут в такую рань, знали бы они, в какой глупой игре участвуют, все глупо, жизнь не имеет никакого смысла, о чем это я, вот и мост уже виден, слева пост ГАИ, глухой, спящий. Хотя нет – из тумана показались три черных силуэта. Завидев знакомую машину, одновременно замахали руками, мол, езжайте сразу туда, вас давно ожидают. И что за спешка, даже не поздоровались. Едут через мост, белые поперечные полосы при их пересечении оглушительно отстукиваются в голове, вызывая тупую боль. Да, ведь на этом самом мосту один чиновник, пьяный, едва стоявший на ногах, но полета высокого, сорвал с молоденького солдата-постового

автомат и выкинул в реку только за то, что тот посмел остановить его машину. К чему сейчас эти воспоминания о давнишних событиях, сам через этот мост чуть ли не каждый день ездит, и не вспоминал об этом ни разу, событиям этим лет тридцать. А высокого чиновника на следующее утро заставили искать автомат в реке, говорят, нашел. За мостом – налево, а вот там подростки продают наловленную за утро рыбу, дальше – путь по грунтовке вдоль берега, против течения. С высоких придорожных трав по обе стороны сбита роса, это он видит в свете фар. Видать, не одна машина здесь проехала за последние часы. Вон, в русле реки, показался висящий в мгlistом воздухе ковш экскаватора, он как будто указывает, что ориентир следует держать на него.

Остановились на дамбе против экскаватора, стали спускаться вниз, спутник Лиуана замешкался: может, я все-таки поеду, не нужен ведь теперь, да и брат заждался. Да, конечно, пусть едет, спасибо ему. Ах, лиса, знает, для чего привез его сюда, не таков наш сельчанин, чтобы вот так вот повернуться и уехать, не унеся с собой ценную основу для плетения слухов и пересудов, да бог с ним.

Внизу мгла еще не рассеялась, русло, шириной метров в сто двадцать, только на две трети занято водой, по берегам большие отмели: теплая погода, отсутствие осадков, отводы на поля и пастбища не дают реке наполниться. Экскаваторщик, загорелый до черноты, мятый, с впалыми небритыми щеками, был у своей машины, он возился с сетями и, похоже, изрядно в них запутался. Увидев Лиуана, бросил сеть на гусеничные траки и пошел навстречу, стараясь, насколько мог, скрыть нетрезвость. Приблизившись, почему-то поклонился и осторожно, едва перекрывая шум воды, негромко заговорил:

– Послушай, как все получилось: я сети бросаю, закидушки там разные, ловлю к ужину рыбу, я ж ночую в салоне машины, это, как ты видишь, не трактор, а ракета настоящая, ценности такой, что ахнешь, жалко, если пацаны залезут, раскурочат ведь, а я получил ее как лучший экскаваторщик, радуюсь – не нарадуюсь, берегу, короче говоря. А тут мы с приятелем посидели, закуски, значит, не хватило, а в магазин глубокой ночью не побежишь, да его и днем-то, этого магазина, нету поблизости, куда бежать, вот я и пошел к сетям своим, угощу, думаю, гостя жареной на костре рыбой. И, как бы это сказать, ух ты, черт, где это я содрал кожу на пальце, я сейчас, подлечу малость рану, замотаю чем-нибудь, погоди.

Между тем Лиуан оглядывается по сторонам, сердце не на месте, а этот о рыбе, нет-нет, пусть бы ничего другого и не сказал, лучше уж про свою рыбу, а Лиуан сам во всем разберется. Но ведь кругом никого. Может, что-то напутали, не того побеспокоили, сколько раз случилось, что поднимали его среди ночи понапрасну. Ваши коровы, скажут, арестованы, они посмели зайти на кукурузные поля фермера такого-то, заплатите штраф в его пользу и забирайте скотину, их загнали на территорию лесхоза, коровы с вечера не доены, молоко из вымени так и течет, пожалели бы бессловесную тварь, хозяин тоже называется. Еще бы коровы Лиуана гуляли среди ночи по чужим полям – да они у него по часам укладываются спать. И много случалось других ночных посетителей по разным нелепым поводам. Значит, вышла очередная ошибка. На душе хоть какое-то

облегчение, а этот нетрезвый человек вдруг становится для него самым милым и добрым из всех, кого он знает на свете.

— Эти черти милицейские, — продолжает экскаваторщик, придавив ранку оторванной от сигаретной пачки бумагой, — меня прогнали: иди, мол, выступи, говорят, как будто я несу что-то несуразное, я им, видите ли, понадобится трезвым. Разговаривают как со скотиной, знали бы, что это мое нормальное и всегдашнее состояние, по-другому при этой работе состоять невозможно. Они там, глубже заехали, да вот же они — видишь? — проявились, как на фотографии, черти, ты уж, Лиуан, сам к ним иди, я этих погонников не выношу.

Выше по руслу из тумана показались две фигуры, но в тот же момент исчезли. Лиуан пошел на них. Вслед экскаваторщик кричит, что впереди неприятное место: ночью забор воды из реки уменьшается и разливается она местами почти во всю свою ширь, и пусть он держится бережка, здесь все-таки вода не дотягивает до него, а то бы и ему не работать. Но Лиуан ничего уже не слышит, шум воды оглушает его с нарастающей силой, как будто навстречу несется вселенский поток, сметая все на пути. Ему кажется, что ноги его вязнут в песчано-гравийной массе, он с трудом выбирается, но тут же спотыкается, носами ботинок бьется о крупные булыжники, те плющаются и откатываются в сторону, точно пластилиновые шары. Тревога нарастает, он машинально хватается за лоб, с усилием проводит по волосам и видит, что они клочьями остаются в руке, зубы расшатались в одну минуту, а десны кровоточат, тягучая розовая слизь стекает на комбинезон, — мерещится ли ему, или это происходит с ним на самом деле? Место, о котором предупреждал экскаваторщик, он прошел напрямую, вступил выше колена в ледяную горную воду, как в кипящую смолу, отчетливо видя, как она срывает вместе с обувью плоть с его ног, и кости ступней начинают скрежетать по каменистому дну неглубокого затона. А вместе с тем ощутил, как плавится горячим маслом и сползает кожа с кистей его рук. Кому протянешь эти руки, кого ими обнимешь, на что они теперь годны, но болит здесь, в груди, сердце сморщилось и в мгновение иссохло, дышать тяжело до невозможности. Приблизившись к людям, он спрятал кисти рук под мышки, посмотрел на ступни ног, подумал: как быть с ними, но пошел дальше — все равно.

Хмурые заспанные лица по очереди всплывают перед ним, да сколько же их собралось, некоторые ему знакомы: участковый, опер, дознаватель, врач «скорой» с помощницей и еще какие-то люди. Они таинственно заглядывают ему в глаза, которые от мутной соленой влаги вот-вот перестанут различать очертания, уступают дорогу и молча поводят подбородками, мол, дальше, тебе нужно идти дальше. Вокруг тишина невыносимая, почему никто ничего не говорит и куда подевался шум воды? — это оглох мир, думает, или оглох я? Он, как замороженный, следует молчаливым указаниям, идет от одного к другому, умоляюще смотрит, в надежде понять происходящее. Кажется, целую вечность он кружит около них, но неожиданно между ними образуется просвет, и где-то там, за неширокой водной полосой, открывается песчаный островок с белой отметиной посредине. Окружающие расступаются, и вот его несет

к островку – что это там впереди, кусок белой материи, ну и что, для чего позвали его, я же говорил, не того побеспокоили, почему они меня мучают. Подходит ближе: на сером фоне ослепительно белая простыня, сдергивает ее, видит рубашку с засученными рукавами и черные джинсы, утопленник без обуви, лежит головой к нему, боль пронзает остаток его тела при виде юноши, лежащего на холодном вымокшем песке. Заходит со стороны ног и опускается возле него, колени вонзаются в податливый песок, он смотрит, не произносит ни звука, ничего не понимает. Внезапно весь этот оглохший мир взрывается от его крика, но его никто не слышит, он орет в себя, внутрь, разрывая своды артерий и сухожилия, и от силы этого крика гаснет солнце и осыпаются звезды. Каждая последующая мысль напитана ядом, ему больно думать, что он не распознал губельного нагнетания событий, не уберег сына, как же он так опрометчиво отпустил его к людям, не подготовил, не сделал нужных наставлений. Глаза твои, сынок, как будто и не смотрели никогда, на них застыла и, кажется, затвердела горная с песком и пеной вода. Рот по-детски приоткрыт и страдальчески молит о помощи, как мог я быть не с тобой в те страшные минуты, как мог дышать в тот момент, и как не упали небеса на землю. Рассудок меркнет, где я и что со мной происходит, не пойму, ничего не чувствую, хотя вот – ко мне снова возвращается боль. Как же ты вырос, сынок, я впервые вижу тебя таким: ты незаметно возмужал, на животе появилась пушистая узкая полоска волос, она поднимается к груди, подбородок и скулы начали выделяться, как у настоящего мужчины. Здесь шрам на шее, он появился после того, как ты упал с дерева, а вот и любимая мною родинка, я вожу костями пальцев своих по твоему лицу, наверно, тебе больно, сынок. Чем же мне прикоснуться к тебе, сын мой, чтобы не причинять боли, ты же видишь, что стало с моими руками, под одеждой ничего не осталось, кроме груды костей, даже сердце истлело и осыпалось прахом. За последний час я отдал всего себя, чтобы вымолить тебе благополучие, но что же ты наделал, мой мальчик, ты разрушил мир и погубил всех людей разом, разве могу я теперь их простить и помиловать. Но безжалостнее всего ты обошелся со мной, с отцом твоим, как мне теперь жить без тебя, сынок, как жить. Посмотри, ведь никого на всем свете не осталось, только одни мы с тобой плывем во вселенной на этом маленьком песчаном острове. Останови, сынок, этот нелепый сон, где я серебряной небесной влагой омываю твое тело, украшаю голову твою упавшими на островок осколками звезд и пеленаю тебя в белый саван проплывающих облаков, умоляю, останови этот страшный сон...

Салих ГУРТУЕВ

КАВКАЗ

Венок сонетов

Кавказ, чтоб посвятить тебе сонеты,
Давно пришла пора, – из них венок
Сплету тебе в честь новой жизни этой,
В честь славных дел, которым ты – исток.

Когда на небо глянула весною
Трава, – Гагарин глянул на меня
Из космоса, мой путь соединя
С путём отца, что пал на поле боя

За правду бытия, за взлёт орлиный
Своих сынов – сквозь тучи напролом,
Внизу оставив белые вершины!

Сказать о том, что создано трудом,
Преобразившим горы и долины, –
Опять вооружаюсь я пером!

2

Опять вооружаюсь я пером.
Как мой отец мечом вооружался,
Когда за знамя правды он сражался
За мир, в котором мы сейчас живём.

Я подрастал порой послевоенной,
И крепко помнил я отца наказ:
«Кавказ – да будет навсегда священо
Название это для тебя, для вас!».

Пушай они, состарившись, ушли,
Или погибли, бурями отпеты, –
Мы, нынешние жители земли,

Храним тех первых воинов заветы.
И им верны, – как дни б мои ни шли,
Вся жизнь моя – зима в ней или лето.

Вся жизнь моя – зима в ней или лето
Приходят в свой земной урочный срок, –

Несёт зарю кавказского рассвета,
Чтоб я врага и друга видеть мог

В их истинном, в их подлинном обличе.
Мне ясно, как надёжно сплочены,
Как в помыслах едины и дружны
Те, что постигли наших гор величье!

Будёновские конники лихие,
Звезду, что красным вспыхнула огнём,
Пронёсшие сквозь годы и стихии,

Остались не во времени былом,
А в нас, чья жизнь и в годы трудовые
Наполнена всегда твоим добром.

Наполнена всегда твоим добром
Та стойкость душ, кому Кавказ – опора.
И на Кавказ в стремлении своём
Похожи мы, как камни гор – на горы.

Мы зоркий унаследовали взгляд
От тех, кто видел высоту воочью.
И свет его в сраженьях с вражьей ночью
И отстоял, и сохранил солдат.

Когда и камни кровью истекали,
Не ведал страха в праведном бою
Советский воин, – сердцем твёрже стали

Он был, спасая Родину свою,
Чтоб, одолев задымленные дали,
Жизнь пролагала к счастью колею.

Жизнь пролагала к счастью колею,
Хоть то муку, а то золу сквозь сито
Просеивать случалось. В том краю,
Где рос я, было всё войной изрыто.

Но как-то мать, в котле над очагом
Помешивая кукурузы зёрна,
Сказала: «Жить не сытно – не позорно,
Позорно преклониться пред врагом!

Пусть мало хлеба, топлива в обрез,
Зато в боях одержана Победа!
И не померкла синева небес!»

Пусть пряди матери от горя седы, —
Жизнь возродилась. Вновь мой край воскрес,
Как жёрнов, перемалывая беды.

6

Как жёрнов, перемалывая беды,
Дорогою своей Кавказ идёт.
Как за звездою путеводной, следуй
За ним сквозь дни сражений и работ!

Хватает всем и топлива, и хлеба,
И крепки стены нового жилья.
Но почему с тревогой мать моя
Порой на голубое смотрит небо?

Деревья мира возле родников
Сажаем мы, и верим, как в приметы,
Что им шуметь под сенью облаков,

Что силам зла не истребить планету,
А жизнь вперед на длинный ряд веков
И в сердце вижу я лучами света.

И в сердце вижу я лучами света —
Россия защищала жизнь мою.
Теперь она не примет злых наветов,
С большой надеждой на неё смотрю:

Не сердцем ли, отзывчивым и чутким,
Спасла она сердца своих больных?
И добротой возвращает их
В прекрасный мир, к работе, песням, шуткам.

В своей судьбе я моего народа
Расцвет и обновление узнаю:
Страна ему открыла путь к свободе,

И в нашем горном каменном краю,
Вперёд ведя нас через все невзгоды,
Россия освещала жизнь мою.

Россия освещала жизнь мою.
Всех сыновей балкарских, всех горянок,
И всех российских женщин воспою,
Чью жизнь оваял шёлк знамён багряных!

Твоих, Кавказ, пылающих знамён,
В их отсвете мне виден день грядущий, –
Цветы лугов, лесов зеленых пуши,
Сад, что от бурь надёжно заслонён!

Тревожною заботой мы полны
О каждом восходе, о травинке малой, –
Чтоб в сад дыханье бури иль войны

Коварною змеей не проникало!
Мы в испытаниях закалены,
Хоть путь нелёгок наш, тверды, как скалы!

9

Хоть путь нелёгок наш, тверды, как скалы
У нас сердца: как деды и отцы,
Стоим на страже, чтоб не посягала
На нас беда. Минувших лет бойцы

Огонь свой передали по наследству
Сынам и внукам. Нынешний солдат
Хранит покой полей и горных гряд,
И сладкий сон безоблачного детства.

Резвится дочь моя. Кораблик в луже
Пускает мой сынок. Горит очаг.
Жена счастливая прильнула к мужу.

Под мирным небом вьётся мирный стяг.
Но на постах стоят во всеоружье
Наследники будёновских атак.

10

Наследники будёновских атак
У танков, у ракетных установок,
Глядят туда, где скрыть не сможет мрак
Хитросплетенья вражеских уловок.

Им видно многое с высот времён,
Как пастухам кавказским – с высей горных.

Носитель черных дел и мыслей черных
Народами да будет заклеимён!

Нет в мире нынче места, где б свой след
Российская заря не оставляла, –
Не наложить на свет ее запрет,

За мир планета проголосовала,
И все, кто войнам властно молвил: «Нет!»
Несут в сердцах, Кавказ, твой отблеск алый.

Несут в сердцах, Кавказ, твой отблеск алый
Все ярые противники войны,
И каждый, ставший капелькою малой
В движенье закипающей волны,

Борьбы за избавление от гнёта
И нищеты! Свободолюбья вал
По всем морям и странам пробежал,
Проник во все долготы и широты!

Я слышу голоса Вьетнама, Кубы,
Я вижу, как на голубых ветрах
Уносятся мелодии, что трубы

Выводят в обновлённых городах.
Они звучат, – да так, что сердцу любо! –
Друзьям на радость и врагам на страх.

2

Друзьям на радость и врагам на страх,
Кавказ, ты семена свои посеял,
Ты на морях, в долинах и горах,
Как ветер справедливости, повеял.

И прорастали эти семена,
И оказались стойкими их всходы,
И плодоносным деревом свободы
Моя земля навек осенена.

Под этим деревом найдя приют:
Вновь силами наполнится усталый,
Здесь утро начинает свой маршрут:

Открыты вновь пути и перевалы,
Тьма отступила. Травы росы пьют.
Воркуют голуби. Вновь солнце встало.

Воркуют голуби. Вновь солнце встало.
В цвету – деревья моего двора.
Шумят родного города кварталы,
Весёлая играет детвора.

Бросают крошки мирным птицам дети,
Растут, как молодые деревца.
И долг священный каждого отца –
Всё сделать, чтобы мир царил на свете.

Мы помним и сражений грозных даты,
Что болью отпечатались в сердцах,
И помним дни, что, празднично крылаты,

Взвивались к звёздам в чистых небесах.
Жестокий век, суровый век двадцатый,
Судьба детей моих – в моих руках!

Судьба детей моих – в моих руках,
О род людской, сообщество земное.
На океанах и материках,
В полярной стуже и в пустынном зное, –

Везде, где люди есть и дети есть,
Где скот пасут, возделывают поле,
Где слышен голос радости и боли, –
Оберегай свободу, мир и честь!

Твори добро! – Как тёплого дождя
Живительная влага, как рассвета
Веселый луч, что, над землёй взойдя,

Подарит день, надеждою согретый, –
Так торжествуй, рукой моей вода,
Кавказ, чтоб посвятить тебе сонеты!

Кавказ, чтоб посвятить тебе сонеты,
Опять вооружаюсь я пером:

Вся жизнь моя – зима в ней или лето –
Наполнена всегда твоим добром.

Жизнь пролагала к счастью колею,
Как жернов, перемалывая беды,
И в сердце вижу я лучами света –
Россия освещала жизнь мою.

Хоть путь нелёгок наш, – тверды, как скалы,
Наследники будёновских атак,
Несут в сердцах, Кавказ, твой отблеск алый,

Друзьям на радость и врагам на страх!
Воркуют голуби. Вновь солнце встало.
Судьба детей моих – в моих руках!

1970

Перевод с балкарского Лазаря Шерешевского

Игорь ТЕРЕХОВ

Писатель, журналист, киносценарист. Автор восьми книг, многих публикаций в российской литературной периодике. Победитель седьмого международного литературного фестиваля «Славянские традиции» (2015) в номинации «малая проза», финалист литературной премии «Русский Декамерон».

Более 20 лет проработал собкором по Северному Кавказу ряда центральных изданий. В настоящее время – редактор РИА «Кабардино-Балкария».

ГОЛОС В НОЧИ

Рассказ

До тех пор, пока люди верили в дьявола, всё происходящее представлялось ясным и понятным. Теперь, когда никто в него больше не верит, каждому событию приходится искать своё объяснение...

Чоран

Той осенью меня выгнали с работы, что, впрочем, для меня было не впервой. За мою полувековую жизнь меня несколько раз выгоняли с работы, и всякий раз это случалось почему-то осенью. Словно те люди, которые принимают решение о вашей отставке, живут по календарю древних славян или иудеев, у которых год начинается осенью. Приходит осень, наступает новый год, а с ним и желание начать все с начала, переориентировать издание, сделать его более доступным для широких масс, повысить тираж, да и, чего скрывать, поддержать партию власти.

А для этого надо сначала сменить главного редактора, не желающего шагать в общем строю, не замечающего происходящих в стране и регионе позитивных перемен и постоянно показывающего на страницах издания кукиши сильным мира сего. Нормальная позиция акционеров, их можно понять, особенно если принять во внимание, что партия власти контролирует все их легальные расчетные счета в банках и нелегальные в оффшорах.

Но на этот раз так совпало, что одновременно с работой меня выставили еще и из дома. Тоже понять можно: усталость друг от друга, нервы, алкоголь, постоянные стычки и выяснение отношений. Хуже всего было то, что кризис наших отношений пришелся на послеотпускной период, когда мы только что возвратились из Хорватии, где надеялись обрести, как говорят в фильмах, второе дыхание. Оказавшись на улице с полу-

пустыми карманами, с чемоданом в одной руке и связкой книг в другой, я вынужден был скитаться по знакомым.

Разумеется, идеальным выходом из подобной ситуации могла бы стать карьера классического бомжа, обретающегося под старым мостом через реку, где по вечерам собирается колоритная компания. Но к такому повороту в судьбе я еще не был психологически готов. Кроме того, мне не раз доводилось иметь дело с настоящими бичами, и я хорошо знал, что жизнь на свежем воздухе хороша только в теплое время года. А осенью, тем более, на зиму профессиональные бичи подыскивали себе какое-нибудь теплое местечко – уборщика помещений, дворника, подсобного рабочего или такелажника, желательно с койкой в общежитии и талонами на обед в рабочей столовой.

Но это все было, как вы сами понимаете, во времена омерзительного, удушающего свободу личности и свободу слова тоталитарного режима. В нынешние времена сказочной свободы и благоухающей демократии бомжи уже не чинились, за работу дрались, за место дворника или грузчика в универсаме за просто могли и убить, а о талонах в столовую приходилось только мечтать.

Хорошо ещё, что не все знакомые сразу отворачиваются от вас, когда вы утрачиваете свой социальный статус. Если еще вчера многие горожане дорожили приятельством с вами, пересказывали ваши фразы и диатрибы, рассказывали в своем кругу, что виделись с вами, передавали услышанные от вас новости и слухи, то теперь при случайных встречах изображали крайнюю степень занятости и торопились перейти на другую сторону улицы. Иные даже забывали на прощание пожать протянутую им руку.

Но обижаться за это на народонаселение было бессмысленно. Ведь еще Паскаль говорил, что милосердие – явление чрезвычайное, а вовсе не присущее всем качество. Тем более, когда вы оказываетесь в положении изгоя не впервые, и знаете, что это долго не протянется, через какое-то время о вас вспомнят во влиятельных кругах и предложат новую работу, а вместе с работой вернется прежнее положение и куча старых приятелей и знакомых. Тогда уж многие из них, завидев вашу фигуру на бульваре, будут переходить с солнечной стороны улицы на теневую, чтобы только пожать вам руку, немного поболтать или перехватить до зарплаты пару тысяч, поскольку местные работодатели имеют обыкновение надолго задерживать месячные выплаты.

Что же касается свалившейся на голову бездомности, то она тоже не была для меня в новинку. Впервые я покинул отчий дом в юности, отправившись покорять столицу, и следующие пять лет провел в общежитии, сперва в комнате на четырех человек, а последние годы – в боксе на двух. Второй раз в положении бездомного оказался после окончания университета, когда призвали в армию, и несколько лет пришлось скитаться по дальним гарнизонам, жить в офицерских гостиницах, солдатских казармах или глинобитных постоялых дворах. Позже я уходил от первой жены, переезжал в другие города, и даже какое-то время работал за границей. Имея за плечами такой многогранный опыт, мне совершенно

не составляло никакого труда сняться с насиженного места. Для этого наготове всегда был так называемый тревожный чемоданчик, куда при необходимости складывался парадный костюм, несколько рубашек и десяток галстуков, позволявших постоянно оживать наряд, создавая на новом месте впечатление наличия богатого гардероба.

Гораздо труднее было с книгами. С ранних лет, совершенно незаметно, у меня развилась пагубная для малобюджетного существования привычка обрастать огромным количеством книг. То были поэтические сборники, всевозможные словари, собрания сочинений русских классиков, романы и рассказы зарубежных авторов, исторические труды, энциклопедии, альбомы по живописи и географии, литературные журналы и альманахи.

Довольно часто перебираясь с одного места жительства на другое, я пришел к выводу, что вовсе не обязательно иметь в личной библиотеке все книги, входящие в круг твоего чтения. Скажем, зачем таскать с собой тяжелые тома русской классики, когда в любой мало-мальски приличной городской библиотеке они найдутся в полном ассортименте, разве что не в тех изданиях, к которым ты привык. А с появлением интернета, литературных и научных сайтов, а затем и электронных книг отпала необходимость в хранении дома словарей, научных трудов, энциклопедий и тем более популярной беллетристики, читаемой в очередях, метро либо на сон грядущий. Теперь при переездах я возил за собой только несколько редких поэтических сборников да пару любимых книг по философии, которые можно было перечитывать по несколько раз, всякий раз обнаруживая не замеченные при раннем чтении интересные мысли, а то и целые пассажи.

Так что все, что у меня теперь оставалось из личной собственности – это дорожный чемоданчик да относительно небольшая связка книг. А весь свой личный архив – опубликованные статьи, рукописи, заметки, памятки и прочее, – я хранил во всемирной Сети на различных почтовых серверах. Разумеется, в списке предметов первой необходимости современного интеллигентного бича непременно должен присутствовать ноутбук или планшет. Ведь если раньше странники заявляли, что их родина там, где им тепло и сытно, то теперь принято считать, что твой дом там, где твой компьютер подключен к интернету. У меня, слава Богу, был небольшой, но очень мощный ноутбук, который легко помещался в тревожном чемоданчике. Таким образом, когда в некогда уютном доме, который за прожитые в нем годы я привык считать своим, мне указали на дверь, мне не составило большого труда взять в руки свои пожитки и отправиться в свободное плавание по морю житейскому, как любили говорить старые писатели.

Первое время я надеялся пожить у своих друзей. Но когда вы в одночасье теряете заметную должность и хорошую квартиру в престижном районе города, что-то странное начинает происходить и с вашими друзьями. Многие из тех, с кем вы еще недавно пиروвали, и кто клялся вам чуть ли не в любви до гроба, теперь или не отвечают на звонки с вашего

мобильного номера, или говорят, что сейчас очень заняты и перезвонят потом, но потом просто отключают свой телефон. И все же мне не хотелось бы огульно обвинять людей в равнодушии, способности быстро забывать сделанное им добро, умения держать нос по ветру. Я отлично понимал, что у каждого человека есть незамутненное сознание, чистая душа, светлый разум, собственное мнение, наконец, а вот они-то бывают настолько подвержены незаметному радиоактивному влиянию общественного мнения, аппаратных веяний, досужих слухов и намеков, что человек и сам порой не замечает, как переменяет свои взгляды или мнение, казавшиеся ему еще вчера незыблемыми, на противоположные. А когда случайно заметит случившуюся с ним метаморфозу, старается ее логически или психологически обосновать.

Можно было, конечно, какое-то время пожить в гостинице. Проще, слава Богу, те времена, когда нельзя было снять номер в гостинице своего города, ибо это представлялось чем-то порочным или связанным с противоправной деятельностью. Однако те небольшие средства, что еще оставались у меня, не предполагали роскошной жизни на полном пансионе. Точнее, они позволили бы прожить пару недель в гостинице средней руки, но потом пришлось бы перемещаться либо в городскую богадельню, либо на свалку за городом. Если, конечно, за это время не решился бы вопрос с моим трудоустройством или не поступил бы достойный гонорар из какого-нибудь столичного издательства. Но на это было наивно рассчитывать, так как одни неприятности имеют особенность притягивать к себе всевозможные другие. Не зря картежники утверждают, что мизеры ходят парой.

В общем, после нескольких недель ночевки в домах с холодно-сдержанным гостеприимством я осел в квартире столяра Циммерова в старом доме в районе городского рынка. Когда-то я помог Циммерову отстоять его небольшую столярную мастерскую, на которую положил глаз хозяин центрального рынка, возмечтавший превратить ее еще в одну торговую точку. Малообразованный столяр Циммеров, в отличие от многих так называемых интеллигентных людей, которые в ответ на оказанную им помощь обычно требуют все новых и новых преференций, а когда вы по каким-либо причинам не можете продолжить свои благодеяния, мгновенно забывают о вас, оказался человеком твердых нравственных правил, умеющим помнить и ценить добро. Он поселил меня в комнате своего сына, уехавшего учиться за границу, и даже предоставил некий пансион в виде дармового ранневечернего ужина в кругу своей семьи, что было в то время для меня совсем нелишним.

Старый трехэтажный дом, в котором обитало семейство Циммеровых, был, как они говорили, довоенной застройки. Теперь зачастую в частных беседах, когда кто-нибудь произносит фразу, что, мол, это случилось еще до войны или после войны, часто можно услышать уточняющий вопрос: до какой войны, ведь столько войн, пусть и не знаменитых, не мировых, а, как принято сейчас говорить, локальных, случилось на нашем веку. Однако, глядя на это строение, покрытое не сверкающим в

хорошую погоду ондулином или потемневшим шифером, а обесцвеченной дождями и солнцем древней черепицей, вопрос, о какой войне идет речь, можно было не задавать. Одного взгляда на дом было достаточно, чтобы понять, что он был построен до второй мировой войны с немцами и с тех пор не знал капитального ремонта.

В квартире скрипели не только половицы и петли дверей, но и оконные рамы. Однако это не вызывало у меня, как, впрочем, и у самих хозяев, неприятных ощущений, наоборот, придавало некий шарм ежедневному бытию, напоминало о старинных усадьбах и замках, навевало литературные аллюзии, чего напрочь лишены современные квартиры с евроремонтом и дизайнерской планировкой зон отдыха и приема пищи.

И еще в этой квартире порой слышались непонятные звуки, которые казались мне забытыми голосами живших здесь прежде людей. Стоило вам войти в ванную или, извиняюсь, заглянуть в уборную, как явственно слышалось, что за дверью кто-то ходит, скребется в нее или пробегает по коридору, доносились неразличимые голоса, ведущие непонятные диалоги или монологи. А если вы резко открывали дверь в ночной коридор, то голоса сразу смолкали, и было слышно только, как в темной кухне бегают по обоям тараканы, а в углу шушит мышонок Маус.

Мне даже как-то пришло на ум сочинить рассказ о старой квартире, в которой слышатся непонятные голоса, и новый жилец пытается установить с ними связь, чтобы понять, что раньше происходило в этих стенах. Но один очень продвинутый молодой коллега из дружественной редакции как-то рассказал, что был такой голливудский фильм, героиня которого, звукорежиссер по профессии, раскрывает убийство своей матери, записав шумы в ее опустевшем доме и расшифровав их с помощью аппаратуры в своей звукозаписывающей студии. Что ж, многие хорошие идеи буквально носятся в воздухе, но только в Голливуде научились из воздуха извлекать деньги.

Неприятности в новой среде обитания начались с осенними дождями: в квартире стал протекать потолок. Для борьбы с коммунальной стихией у семейства Циммеровых имелся целый набор тазиков, кастрюль и баночек, которые устанавливались в местах протечек. Сам же глава семейства в такие дни карабкался по деревянной лестнице на чердак и прикрывал полиэтиленовой пленкой дыры в черепице, а также аварийные участки чердака над своей фатерой. Но сопутствующие осенним дождям бури и штормовые порывы ветра знали свое дело не хуже старого столяра, и после очередного циклона в квартире открывался новый филиал всемирного потопа. Новый – потому что из-за перманентной борьбы с протечками вода начинала низвергаться с потолка каждый раз в новом месте.

Когда в гостевой комнате дождевой поток выбрал своей мишенью стопку книг, поставленных мною у изголовья кровати, я был дома и успел быстро эвакуировать книги в безопасное место, а под пробившийся с потолка ручеек подставить выданный мне для борьбы со стихией китайский эмалированный тазик с красочным изображением джонка на Желтой реке. А затем чтобы больше не подвергать опасности единственное оставшееся

у меня богатство, распихал свои книги по пустотам книжного шкапа укатившего за знаниями циммеровского студента, не особо при этом вдаваясь в их соответствие принятым здесь библиографическим классификациям и предпочтениям.

Опорожнив несколько раз тазик, я заметил, что дождь начал стихать. Размеренное постукивание капель сперва по днищу тазика, а затем по скапливающейся в нем воде разморило меня. Выключив горевший над головой ночник, я накрылся с головой верблюжьим одеялом и дал себе слово не засыпать до тех пор, пока тазик не наберется доверху водой, чтобы успеть его опорожнить. Но работа дождевого метронома и приятное тепло колючего покрывала взяли верх над неосторожно данным словом, и вскоре я уже отправился в обломовское путешествие по нашему городу, приобретаемому в онирических видениях черты готического града.

Разбудил меня настойчивый стук в дверь. Продрав глаза и вскочив на ноги, я первым делом автоматически заглянул в тазик – он был наполнен не более чем на две трети и поверхность воды больше не рябилась. Дождь за окном либо совсем прекратился, либо пошел под другим углом, не захватывающим прореху над потолком моей комнаты. Стук в дверь повторился.

Я пошел открывать дверь. На пороге комнаты в одних кальсонах и нижней рубашке стоял старик Циммеров.

– Борис Всеволодович, ты не забыл на ночь выключить телевизор?

– Я его вообще не включал! К тому же довольно редко смотрю!

– А откуда же это?

– Что?

– Послушай...

Сбросив с себя остатки сна, я услышал в меру громкий, металлический голос, отрешено произносивший: «Вся история идей – это история обид! Жаль, что мы не можем вернуться во времена, когда книгам не чинили помехи газеты и телевидение!».

Телевизор я не включал уже несколько дней, ноутбук был зачехлен, других приборов, за исключением письменного прибора на столе, в комнате не было. Между тем, неизвестный голос продолжал: «Любое произнесенное слово причиняет мне боль. А ведь как было бы приятно послушать, например, рассуждения цветов о смерти!».

Озираясь в поисках источника звука, я каким-то краем сознания на мгновение вообразил немецкую машину-пеленгатор, медленно передвигающуюся по готическому городу в поисках радиопередатчика «Красной капеллы», и тут же обнаружил, что слова вылетали из старого книжного шкапа. Открыв дверцу допотопного книгохранилища и чувствуя себя под взглядом Циммерова гестаповской ищейкой, я пробежал взглядом по книжным полкам и каким-то животным чувством понял, что в комнате звучали «Горькие силлогизмы» французского философа румынского происхождения Чорана.

Стоило мне только снять книгу Чорана с полки, как в комнате установилась концертная тишина. Дабы удостовериться в своей правоте, я возвратил взятый томик на прежнее место, и мы услышали новый книж-

ный экспромт: «В этой комнате кошмар является единственным способом трезвомыслия!».

– Это что, аудиокнига? – спросил старик Циммеров.

– Нет, обыкновенная книга! Напечатанная московским издательством...

– А почему тогда она кричит?

– Не знаю! Может быть, сошла с ума!

– Я никогда не слышал, чтобы книги сходили с ума. Что от книг сходят с ума, слышал, а наоборот – нет!

– Мне тоже пока не доводилось сталкиваться с подобным явлением!

Но исключать его полностью нельзя. Всякое возможно в наше время! Особенно в такое время года, когда постоянно идет дождь, холодно, и к тому же протекает крыша! Мы-то еще можем как-то продержаться, выпить стопку-другую, укрыться теплым одеялом, а книге-то, представляете, каково? Ведь под этим картонным переплетом на тонкой бумаге сконцентрировано большое количество горьких и нежных чувств, дерзновенных мыслей, слов любви и доверия к людям. Им-то каково? Что их может сейчас согреть? Такая книга запросто может сбрендить!

– Ты, Борис Всеволодович, больше ее в шкаф не клади! А то разбудим весь дом!

– Я ее укрою на своей груди!

– Спокойной ночи, Борис Всеволодович!

– И вам приятных сновидений!

Разумеется, никто не собирался спать с книгой Чорана на груди. Но все же она не была отправлена обратно в шкаф, а положена ко мне под подушку, чтобы в случае новых выходов можно было предпринять превентивные меры по ее нейтрализации.

Но ночь прошла на удивление спокойно. Книга молчала, как и положено молчать всякой нераскрытой книге. А мне больше не снились привычные кошмары, связанные с различными версиями маршрутов путешествий по собственному подсознанию.

Разбирая утром постель, я обнаружил под подушкой книгу Чорана. И, все еще полусонный, не озаботившись даже вспомнить о ночном происшествии, машинально поставил ее обратно в книжный шкаф. И сразу же с полки, как из проигрывателя, послышался уже знакомый металлический голос:

– Только поверхностные мыслители обращаются с книгами и идеями деликатно!

– Это ты, вещь, мне говоришь?

– Только поверхностные мыслители обращаются с книгами и идеями деликатно!

– Ты меня имеешь в виду?

– Только поверхностные мыслители обращаются с книгами и идеями деликатно!

– Что ты заладила одно и то же, как заезженная пластинка? Больше ничего нет в репертуаре?

– Только поверхностные мыслители обращаются с книгами и идеями деликатно!

Пришлось снова вытащить ее из шкапа. В комнате сразу наступила тишина, и можно было спокойно идти умываться.

Придя домой в обеденный перерыв вкусить свой гороховый суп, старик Циммеров первым делом прошествовал к моей двери. Услышав его деликатный, но настойчивый стук в дверь, я встал из-за компьютера.

– Ну что, кричит? Или уже успокоилась? – спросил Циммеров, переступая порог.

– Молчит с утра! Правда, пришлось убрать ее из шкапа.

– А ты, Борис Всеволодович, положи ее обратно. Как говорится, в порядке эксперимента!

– Что ж, давайте попробуем.

Стоило мне только поставить книгу на полку и закрыть дверцу, как в комнате раздался уже знакомый нам голос:

– Всё живое производит шум! Только минералы хранят многозначительное молчание!

– Упорная, зараза! И говорит, как вещунья, – удовлетворенно крикнул Циммеров. – Вынимай ее обратно, Борис Всеволодович!

Пока я открывал шкаф и протягивал руку к полке, говорливая книжонка успела выдать еще одну сентенцию:

– Книга, которая разрушив всё, сама не разрушается, не должна вызывать у вас гнева!

– И умная к тому же! – уважительно покачал головой Циммеров. – Все понимает!

– Кто тебе сказал, что мы гневаемся? Мы просто в недоумении, – произнес я, поглаживая книгу по переплету.

Она в ответ промолчала.

– А позволь, Борис Всеволодович, полюбопытствовать, кто автор этого, с позволения сказать, произведения? – спросил старик Циммеров.

– Покойный французский философ румынского происхождения Эмиль Мишель Чоран. Всю жизнь очень неуютно чувствовавший себя в этом лучшем из миров!

– Оно и видно, что румынского происхождения! У нас здесь в войну тоже румыны стояли, никому покоя от них не было! Тащили все, что под руку подвернется! Вороватая народность! – поделился своими наблюдениями столяр, и добавил: – Знаешь, Борис Всеволодович, пойдём-ка лучше перекусим чем Бог послал. Как говорится, хорошая мысль приходит опосля. Опосля обеда!

Перед супом старик Циммеров попросил свою хозяйку, как он величал жену, налить нам по стопке водки. Закусывали ее зеленым луком.

– Нормальный ход! – констатировал столяр, прислушавшись к тому, как приживается в организме огненная жидкость.

После чего надолго замолчал, сосредоточившись исключительно на ритмичной работе ложкой. Глядя на него, невольно подумалось о том,

что неологизм «рубать», в смысле принимать пищу, обязан своему происхождению столярам, привыкшим иметь дело с рубанком.

– Я вот что надумал, Борис Всеволодович, – проговорил старик Циммеров, отодвигая от себя чистую тарелку, – у меня есть знакомый врач, я ему сделал обстановку для кабинета. Деликатные предметы пришлось соорудить. Так вот, пусть он осмолит нашу больницу! И вынесет свое компетентное заключение!

Врач оказался жизнерадостным толстячком с лукавой полуулыбкой человека, знающего истину в последней инстанции, но предпочитающего упаковывать ее в разные обертки и дозы в зависимости от кошелька и положения клиента.

Войдя вместе с Циммеровым в мою комнату, он сразу вытащил из кармана пиджака медицинский молоточек с черным ободком и велел мне внимательно смотреть на него. Чтобы сразу не разочаровывать лекаря, я послушно следил за перемещениями молоточка, напоминающими обряд освящения жилища, проводимый католическим священником.

– Ну что ж: зрительные рефлексy в норме! – сказал врач. – Проверим теперь двигательные рефлексy. Присаживайтесь, пожалуйста, и положите ногу за ногу!

– Спасибо, доктор! Но мне кажется, что я совершенно здоров!

– Так все считают! А между тем, абсолютно здоровых людей практически не бывает!

– Но у нас особый случай. Кошмары мучат не меня, а книгу!

– Книгу?

– Да, именно книгу! Вот эту, – я протянул доктору томик Чорана.

Он его внимательно осмолит, потом перелистал, развернул веером и встряхнул над полом. Книга хранила молчание.

– Ничего не понимаю! Вы же сказали, что она заговаривается, – доктор обернулся к Циммерову.

– Так и есть! Она не только заговаривается, но и выкрикивает отдельные фразы. Особенно голосит по ночам! – пожаловался старик Циммеров.

– Но она же молчит! – сказал доктор, переворачивая туда-сюда книгу.

– Это она вас испугалась, – пошутил Циммеров и незаметно подмигнул мне, чтобы я продемонстрировал возможности необыкновенного издания.

– Позвольте, доктор, – я взял у него из рук книгу, и пошел с ней к шкапу.

Как только книга оказалась в своей нише, с полки раздался ставший уже привычным голос:

– Кричать имеет смысл только в кем-то сотворенном мире. Если творца нет, что толку орать, привлекая к себе внимание?

– А вы уверены, что вещает именно эта книга? – с трудом сохраняя на лице всезнающую полуулыбку, спросил доктор.

– Судите сами! – сказал я и быстрым движением выхватил книгу с полки. Мы еще успели услышать, как она затихающим голосом произнесла:

– Спасение возможно только в имитации молчания...

– Разрешите... – доктор взял у меня из рук книгу.

Он снова повертел ее в руках, бегло пролистал ее сначала в прямом, а затем в обратном направлении, развернул гармошкой, как обычно делают, когда ищут спрятанную в книгу записку или банкноту. Потом, словно был гинекологом, а не невропатологом, раздвинул книгу пополам и стал смотреть в образовавшуюся в корешке щель. После чего еще сильнее разогнул книгу, так, что между переплетом и материей, на которую наклеивается книжный блок, образовался тубус, напоминающий подзорную трубу. Доктор посмотрел через образовавшуюся трубу сперва на меня, а потом на Циммерова. Что он высмотрел на наших лицах, осталось неизвестным, но полуулыбка напрочь исчезла с физиономии доктора. Он захлопнул книгу и молча протянул ее мне. Наступила минута тягостного молчания.

– Что ж, – наконец проговорил доктор, – вынужден признать, что ни спинного, ни головного мозга в данном случае не наблюдается. Отсутствует также и нервная система, в привычном понимании этого термина.

Он снова замолчал, вытащил свой молоточек, повертел его в руке и сделал вывод:

– Все вышеизложенное позволяет заключить, что данный клинический случай не относится к нашей епархии!

Мы со стариком Циммеровым недоумевающе переглянулись. А доктор продолжил:

– В конце концов, мы лечим неврозы человека, а не вещей! Если бы я стал лечить книги, мне бы самому пришлось обращаться к докторам!

Видимо, он остался довольным произнесенной фразой – все-таки данная сентенция могла быть отнесена к разряду диагнозов, и, следовательно, профессиональное реноме его не пострадало, – потому что лукавая полуулыбка вернулась на его лицо. Доктор молча пожал нам руки и откланялся.

Когда мы с Циммеровым остались наедине, мне трудно было удержаться, чтобы не задать старому столяру вопрос, занимавший меня последнее время. Но который, по соображениям этического порядка, не мог быть озвучен в присутствии постороннего человека.

– Не будете ли вы так любезны объяснить мне, с чего это вы решили, что книга нездорова? Посмотрите, как она прекрасно выглядит! Какой чудесный переплет! Все страницы целы и ничем не замараны, я даже не сделал на них обычных подчеркиваний и заметок на полях!

– А то, что она порой выкрикивает шалости, по-твоему, Борис Всеволодович, нормально?

– Помилуйте, какие шалости? До сих пор мы слышали только отдельные цитаты, так сказать, горькие силлогизмы автора!

– Ничего себе, силлогизмы! Это же бред нездорового воображения, точнее сказать, нездоровой книги!

– В таком случае, любое творчество можно считать плодом нездорового сознания. А Чоран к тому же стремился довести свои размышления до крайних состояний!

– И что же в этом хорошего, Борис Всеволодович?

– Как, что хорошего? Всякий раз, когда земной творец – будь то писатель, художник или ученый, – работает в пограничных областях, он способствует расширению наших познаний. Мы больше узнаем о мире и о себе! Возрастают возможности человека!

– А, на мой взгляд, возрастает только степень безумия! Люди перестают понимать друг друга! А непонимание всегда приводит к противостоянию, стычкам и вооруженным конфликтам.

В чем-то старый столяр был прав, и чтобы не превращать дальнейший разговор в противостояние двух противоположных точек зрения, в спор августа с декабрем, который неизбежно завершается громокипящим маем, пришлось перевести разговор на другую тему.

Больше в тот день ничего примечательного не случилось. Нарушившая наш покой книга провела ночь у меня под подушкой и не подавала никаких звуковых сигналов.

А на следующий день позвонили из «Дома печати» и сказали, чтобы зашел получить причитающиеся мне деньги, образовавшиеся в результате какого-то бухгалтерского перерасчета. Что было весьма кстати, ибо деньги, как известно, обладают уникальным свойством при большом количестве самостоятельно увеличиваться, а при незначительном – таять прямо на глазах. А я неумолимо приближался к одной из крайних точек колебания этого регулирующего нашу общественную и частную жизнь вечного маятника.

«Дом печати», под крышей которого на двенадцати этажах располагались различные редакции и издательства, за эти месяцы совсем не изменился. Всё тот же милиционер сидел на вахте. Правда, теперь он не встал по стойке «смирно» при моем появлении, как это бывало прежде, а поинтересовался, к кому я намерен пройти, и, получив ответ, не стал выписывать пропуск, а молча нажал на кнопку разблокирования турникета, что, в общем-то, было своеобразной данью былому уважению.

В лифте со мной поднимались телевизионщики, которые всегда жили в своем мире и если интересовались чем-нибудь, то только тем, на сколько минут выпускающий редактор сократит их материал и как это отразится на размере гонорара. Мы с ними молча раскланялись, я даже не был уверен, в курсе ли они моих обстоятельств. Но уже одно то, что люди не задавали ненужных вопросов, было любезностью с их стороны.

На нашем этаже сотрудники редакции, завидев меня, делали ноги, чьи-то невидимые руки закрывали распахнутые двери кабинетов по мере моего продвижения в направлении бухгалтерии, находящейся в конце коридора. Обычно шумная и веселая редакция на глазах превращалась в мертвый дом, стихли даже голоса подчитчиков, читающих вслух корректорам верстку очередного номера.

Однако в бухгалтерии все было по-прежнему: главбух Надежда Марковна, опустив очки на нос, просматривала поступившие платежки и сортировала их по степени важности, бухгалтер Вика, девушка в возрасте, со сложной личной жизнью, нервно переносила разметку вышедшего номера в пожелтевший гроссбух, а кассир Люшенька листала номер «Космополитена» и, судя по отрешенному лицу, путешествовала в эмпиреях с каким-нибудь долларовым миллионером на его двухпалубной яхте.

Чтобы привлечь к себе внимание, мне пришлось даже кашлянуть. Увидев меня на пороге своей рабочей комнаты, сотрудницы бухгалтерии изобразили явно не показную радость.

– Борис Всеволодович, здравствуйте! Как давно вы не были у нас, – сказала Надежда Марковна, откладывая в сторону платежки.

– Ой, вы просто помолодели! – воскликнула Вика.

– И этот галстук вам очень к лицу, – отметила, в свою очередь, Люшенька.

– Спасибо, дорогие! Я тоже рад вас всех видеть в добром здравии и настроении!

Мне пришлось поздоровался с каждой из них за руку, соблюдая служебную иерархию

– Сейчас будем чай пить! Люшенька, организуй там... – скомандовала Надежда Марковна.

– А у меня и конфеты для такого случая есть, – сказала Вика, наклоняясь к своей тумбочке.

– Очередной поклонник принес? – с ноткой зависти спросила Люшенька.

– Воздыхатель, деточка, – с улыбкой Клеопатры произнесла Вика, доставая коробку конфет.

– Пожалуйста, пока не рассказывайте ничего интересного. Я быстро, – попросила Люшенька, уходя с чайником в руках за свежей водой.

– Не волнуйся, мы только немножко посплетничаем о наших взрослых проблемах, – сказала Вика.

Распивая чай и беседуя с любезными дамами, я невольно подумал о том, что в советской партийной печати, которую застал в последние годы ее существования, наиболее свободомыслящими всегда считались репортеры и сотрудники отдела публицистики и фельетона, а в постсоветские времена элементы фрондерства могут позволить себе в основном работники бухгалтерий и финансовых отделов. Вот и говори после этого, что в стране нет господствующей идеологии.

Когда через полчаса я снова оказался в редакционном коридоре, двери кабинетов были по-прежнему наглухо закрыты. Никто не прогуливался вдоль стен, не курил возле раскрытых окон, и даже на площадке возле лифта было пусто. Что ж, приходится в очередной раз констатировать, что в основе своей люди ничуть не изменились за последние несколько тысяч лет. Стали только по-другому одеваться и причесываться, да перебивать

запахи трусости и неуверенности в себе парфюмом рекламируемых по телевизору марок.

Уже возле лифта, прежде чем нажать кнопку вызова, я услышал, что меня кто-то окликает по имени-отчеству. Я обернулся и увидел прекрасного молодого человека из молодежной редакции. Не сказать, чтобы у нас были дружественные отношения, они просто не могли быть таковыми в силу разницы в возрасте и занимаемого положения в структуре издательства, но мы всегда с симпатией относились друг к другу. Мне нравились его открытость, самостоятельность, умение, а главное, желание докапываться до сути описываемых проблем, тогда как большинство нынешних журналистов довольствуется поверхностным описанием происходящего у них на глазах, заменяя необходимые размышления игривыми фразами и сленговыми словечками, или просто нещадно цитируя ведомственные пресс-релизы. Кроме того, он много читал, и мы иногда обсуждали прочитанные книги и даже обменивались новинками.

– Борис Всеволодыч, здравствуйте! Вы решили вернуться? Классно! – сказал он.

Было очень приятно увидеть на лице молодого коллеги не дежурную, а действительно радостную улыбку, и я с удовольствием пожал его руку.

– Нет, о возвращении не может быть речи! Заходил по своим делам в бухгалтерию.

– Жаль, мне кажется, что здесь многим вас не хватает. А как выживаете? Что сейчас читаете?

В его словах было столько искренности и человеческого участия, признаться, уже подзабытого мною, что заставило меня отбросить обычную сдержанность при общении с коллегами, и я рассказал ему о страдающей ночными припадками книге.

– И что вас так поражает во всей этой истории? – спросил меня любознательный молодой человек.

– Как что? Обыкновенная книга, можно сказать, реликт уходящей гуттенберговской эпохи, выкрикивает напечатанные в ней фразы! Разумеется, перед хозяином дома я не подаю вида, что это nonsens, но сам порой сомневаюсь, не снится ли все это мне.

– И что в этом странного? Разве никому из нас не доводилось слышать выражения типа «данная книга рассказывает о том-то и том-то». И совершенно этому не удивляться! Более того, на основе подобной информации часто руководствуемся в вопросе включения того или иного издания в круг своего чтения.

– То есть тебе этот случай паранойей не кажется?

– Совершенно! Куда более странно и необъяснимо было бы, если бы некий том стал вещать о том, чего в нем нет. Вот это была бы уже клиника!

– Да, но обычно книги не вещают! Тем более, по ночам, когда все спят...

– И люди часто молчат, пока им не наступят на ногу! Или, предположим, вечером пристанет хулиган!

– То есть ты хочешь сказать...

– Именно! Некие форс-мажорные обстоятельства изменяют матрицу привычного поведения!

– Это понятно. Но какие могут быть неординарные обстоятельства у обычной книги?

– Мне казалось, что кто-нибудь другой, во всяком случае, только не вы, может утверждать, что книга – обычный предмет. Разве это простой товар, произведенный в типографии? Нет! Всякая книга имеет свою душу! И вы это знаете не хуже меня! Как икона с изображением Спасителя является частью божества, так и книга содержит частицу души писателя, создавшего ее.

– А румынский писатель Мишель Эмиль Сиоран, ставший французским классиком Чораном...

– Заслужившим право маркировать свои произведения одним именем. Как Стендаль, Вольтер, Аллен...

– ...имел чрезвычайно ранимую нервную систему...

– Заявлявший: «Человек – это раковая опухоль земли».

– ...и писал столь же нервные книги...

– Я бы уточнил: с выведенными наружу нервами. А в скобках добавил: данный образ вполне в духе его времени. Вспомните архитектуру музея современного искусства имени Помпиду с вынесенными на фасад коммуникациями. И поэтому нет ничего удивительного в том...

– ...что некий диссонанс...

– Именно!

– ...мог вызвать нервное расстройство, и даже истерику у книги.

– Что и требовалось доказать!

– Красиво!

– Рад стараться!

– Но!!!

– Не принимается никаких «но»! Вердикт окончательный!

– Вердикт выносят присяжные. А приговор оглашает судья!

А он вправе поинтересоваться: почему раньше книга не устраивала истерик?

– Элементарно, ваша честь! Не было соответствующего контекста!

– Какого контекста?

– Чужого угла, протекающей крыши, неприятного соседства... Каждое из этих обстоятельств могло сдетонировать и поодиночке, но, наслаиваясь друг на друга, они произвели эффект разорвавшейся бомбы!

Тут у него зазвонил мобильный телефон. Он посмотрел на экран телефона и, не отвечая, сбросил вызов.

– У нас сегодня выпуск, а я – дежурный по номеру. Уже редактор разыскивает, – словно извиняясь, произнес он.

– Спасибо тебе! Ты мне здорово помог!

– Очень рад, если действительно смог чем-нибудь помочь!

Мы обменялись дружеским рукопожатием. И, уже убегая вверх по лестнице, он обернулся и сказал:

– Всё имеет рациональное объяснение, Борис Всеволодович! Самое простое – ссылаться на непознанное, магию, религию или бесовщину!

– Полностью с тобой согласен! – крикнул я вслед удаляющейся спине.

Удивительно, но разговор с молодым коллегой, его приверженность разуму, вера в людей и себя, придали мне значительно больше энергии и внутренней силы, чем полученные в бухгалтерии деньги. Хотя, казалось бы, именно деньги должны были зарядить меня должной энергией, поскольку давали возможность несколько недель не думать о грядущем тупике. Я почувствовал, как уходит прочь плохое настроение и все чувства возрождаются для новой жизни.

Когда я спуускался вниз по лестнице к выходу из «Дома печати», дежурный милиционер вышел из будки. Проходя мимо него, я не смог удержаться, чтобы не перевернуть фуражку на его голове козырьком назад. Ошарашенный милиционер автоматически вернул ее в прежнее расположение, хотел, как мне на секунду показалось, заломить мне руку и доставить в участок, но что-то в его голове защелкало. Он, видимо, решил, что не всякий человек решится на такой поступок, а только очень большой начальник, и то в прекрасном расположении духа, и он на всякий случай отдал мне честь.

Вернувшись домой, а квартира старика Циммерова, действительно, уже представлялась мне домом, я первым делом вытащил известную вам книгу из-под подушки и отнес ее на прежнее место в книжный шкаф. Как только поставил книгу на полку, она завершала свое, по-видимому, наболевшее:

– Все великие события были спровоцированы сумасшедшими!

– Пой, ласточка, пой, – спокойно произнес я. – Тебе недолго осталось летать без гнезда!

После разговора с молодым коллегой мне впервые захотелось посмотреть на то, что он называл контекстом – окружение несчастной книги, те тома и фолианты, что соседствовали с ней на полке чужого книжного шкапа. Задать себе вопрос, почему я этого не сделал раньше, мне тогда и в голову не приходило, а сейчас могу на него ответить, только сославшись на свое тогдашнее общее упадническое настроение.

Итак, я обратил взор на книги, стоявшие рядом с томиком Чорана, и что же увидел? Пухлые тома Льва Гумилева, «Розу мира» Даниила Андреева и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина с множеством закладок убывшего за границу студента.

– В такой компании и сам сойдешь с ума, не заметишь, как начнешь нести всякую околесицу! – громко сказал я, ни к кому особо не обращаясь в пустой комнате.

– Я живу с непреходящим ощущением того, что нахожусь где-то очень далеко от того места, где действительно должна быть, – в ответ проговорила книга Чорана.

– Считай, что ты уже прибыла на станцию назначения, – успокоил я ее.

Я стал вытаскивать с полки так называемую философскую литературу прежнего жильца, а на ее место расставлять книжки из своей стопки – Хайдеггера, Ханну Арендт, Витгенштейна, Фуко и Делёза. Книга Чорана успела только на прощание произнести силлогизм о золотом правиле – оставлять свой образ незавершенным, и замолчала, если не навсегда, то, во всяком случае, надолго.

Наведя таким образом порядок в библиотеке, я вытащил свой ноутбук, и сел писать рассказ «Голос в ночи», решив описать в нем все, что случилось со мной в последние дни, и только немного изменив мотивировки происшедшего. «В любом хорошем детективе самые немислимые происшествия должны быть внятно объяснены читателю», – постоянно думал я, сочиняя этот рассказ.

Дальнейшая история, я думаю, хорошо известна всем читателям по многочисленным интервью и телепередачам, посвященным успеху в мировом, в том числе и российском прокате, голливудского блокбастера «Бунт разума», посвященного восстанию книг против погрязшего в поисках новых удовольствий и престижного потребления рода людского. Послуживший толчком к написанию киносценария рассказ «Голос в ночи» был опубликован в небольшом региональном литературном журнале и, в общем-то, не вызвал особых восторгов среди его читателей.

Подробное повествование о том, как этот рассказ попал на глаза крупнейшему продюсеру заокеанской фабрики грез и как дальше развивались события, все заинтересованные читатели могут найти во всемирной сети, где есть множество сайтов и форумов поклонников данного фильма. Мне же в заключение хотелось только отметить, что вся эта история свидетельствует о том, что и русские, не хуже американцев, умеют при желании делать деньги из воздуха, правда, наполненного ночными страхами и криками книг. Да, и еще сказать, что старику Циммерову, когда мои дела быстро пошли в гору, из американского гонорара были выделены средства на капитальный ремонт крыши всего дома. Так что в знакомой вам теперь квартире больше не протекает потолок и не слышны ночные крики беспокойных книг.

*Зауришат ДЖАНХОТОВА,
Кабардино-Балкарский
государственный университет*

СПЕЦИФИКА ИДЕОСТИЛИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ МУРАДИНА ОЛЬМЕЗОВА

Современная детская литература в России представляет собой довольно динамичное, сложное и противоречивое явление. Социокультурные перемены образовательного контекста, процессы информатизации и глобализации привели к серьезным изменениям роли и функции чтения, что повлекло за собой неоднозначные явления и в развитии литературы для детей. В российской культурной традиции феномен дошкольного и школьного чтения всегда предполагал осмысление детства как сущностной категории культуры и социума. Он выступал неотъемлемым признаком духовности и особой чертой российской ментальности. Сегодня исследователи детского чтения говорят о реальной опасности утраты традиционной культуры чтения. Детское восприятие в наши дни испытывает небывалый натиск аудио-, видео- и полиграфической продукции коммерческого характера. Снижение интереса к чтению в связи с развитием новых информационных технологий породило у многих авторов стремление любой ценой завоевать внимание читателя. Наряду с книгами классиков и современных писателей, стремящихся сохранить в своих произведениях традиции просветительства и гуманизма, полки книжных магазинов заполонило громадное количество развлекательной детской литературы низкого качества. Эти произведения, затрагивающие самый поверхностный уровень эмоций и не требующие умственных усилий для восприятия, чаще всего создаются в жанре детективов и триллеров, главное достоинство которых нередко составляет только занимательность сюжета. Заметной тенденцией стало изображение в них жестокости, грубости, криминала и других атрибутов современной реальности. Отличается и стилистика подобных произведений: их авторы активно используют лексику с негативной окраской, просторечия, жаргонизмы (Е. Грачев «Рукавицы-лупавицы», Г. Генераленко «Анастасия, дочь купеческая», Ю. Оболонков «Кладоискатели» и др.). Постсоветская детская литература отказалась от многих традиций русской и советской литературы: она не всегда обладает этической ясностью, стилистической выдержанностью, обстоятельностью повествования и учетом психологических особенностей детского восприятия мира. Многие произведения последних лет отличает абсурдность сюжета, цинизм, сомнительные критерии морали и нравственности, ложная положительность героев. Все это находится в остром противоречии со спецификой литературы для детей.

Однако новейшую детскую литературу России характеризует и другая отличительная черта: поиски нетрадиционных способов формирования у юного читателя представлений о вечных ценностях, стремление найти современные приемы отображения гуманистических идеалов (Т. Крюкова, М. Есеновский, Д. Сабитова, А. Гиваргизов и др.). Творчество многих молодых авторов отличается стилистической свободой, дерзостью, пародийностью; в их произведениях расширяются рамки традиций, появляются новые жанры. Столкновение этих, во многом взаимоисключающих друг друга тенденций и составляет специфику современной российской детской литературы.

Влияние системы ценностей современного российского общества на динамику процессов в детской литературе, на наш взгляд, меньше отразилось в региональных культурах. Их почти не коснулась стихия свержения основ детской литературы, заложенных в предыдущие эпохи. К примеру, в современной балкарской детской литературе по-прежнему актуальны, прежде всего, тенденции гуманизма. Она пока не испытывает на себе противоречивого воздействия описанного литературного процесса, продолжая в известном смысле оставаться консервативной, приверженной художественным традициям национального фольклора и лучшим образцам мировой и русской классики. В произведениях балкарских авторов (К. Кулиева, Э. Гуртуева, Ж. Токумаева, М. Мокаева, М. Ольмезова, А. Бегиева, и др.) доминируют идеи гармоничного развития детей, изображение ребенка как полноценной личности, познающей многогранность окружающего мира, формирование его нравственности и эстетических представлений.

В данной статье нам хотелось бы остановиться на анализе некоторых аспектов творчества для детей современного балкарского поэта Мурадина Муссаевича Ольмезова. По общему признанию критиков (А. М. Теппеев, А. М. Бегиева, Т. Ш. Биттирова, Ж. К. Кулиева, А. Д. Атабиева), произведения поэта, отличающиеся особой душевной теплотой, доступностью изложения и поэтичностью образов, содержат в себе высокие нравственные и художественные идеалы, обогащающие и гуманизирующие детскую психику, учат ребенка видеть и понимать природу и человека в единении обычного и сказочного.

Произведения М. Ольмезова обращены к детям дошкольного и младшего школьного возраста. Поэт работает в разных жанрах: он является автором сказок («Кошка и мышки», «Сказка про обжору», «Сказка о том, как воробей наказал злого хана» и др.), колыбельных песен, небылиц-перевертышей, пестушек и т.д. Этическая ясность этих произведений, их стилистическая выдержанность, учет возрастных и психологических особенностей ребенка, отраженный в стилистике языка, тематике и жанрах, дают нам основание утверждать, что поэт прекрасно знает эстетические представления детей, особенности детского восприятия мира на различных возрастных этапах.

Специфика детской литературы кроется, как известно, в особенностях детского восприятия действительности, качественно отличающегося от восприятия взрослого человека. Типологические возрастные качества

вытекают, по мнению многих ученых (Л. С. Выготский, А. Т. Парфенов, Б. М. Сарнов), из своеобразия антропологических форм детского сознания, которые, в первую очередь, зависят от психофизиологических факторов. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что особенности детского мировосприятия формируют избирательный подход к явлениям окружающего мира: то, что ближе внутреннему миру ребенка, воспринимается им более крупным планом и рассматривается на близком расстоянии, в подробностях деталей. Талантливые детские писатели всегда изменяют в своих произведениях угол зрения на мир взрослого человека и выдвигают на передний план то, что дети способны заметить в первую очередь: цвет, форму, звук, запахи, движение. В детских стихах Мурадина Ольмезова предметно-вещный мир представлен зримо, выпукло, динамично – именно так, как видит его ребенок:

Дождем набухшая река
Ревет осатанело
И, точно скакуна бока,
Покрылась пеной белой.
А посмотри-ка: весь наш двор
Блестит от маленьких озер!
...
А солнце
В каждой лужице
Подмигивает,
Кружится!

(Перевод Я. Акима) [6, 6].

В поэзии М. Ольмезова выстраивается особая модель мира с характерным для него художественным пространством и временем, адекватная детскому восприятию. Как известно, вследствие особого типа мышления детям свойственно одушевлять предметы окружающего мира, наделять их человеческими качествами. Отсюда в стихах М. Ольмезова многочисленные олицетворения, которые помогают поэту изобразить мир одомашненным, теплым, уютным:

Сорок, сорок, сорок ножек
Чисто шьют и гладко,
И на каждый двор положат
Мокрую заплатку.

(Перевод Я. Акима) [6, 5-6].

В этом мире добрых, знакомых и малознакомых предметов все динамично, насыщено событиями и приключениями. Быстро бегущее в стихах время увлекает ребенка, стимулирует его воображение, вовлекает в действие, развивает. М. Ольмезов не загромождает стихи тем, что может тормозить это движение и вносить в повествование элементы раздумий, созерцательности, психологически чуждых детям. Это придает стихам

М. Ольмезова своеобразную кинематографичность: эпизод следует за эпизодом, как в кино кадр за кадром:

Жайгъа чыкъды отунчу.	Встретил лето дровосек,
Айгъа чыкъды отунчу.	На луну взобрался дровосек,
Тогъуз башлы бюрчечикни,	Девятиголового клопика
Тутуп жыкъды отунчу,	Поймал и одолел дровосек,
Тутуп жыкъды,	Поймал и одолел,
Тутуп жыкъды,	Поймал и одолел,
Тутуп жыкъды отунчу. [4, 30]	Поймал и одолел дровосек.

(Здесь и далее подстрочник наш)

Стремительность событий в стихах, подобно зрительным впечатлениям в кино, увлекает юного читателя, погружает в воображаемый мир книги. Присущая детям непосредственность восприятия, усиливает остроту чувств, способствуя идентификации ребенка с литературными героями, вызывает ощущение личного участия в происходящем. Такая событийная избыточность поэзии М. Ольмезова, которую он предпочитает описательности, соответствует характерной ребенку конкретности видения, специфике детского восприятия. Неустойчивое внимание детей, не способное сосредоточиться на длиннотах описания, устремлено к перемещению с объекта на объект. Учитывая возрастные особенности своего читателя, поэт делает расчетливый выбор художественных средств, способствующих особому отражению действительности, и достигает в своих произведениях занимательности – одной из необходимейших черт литературы для детей. Чтение для ребенка – труд, но поэзия М. Ольмезова превращает его в развлечение, в увлекательной форме преподносит знания о мире. В то время как многие современные авторы, стремясь привлечь читательское внимание, отдают предпочтение захватывающему сюжету, экзотическим героям, принося в жертву идеи формирования нравственного и эстетического мира детей, М. Ольмезов удачно сочетает в своих произведениях занимательность и художественные достоинства, позволяющие донести до ребенка представления о вечных ценностях и моральных нормах.

Динамичности и занимательности сюжета в стихах М. Ольмезова соответствует ритмическая насыщенность. В произведениях поэта сменяют друг друга маршевые, напевные, стремительные, протяжные ритмы. Они меняются соответственно событиям в стихах: каждая смена ритма связана с новым поворотом сюжета, с характером изображаемого персонажа, с переменой настроения героев. Многие стихотворения М. Ольмезова отличаются не только подвижностью и переменчивостью ритма, но и повышенной музыкальностью поэтической речи:

Илля-билля-тилля-чин,	Илля-билля-тилля-чин,
Учуп баргъан илячин.	Летящий сокол.
Кюмюш ахча – бохчагъа,	Серебряные монеты – в кошелек,
Тюгю тышдү бахчагъа. [4, 29]	Перо его упало в огород.

Истоки этой музыкальности – в художественных традициях устного народного творчества балкарцев, к произведениям которого поэт обращается, заимствуя не только ритмику, но и сюжеты, характеры героев, жанры. Ритмическая организация речи позволяла в произведениях устной поэзии балкарцев добиваться максимальной выразительности, она выступала как средство, придающее тексту особую эмоциональную напряженность, придавала детским стихам легкость звучания, игривость, подвижность:

Бап-бап, баппахан,
Сары теке, бурматеке,
Улакъларынг макъыра,
Эчкилеринг чакъыра. [5, 518].

Бап-бап-баппахан,
Жёлтый козёл, кудрявый козёл,
Козлята твои блеют,
Козы твои зовут (тебя).

Это средство художественной выразительности, составляющее важнейшую черту поэтики балкарского детского фольклора, органично вошло в творчество М. Ольмезова. В произведениях поэта, вобравших в себя главные фольклорные модели, отчетливо обнаруживаются многие элементы эстетического языка устной поэзии балкарцев, четко прослеживаются особенности их мироощущения. Но стихи М. Ольмезова, как справедливо замечает литературный критик Т. Биттирова, – не точная имитация старинного народного творчества [2, 82]. В них поэт, наряду с фольклорными, использует новые средства художественной выразительности, новые звуковые краски, создает новые ритмы.

Как известно, одной из важнейших функций детской литературы является развлекательность. В последнее время в отечественном литературоведении много говорят о гедонистической роли книги, поскольку через увлечение, удовольствие общения с художественным произведением продуктивнее решаются познавательные и воспитательные задачи. Наслаждение, испытываемое ребенком в процессе чтения книг, – лучшее средство передачи ему духовных ценностей. Известно высказывание В. Г. Белинского о том, что действие детских книг должно быть обращено на чувства детей, а не на их рассудок, поскольку чувства предшествуют знанию. Поэзия, по мнению В. Г. Белинского, действует на ребенка, как и музыка, – прямо через сердце, минуя рациональную часть его сознания. Преимущественное развитие чувства дает юному читателю ощущение полноты и гармонии жизни, кроме того, формирует представление о страдании, боли как о другой стороне любви [1]. Задача детской литературы – передать все это в художественных образах, полных жизни, движения, увлекательности. Немаловажную роль в решении этих проблем играет язык произведения. Детские стихи, по мнению многих классиков отечественной литературной критики, поэтов и писателей (В. Г. Белинский, К. И. Чуковский, С. Я. Маршак и др.), должны быть написаны языком легким, свободным, ясным и доступным пониманию ребенка. Этим требованиям соответствовали произведения выдающихся русских детских поэтов: К. И. Чуковского, С. Я. Маршака, А. Л. Барто, С. В. Михалкова.

В лучших традициях классической русской литературы для детей создает свои стихи и М. Ольмезов. Язык его произведений прост и в то

же время ярок, насыщен образами, проникнутыми одушевлением, цветом, звуком, добрым юмором. Его стихи «...восхищают новизной и чистотой образа; «скачущий по камушкам ручей», «барашки в белых шубках)... – светлый, добрый мир детства», – пишет о творчестве М. Ольмезова член Союза писателей Приднестровья А. Демин [3]. Среди разнообразных средств выразительности М. Ольмезов отдает предпочтение сравнениям как наиболее доступному для детей способу познания и изображения действительности:

Тау суучукъча	Как горная речушка,
Зынгырдайды сыбызгъым.	Поет моя свирель.
Аязчыкъча	Как ветерочек,
Шыбырдайды сыбызгъым. [4,87]	Шепчет моя свирель.

Юмор, душевная теплота, описание простых и наивных чувств, доступных детскому воображению и пониманию, позволяют поэту решать нравственные проблемы, избегая излишней дидактичности, которая, как известно, никогда не идет на пользу художественности. В лучших произведениях для детей мораль не высказывается в форме откровенного назидания, она открывается в процессе повествования. М. Ольмезов принадлежит к поэтам, обладающим памятью детства, уникальным, по-детски незамутненным взглядом на вещи. Знание эстетических представлений ребенка, детского видения мира и детской реакции на его проявления позволяет М. Ольмезову создавать легкие, прозрачные стихи, в которых таится прочная моральная основа. Так, герой произведения «Бош алай» («Просто так») маленький Тошалай совершает многочисленные проступки: «просто так», без спроса, берет деньги из кошелька, разоряет птичьи гнезда, бьет щенка и т.д. Обо всех этих приключениях в стихотворении рассказывается в нарочито веселом, мажорном ритме. Сюжет маленького произведения развивается стремительно, как в детективе, и неожиданно заканчивается картиной заслуженного наказания проказника. Камень, который он «просто так» кинул в кого-то из друзей, вдруг падает ему самому на голову. Маленький Тошалай горько плачет от боли и обиды. Так, не разрушая обаяния художественного произведения, в увлекательных, приятных детскому слуху, ритмичных стихах, соответствующих остроте сюжета и написанных простым, доступным для ребенка, эмоциональным языком, М. Ольмезов воспитывает в детях истинные ценности с устойчивыми понятиями добра и зла. Лексическая легкость и живописность образов позволяют юному читателю без труда понять ясные воспитательные идеи автора.

В творчестве М. Ольмезова особое место занимают небылицы-перевертыши, написанные автором с целью пошутить, позабавить детей, вовлечь их в мир веселой фантазии, приобщить через увлекательную игру к познавательной деятельности. Поэзия М. Ольмезова, о чем говорилось выше, чаще обращена к детям дошкольного и младшего школьного возраста. Как известно, чем младше читатель, тем ярче проявляется возрастная специфика детской литературы, без учета которой невозможно созда-

ние произведений, способных по-настоящему увлечь ребенка. Овладение знаниями, необходимыми для ориентации в окружающем мире, у детей (чем младше, тем в большей степени) зачастую происходит в игровой форме. Игра на определенном этапе жизни ребенка – способ освоения мира, накопление опыта, из которого для него складывается вселенная. Вовлекая ребенка в игры, где активно применяются перевертыши, авторы стремятся способствовать интеллектуальной деятельности ребенка, видя в них своеобразную «гимнастику мысли». Прекрасные произведения поэзии для детей, основанные на игре в перевертыши, создали замечательные русские поэты К. И. Чуковский («Путаница»), С. Я. Маршак («Вот какой рассеянный») и др. Безусловно, их художественный опыт оказал заметное влияние на творчество М. Ольмезова. Стихи поэта, вовлекающие детей в игры и способствующие их интеллектуальному развитию, основаны на знании о заложенном в ребенке стремлении создавать «перевернутый» мир. Так, в Стране Паука-Бурдюка из «Вечерней сказки» воду носят в решете, рыбу ловят молотом, от воды скрываются в реке, кашу едят кочергой и еще много необычного, смешного и нелепого делают в этом странном государстве. Описанные нелепости не воспринимаются детьми как нечто реальное, и именно это – фантазия о предметах с несвойственными им признаками – раскрепощает ребенка, развивает его воображение и чувство юмора, забавляет, как игра. В то же время, неправильная координация предметов, если ребенок уже имеет знания об истинном положении вещей, способствует развитию реалистического представления о мире, стимулирует его познавательную деятельность и помогает повышать самооценку. Сравнивая себя с героями перевертышей, ребенок утверждает в том, что его представления о мире и ориентация в этом мире не отклоняются от нормы. Ориентируясь на специфику детского языка с дразнилками, считалками, смешилками и т.д., перевертыши М. Ольмезова активизируют игровой потенциал балкарского языка, способствуют развитию игровых жанров, хранящих память о детстве, его секретах и способах познания мира.

Еще одним жанром, получившим свое развитие в творчестве М. Ольмезова, является загадка. Стремясь к метафоричности образов, поэт прибегает в ней к таким средствам выразительности, как олицетворение, эпитет, использование многозначности слов, сравнение и т.д.: «киплю я, как казан», «играю, как козленок» (о роднике), «в азбуке – два брата, один суров, другой нежен» (о буквах ь и ъ), «узорный полог звездный», «склон зеленый росный», «косичка ивы», «стоногий скакун» (о дожде). Такие стихи вырабатывают вкус к точному и образному слову, способствуют развитию художественного мышления, обогащают лексику детей. М. Ольмезов рисует наиболее выразительные признаки предметов и явлений в предельно сжатой форме. Создавая образ, он пользуется яркими, сочными красками, язык его лаконичен, точен, ритмическая организация стиха соответствует характеру изображаемой картины. Все это обогащает ум детей сведениями о природе и разнообразных аспектах человеческой жизни. Разгадывая загадки, постигая вторичные значения слов, в процессе активной познавательной деятельности юный читатель учится анализиро-

вать, сравнивать признаки предметов, развивает свою наблюдательность, быстроту умственной реакции, поэтизирует окружающий мир:

Черная туча – лошадка
По Млечной дороге скакала,
Серебряную подкову
С копыта она потеряла.
Сказала Ночь: я подкову найду,
Повяжу ее на звезду. (Месяц)

(Перевод Я.Акима) [6, 62].

Эту особенность таланта М. Ольмезова – умение давать детям познавательную информацию о жизни через веселую игру, облеченную в форму небылиц, загадок и скороговорок, – балкарский литературовед А. М. Теппеев отмечает как одну из определяющих черт творчества поэта [7, 48].

Игра в произведениях М. Ольмезова не только способ освоения мира: игровое начало используется поэтом и как сюжетный мотив, как художественный прием, оно выполняет юмористическую и сатирическую функции.

Характеризуя творчество М. Ольмезова в целом, нам хотелось бы подчеркнуть, что уникальность таланта поэта – в умении создавать картины окружающего мира, увиденного под углом зрения ребенка, в способности не замыкаться в рамках этого мировосприятия, а быть впереди своего читателя, выступать в роли мудрого, тонкого и эмоционального посредника между двумя способами познания мира: детским и взрослым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В. Г.* О детских книгах. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. М.: «Художественная литература», 1976.
2. *Биттирланы Тамара.* Усталыкъ бла фахмулукъну юлгюсю. Нальчик: Минги Тау, 2009. № 3. С. 80–86.
3. *Демин А.* Нашего полку прибыло // <http://www.pridnestrovie-daily.net/gazeta/articles/view.aspx?ArticleID=20546>
4. *Ёлмезланы Мурадин.* Бош, бош, бош алай. Нальчик: «Эльбрус», 2005.
5. Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия. Нальчик: «Эль-Фа», 1966.
6. *Ольмезов М.* Черепаха и дождик. Нальчик: «Эльбрус», 1993.
7. *Теппеев Алим.* Ёлмезланы Мурадинни юч сабаны. Нальчик: Минги Тау, 2009. № 3. С. 44–58.

Заур ТЕУВАЖУКОВ

Заур Николаевич Теуважуков родился в 1960 году. Учился в СШ № 2 города Нальчика, высшее образование получил в КБГУ, специальность – инженер-строитель. Живёт и работает в столице нашей республики. Список его предыдущих публикаций крайне короток, однако уровень текстов Теуважукова сомнений не вызывает – это профессионал с широким диапазоном выразительного инструментария, отточенной и специфической формой, изощренным образным мышлением и тонкой, прихотливой системой эмотивности. Это его первое появление на страницах «Литературной Кабардино-Балкарии».

ИСТИНЫ НАОБОРОТ

(подражание Ф. Вийону)

Жизнь не уходит никуда,
Не испаряется вода,
Огонь ласкает, но не жжёт,
Трясётся над полушкой мот,
Нас не обманут миражи,
В словах друзей – ни капли лжи,
У бочки винной нету дна,
Нам жизнь для праздности дана,
Простак счастливей хитреца,
Нет у любви земной конца,
Не насыщает нас еда,
Не властны над людьми года,
Не видно на свету ни зги,
Друзей милее нам враги,
Претит нам лесть, горька нам месть,
На этом свете правда есть...

МОНОЛОГ ОКРУЖНОСТИ

Я безупречна.
Я проста и совершенна.
На вид легка и безмятежна совершенно.
Ведь никогда не стать ни шире мне, ни уже –
Распятой изнутри и стиснутой снаружи.

АВГУСТ

... что видим мы здесь
под нашим окном
гудят сизари
воробьишки робеют
хохочут вороны-цыганки
а там там там собаки задумчивы
мухи звонки
корова устала устала устала
вот так и идёшь
жар жар жар
полуденный зной
с высоких небес
не пойму что со мной
вот парк наш
скучнейший лес
пруд жалким бродягой наплакан
духовые вдыхают в воздух холодную медь
ухают отсыревшие барабаны
осень осень осень

СНЕЖОК

как первая любовь как первая мечта
как первый тот снежок на гладь неспешно падал
зеркального стекла бумажного листа...
я помню каждый звук и запах звездопада
потом светилась ночь сиял ночной поток
мертвело тело оживали лица
и как немой призыв волшебный холодок
ноздрями чуял я тревожной кобылицы
я резал как пловец холодных этих вод
и тайну
и печаль
и дивные просторы
на плечи поднимал величественный свод
и различал небес улыбки и укоры
Без махов я парил меж снежных тел...
Но разве сам я этого хотел?

ОЖИДАНИЕ

Я память полюбил с недавних пор.
Мне по душе теперь неспешный перебор

Старинных карточек чарующего ряда.
Вот тёмный вяз. Вот тяжесть листопада.
Открытка с видом на ротонду с вод...
А где же мама? Третья слева – вот.

Я полюбил недавно тишину,
Тайком в любую вплетена струну
Которая... И белый мёд которой
Наскучит мне, наверное, нескоро:
Когда я нем, то мне не нужен слух.
Он пуст и тщетен – пусть я буду глух.

Мне по годам давно уж должно сметь,
Я скоро полюблю, должно быть, смерть,
Её зрачков нездешнюю прохладу.
Дождусь её! Мы оба будем рады.
Но за секунду до небытия
Заплачу горько, может быть, и я.
...Дитя моё, любимая моя...

Я КАК ДЕРЕВО

Как с дерева листва, с меня слетают дни.
С рождения во власть вступила осень.
Я – это ствол и ветви, а они –
Сквозь зелень проступающая просинь.

Я – корни те, что в скудной глубине
Неистово отыскивают соки,
А им, едва родившимся на мне,
Уже не терпится. И им известны сроки.

Им всё равно. Они мои лишь миг.
Их память удержать моя не в силе.
Они другой народ. У них чужой язык.
Они меня об этом не просили.

КОЛЬЦО

...На чёрном дне небес родится вновь зелёный,
В траве рассыплется, шагнёт над головой,
– В тот миг, когда вы с мозгом воспаленным
Останетесь один и станете собой.

С ветвей падет листва. Опустятся ресницы,
Чтоб векам не унять раскраски боевой.

И ночь придёт едва – вам старый сон приснится,
И вы помчитесь вспять своей шальной судьбой.

Туда – где вам еще лишь предстоит проснуться,
В тот нерождённый мир, где только вы живой,
Где на ветру трава не смеет шелохнуться,
И гладь воды мертва под бурей огневой.

НЕВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНИЕ МАНДЕЛЬШТАМУ

Петербург, Петроград, Питер, Санкт-Ленинград –
Ты, как имя, не сменишь свой жёлтый наряд.
Я узнаю тебя жёлтым глазом совы,
В темноте я почувствую запах Невы,
Я услышу в разливах светящейся мглы
Гулы труб закопченных и горечь золы,
Вспомню страшный оскал разведенных мостов,
Чёрный свет подворотен и охру «Крестов».
Я колодцев наощупь нащупаю слизь,
Чем ты ближе, тем явственней горькая близь,
Тем губительней адмиралтейства игла
Моё сердце пробила и рёбра прошла.

ЛЕНИНГРАД

Всё умирает, чтобы снова
Еще печальней умереть.
И нескончаемое слово
Уже с бумаги не стереть.

И берег времени отливы
Облизывают слизью уст.
И свет луны неторопливый,
Нездешний – невесом и пуст.

И сон, как пароход усталый,
Не доплывает до черты.
И обручами на каналы
Нанизываются мосты.

И ветер чей-то вздох относит
Над мертвой лентой, за гранит.
И возвращается и просит
Пристанища у тесных плит.

И ты – пришелец и прохожий,
Вступаешь в этот дом, как в век,
Но отражается в прихожей
Какой-то новый человек.

И знак судьбы отправлен вспять
Песчинкой, каплей, струйкой дыма,
Чтоб где-то в будущем опять
Присутствовать непоправимо.

...И лишь на миг вопросы эти:
Кто – боги мы, иль злые дети,
Премудрые иль дикари,
Навеки или до зари?

КЛАРА И КАРЛ

Карл эм у Клары цэ
Украл кораллы – не менясь в лице!
Являя природы упадок –
Ведь был он на ценности падок.

А Клара цэ у Карла эм
Украла кларнет только лишь с тем,
Чтоб вызвать у Карла припадок, –
Ум женщин воистину гадок!

Без музыки Карл и не брился, и сдал,
И взялся за прозу. И книгу издал.
А Клара, оставшись без бус, сгоряча,
Подпала под чары У. В. Ильича.

Евгений ЛИСТОПАДОВ

Евгений Иванович Листопадов широко известен в Кабардино-Балкарии как фотохудожник, работы которого неоднократно представлялись на всевозможных выставках в республике и за ее пределами, публиковались в периодической печати. Состоялись три персональных выставки. Свет увидели и три больших персональных фотоальбома, рассказывающие о красоте нашего края.

Евгений Иванович был руководителем народной киностудии на заводах «Телемеханика» и СКЭП, стал дипломантом многих всесоюзных и всероссийских конкурсов любительских фильмов в Москве, Туле, Калининграде и т.д. В республиканских СМИ не раз появлялись его зарисовки и заметки, отличавшиеся нестандартным стилем письма. Публиковался Е. Листопадов – член Союза журналистов СССР – и в центральной прессе.

В 2007 году в государственном книжном издательстве «Эльбрус» вышел в свет роман Е. И. Листопадова «Поезд идет во все стороны» – о жизни разных слоев нашего общества в годы правления И. Сталина, увиденной глазами многих людей и собранной воедино в творческом объективе автора. Он принимал участие в коллективном сборнике писателей Северного Кавказа «Возвращение домой», изданном в Москве Фондом социально-экономических программ С. Филатова. В 2015 году в издательстве «Эльбрус» вышла вторая часть дилогии «С памятью не расставаться», главы из которой мы предлагаем вниманию наших читателей.

В январе этого года Евгений Иванович отмечает свой 80-летний юбилей. Редакция присоединяется к поздравлениям друзей и родных писателя и, зная его неутомимый характер, желает ему новых путешествий, встреч, впечатлений и книг.

С ПАМЯТЮ НЕ РАССТАВАТЬСЯ

Глава из романа

* * *

...К коттеджу, где жила Алька со своей сестрой Анной, дядька Митрофан вдвоем с Витькой пристроили нечто вроде летней спальни, вкопав четыре столба, обшив их вкруговую горбылем и обтянув крышу толстой парусиной.

– Это от дождя и ветра. А от комаров вместо дверей повесим занавеску из двойной марли, – сказал Митрофан.

Нашли и отремонтировали деревянный топчан, столик и две табуретки. Матрац и простыню тетка Лизавета выдала. Дядька Митрофан

отдал старенький шотландский плед, а Алька любимую плюшевую подушку пожертвовала.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес Митрофан. – Теперь у тебя отдельная каюта!

У Альки начались летние каникулы. В ремесленном училище после первого года обучения преподавателей, воспитателей и воспитанников на два месяца отправляли в отпуск. Все разъехались кто куда по Дагестану. Детдомовцы остались. Тем податься было некуда.

Витька с Марком подрядились во второй школе в младших классах зашпаклевать царапины и порезы на партах и покрасить. Заработали по пятьсот рублей, деньги по тем временам немалые. Мать ему на них купила штаны, рубашку и легкие, на резиновой подошве, парусиновые летние туфли.

Осталось пятьдесят рублей, мать положила их в верхний ящик тумбочки и посоветовала:

– Не шикай, сынок. Это тебе на все лето.

Все эти дни до полуночи Витька пропадал на Коптильном. Они с Алькой, если расставались на день-два, оба от такой разлуки одинаково страдали.

– Втюрилась наша лапушка-ладушка! – говорила мужу Лизавета. – Как бы чего не получилось раньше времени.

– Я им обоим руки и ноги поотрываю! – сурово пообещал Митрофан, о чем дипломатично и намекнул Витьке. Тот, от стыда покраснев, заикаясь, начал бормотать:

– Даже в мыслях не было, дядя Митрофан!

– Ну-ну, верю, не закипай. Это я так, к слову. Потому как сам... в молодости... это... ого! – успокоил его бывший мореплаватель-сердцеед.

А жилище они Витьке соорудили после одной экстремальной ситуации. Влюбленные, как известно, времени не наблюдают. Да и нерачительно его порой используют. Витька с Алькой, если уж встретились утром, то до поздней ночи ни на минуту не расставались. Вдвоем на пляж, в кино, на танцы, в Махачкалу либо в Каспийск. Со старшей Алькиной сестрой Аннушкой устраивали разного рода увеселительно-познавательные мероприятия.

Алька с ним занималась по математике и геометрии, подтягивала и по другим предметам. Бывало, Витька опоздает на последний автобус, доставлявший рабочих завода из Махачкалы в третью смену, и добирается домой пешедралом. Хорошо в лунную ночь, босиком по берегу, где песок плотнее, размахивая штанами в одной руке, рубашкой в другой, туфли, шнурками связанные, болтаются на шее, – не бежать, а лететь, сверкая пятками, свистеть и громко орать какую-нибудь песню, самого себя подбадривая, вспугивая чаек-мартынов, устроившихся на ночлег на барханах. Отпугивая лисиц и шакалов, охотившихся в кустах тамариска на зайчишек и тушканчиков. Если море волновалось и накатывало на

берег большую волну, тогда они с Алькой постоят в обнимку у придорожного столба, и, не дождавшись попутки, он убежал. По дороге, бывало, и подбирал кто-нибудь в проезжавшую машину.

Тетка Лизавета ему не раз предлагала:

– Я понимаю, у девочек оставаться на ночлег тебе неловко, так у нас есть, где переночевать.

И дядька Митрофан согласно кивал головой.

– Дрых бы себе на диване, и все дела!

– Нет-нет. Я – домой. Мне надо, – возражал он.

В один из воскресных дней дальний штормовой ветер раскачал волну баллов на шесть. К вечеру море бушевало уже на все десять. И это в безветрии, рядом с берегом. Витька с Алькой катались на волне. Только озорные да отчаянные мальчишки и девчонки отваживались на такое. А выглядит это так: катит море на берег волну за волной – на Каспии они все разные по высоте и мощи. Подныриваешь под одну, вторую, третью... пропускаешь их над собой, и вот – седьмая или девятая, самая подходящая, чтобы ее оседлать. У нее пенная грива, лови ее и седлай. Ноги и все тело вытянуто струной. Гребь или тормози руками, чтобы удержаться на ее вершине. Если соскользнул вниз – не беда. Болезненно, когда с нее сваливаешься вниз. Она выплевывает смельчака на берег вместе с песком, набивая его в рот, уши и другие места.

Витька Альку на большую волну не пускал. Она резвилась на средней. Отдышавшись и повалявшись на песке, шли выполнять задание тетки Лизаветы. Почистили и выпотрошили тарань и бычков. Лизавета жарила их на большом противне из нержавеющей листовой стали. Дядька Митрофан принес из ледника щучью икру. Пробил ее через специальную металлическую сетку в деревянную бадейку с приготовленным заранее тузлуком. С минуту покрутил ее деревянной лопаточкой и слил на кусок марли, которую держали за два конца Виктор с Алькой. Скрутив в узелок, повесил тут же на кухне на столбик с гвоздиком, подставив под него бадейку.

– Рассол стечет – и готово! Янтарного цвета. Малосольное. Крупнее зернышка просыаного. Вкуснотища! – говорил дядька Митрофан, чмокая от удовольствия губами. – Осетровую икру, если объешься да водицей холодной запьешь, обдриставшись, не скоро опять захочешь. А частичковая рыбка и икорка, она легко усвояемая! Ешь – не хочу! И ничего тебе. Нормалек! – продолжая готовить закуску к воскресному столу, рассуждал дядька Митрофан.

Нарезал крупную, выдержанную в уксусном рассоле, со специями, отмоченную в молоке селедку. Овощные салаты тоже готовил сам. Острым ножом, изготовленным из широкой ножовки по металлу, мелкими кубиками резал огурцы и помидоры. Тонкими колечками лук. Чеснок дольками сначала разрезал вдоль, потом толоч в деревянной ступке. Мелко-мелко нарезал петрушку и укроп, ссыпал все это в эмалированную чашку, солил крупной серой солью и поливал пахучим, из поджаренных семечек подсолнечным маслом. И все время о чем-нибудь говорил, не умолкая.

– Чеснок, он, конечно! Может вызвать и некоторую антипатию. Это если кто с противоположной стороны употребит. А если обе стороны? Так и ничего. Даже бодрит и волнует, может положительно повлиять на взаимность. А вот наша Анюта, ну совсем чесночок не уважает! Ей подавай салаты пресные, без чеснока и лука.

– Потому что наша Анечка доктор! Да и мыслимое ли дело? Хворый приходит на прием к врачу, а от нее чесноком пованивает, – перебивает его философские рассуждения Лизавета.

– А я про что? И я про это! По-па-хи-ва-ет, Лизавета. По-па-хи-ва-ет! Ко мне когда народ в кабинет заходит, так от него запашок – пальчики оближешь!..

– Вот-вот, мужиков можно прямо под водку подавать, а баб – под пиво. Ты им на весь сезон по одному халату выдаешь да кусок хозяйственного мыла. Эту спецовку через мясорубку пропустишь – вот тебе и готовая начинка для пирогов. А запашок? Так его даже вон там, – она махнула в сторону гор, – грузины и армяне своими носами улавливают! Заводик вроде хиленький, а уж вонючий! Ох и вонючий!

– Ду-хо-ви-тый! – снова поправил ее Митрофан. – Это не я на хозяйственные расходы нормы определяю. Государство, оно знает – кому, когда, сколько, чего! Ты это, Лизавета! – грозно повысил голос Митрофан. – Насчет того – сколько, кому, за что – прикуси язык! А невтерпех – обсуждай все эти дела на кухне! Опять же, один на один с кастрюлями. Поняла? – многозначительно произнес он.

– Да поняла, поняла! Как не понять! – согласилась Лизавета, ворочая деревянной лопаточкой скворчащих бычков и переворачивая поджаренную с одного бока золотистую тарань.

Митрофан продолжал рассуждать:

– Пища, она должна иметь приятный, а проще говоря – аппетитный аромат! А вкус – либо сладкий, либо горький, либо соленый, либо кислый! И никакой другой. Конечно, в сбалансированной консистенции! – с трудом произнес он неожиданно пришедшее на ум слово. – А вкушать ее надо руками. И только при крайних неудобствах – суп, например, – деревянной ложкой. Не надо бы в ней, в пище-то, вилок ковыряться, как это делает, например, наша Алька!

– Да не слушайте вы его! Он вас научит пещерным манерам. Ведите себя за столом с подобающим приличием. Аля, обед на столе. Приборы где?

Алька метнулась в дом, а за ней и Витька. Принесли и расставили глубокие и мелкие тарелки, к ним – ложки, ножи и вилки. На кухне обычно верховодила Лизавета. Борщи, каши, запеканки, пирожки, рыбу – не часто, мясные блюда она сама и готовила и подавала. Даже своим племянницам в кастрюли заглядывать не позволяла, обучать – обучала, но это иногда, в воскресные дни, если они были свободны от работы либо занятий.

Лизавета первому подала борщ главе дома, но Митрофан к трапезе приступать не спешил. Пожевав корочку хлеба, просяще-ласково напомнил:

– Ты, Лизавета, чего-то там намекала? День сегодня воскресный?

– Да-да! Равноденствие сегодня. День и ночь – пополам. Ишь, как жарит! Как палит. Солнце прямо полыхает. А море, слышь, как шумит? А ветра нет! – и, подавая Витьке тарелку с борщом, сделала Альке глазами знак.

Та опять юркнула во флигель и торжественно вынесла литра на полтора эмалированный бидончик с плотно закупоренной крышкой через белую тряпицу. В другой руке – запотевший стеклянный графинчик с притертой пробкой.

– Вот это другое дело! Другой коленкор! Молодца ты у меня, Лизаветушка! – довольно рокотал Митрофан, левой рукой желая подгрести ее к себе. Но она увернулась. Тогда он Альку, сцапав двумя ладонями за талию, оторвал от земли и смачно расцеловал в обе щеки.

– Я здесь не при чем! Это мама Лиза! – отбрыкиваясь ногами и руками, смеялась и щебетала по-птичьи Алька.

– Я и ее как-нибудь на днях поймаю и тоже па-ца-лу-ю! – пообещал Митрофан.

– Да нет же, нет! Ты сегодня, сейчас должен ее поцеловать! – убеждала его Алька.

– Алена! – строго прикрикнула на нее Лизавета. – Утихомирьтесь оба!

Под борщ Митрофан выпил рюмку водки за здоровье присутствующих. Лизавета сделала из бокала пару глотков пива. Витьке и Альке ничего даже не предлагала.

Алька все время ерзала на стуле. Ее так и распирало сообщить какую-то важную новость. Лизавета останавливала ее строгим взглядом.

А тут и появилась Аннушка с букетом цветов, коробкой конфет, с кавалером и бутылкой шампанского.

– Извините, тетя Лиза! Не рассчитали – опоздали. Поздравляем вас с дядюшкой с юбилеем! – вручая букет, объявила Анна. – Знакомьтесь, мой коллега – Андрей Петрович, – представила блондина лет за тридцать, одного с ней роста.

– Ну вот! Опять двадцать пять! – сокрушаясь, сказал Митрофан.

– Не двадцать пять, а тридцать пять, дядюшка! – поправила его Алька. – Это ты опять забыл. Опять забыл! Забыл, забыл, забыл! – дразнила она дядьку. – А мы все помним. Мы с Витей тоже подарок купили. – Она преподнесла Лизавете деревянную шкатулку, инкрустированную мелкими цветными ракушками и заполненную конфетами-леденцами. Лизавета их любила. А Митрофану – красивый носовой платок.

Митрофан растерянно молчал. Да и что тут скажешь. Все знали эту черту его характера. Ему надо было заранее напоминать о предстоящих праздниках и важных датах в семье. Он и деньги на эти мероприятия выдавал, но тут же об этом и забывал.

За неделю до юбилея Анна приобрела по его заданию подарок для тети и отдала ему. Он до поры спрятал. Но куда? Алька с утра обшарила все во флигеле. Посылала Витьку даже на чердак. Искала в отсутствие дяди у него в кабинете. Нету!

Повиснув сзади у Митрофана на шее, Алька пыталась:

– Говори! Признавайся, старый разбойник! Пират! Где, на каком острове спрятал сокровище? Карту давай! Карту! – басом требовала Алька.

– Ленка, отцепись! (И Алена, Лялька, Линя, Лиля, как он ее только не называл.) Хоть убей, не помню!

– По-ве-сим! Сто чертей в сундуке и бутылка рому! О!.. – ее осенило. – В каюте! В сундуке, аль в рундуке! Ключи! – Она вынула из кармана его куртки связку ключей. – Всех свистать наверх! Витенька, за мной!

Они вскочили и побежали к морю. Остальные тоже потянулись за ними. Лизавета осталась, она заново накрывала на стол. Метрах в тридцати от береговой полосы, на деревянных катках, стоял небольшой рыболовный сейнер. Он отработал на весенней путине и теперь стоял на приколе до осеннего лова рыбы.

Митрофан с рабочими только что завершили косметический ремонт: просмолили корпус, привели в порядок такелаж, что-то очистив от ржавчины, покрасили. Витька с Алей тоже принимали посильное участие в ремонте, а еще они подрабатывали на коптильном заводе – на погрузке-разгрузке рыбы и других, не требующих квалификации работах.

– Не задаром будете хлеб есть! – говорил Митрофан, подписывая заявление о временном приеме на работу.

Дело в том, что, когда близился обед или ужин, Виктор под любым предлогом отказывался садиться за стол: «Я есть не хочу!» – уверял он Лизавету. Или даже заранее убегал в барханы, прятался в других укромных, но известных Алке местах.

Лизавета собирала им обоим узелок с сухим пайком, и Алька шла его искать.

– Я тоже хочу есть! И что это за вздор у тебя в голове? Отказываться от еды, когда очень, я знаю, хочется?

Однако понимала и в душе оправдывала его совестливую деликатность – «Кто не работает – тот не ест». Эта крылатая фраза, сказанная в те годы кем-то из крупных советских политических деятелей, была у советских людей на устах. В ремесленном училище такой транспарант находился на видном месте в столовой. «Чтоб ты подавился этой перловой кашей, бездельник!» – подобного рода надписи, адресованные директору училища, тоже появлялись на стенах столовой.

В конце концов, Лизавета решила разобраться с «женишком».

– Это что за фути-нути? Нате вам – не хочу! Это как получается? Тебе не нравится, как я стряпаю? У вас в училище кормят лучше? А может, мама тебя балует разносолами да деликатесами потчует?

Витьке стало стыдно. Он попал в неловкую ситуацию, понимая, что обижает хороших людей, а с другой стороны...

– Лизавета Владимировна, как вы можете такое говорить? Да не могу я! Готовите вы очень вкусно. Даже лучше, чем моя мама, но не желаю, не хочу в хлебниках и дармоедах быть, – лепетал Витька, смущенный и растерянный.

– Я тоже в этом доме дармоедка! И с сегодняшнего дня объявляю голодовку! – сказала на это Алька.

– Ну вот, два сапога пара! – Лизавета возмущенно всплеснула руками.

– Дурака! – поправил ее Митрофан, раскуривая трубку на ступенях флигеля. – А раз так, сегодня хлебайте щи за мой счет. Но не сапогом, а лаптем, – скаламбурил он. – А завтра я вас обоих на довольствие поставлю. Вы у меня и палубу будете драить, и другие авральные работы и поручения выполнять – беспрекословно! – подвел итог недоразумению и возникшей разногласиице Митрофан.

Так Витька стал как бы юнгой, личным порученцем Митрофана. Альке тоже на заводе нашлось дело. Она стала вроде учетчицы.

– Сколько хвостов, сколько селедочных голов сегодня насчитала? – подтрунивал над ней Витька. Он таскал ящики с готовой продукцией и грузил их на машину.

– А ты смотри, как бы у тебя пупочек не развязался. Детям до семнадцати лет груз свыше пуда поднимать не положено, – дразнила его Алька, показывая язык и стряхивая пальчиками пыль с ушей.

Но все эти дразнилки и легкие перепалки заканчивались долгим, скрытым от посторонних глаз поцелуем.

* * *

У Митрофана в сарае стоял немецкий трофейный мотоцикл с коляской, но без пулемета. У него была настолько низкая посадка двигателя, что ездить на нем по нашим дорогам было весьма затруднительно.

Этот мотоцикл Митрофан с Виктором решили переделать под условия кавказских дорог. Вначале думали было увеличить диаметр колес, но остановились на том, что лучше переделать раму, и двигатель, само собой, поднимется над землей. И на нем можно будет лихачить даже по бездорожью.

Виктор с Митрофаном уединялись в сарае и решали эту проблему. И в мастерских училища Витька по эскизам дядьки Митрофана изготавливал некоторые детали сам, а более сложные – старшие ученики и мастера производственного обучения, на что Митрофан выдавал ему деньги. Но Витька, с подачи Лизаветы, чаще это дело оплачивал продуктами, выдаваемыми ею же, – копченостями. На сэкономленные средства приобретал картошку, лук, помидоры, колбасу и мясо. Для чего вставал пораньше и бежал с авоськой на базар. Водитель автобуса ворчал: «Еще раз опоздаешь, ждать не буду».

* * *

Алька с Витькой легко взобрались на борт сейнера и скрылись в каюте капитана. Через минуту оба появились на палубе. Она размахивала сумкой и подарками для Лизаветы.

Банкет продолжался.

Лизавету Владимировну жители Коптильного уважали за ее душевную открытость, прямоту и отзывчивость. Капитанша, как звали ее между собой, делилась и куском хлеба, солью и спичками, одалживала трояк до полочки. Но могла тихо и внушительно пожурить кого-нибудь

из непутевых мужиков, приструнить, если была необходимость. И бабам доставалось за неумение наводить в семье порядок: «Ты чего это, Нинка, тарарам устроила на всю округу? Кто же о пустую и хмельную голову посуду бьет? Он же пьяный! Ничего не помнит и не соображает. Утром рассольчику огуречного подай ему, стопку водки на похмелье поднеси, да и опрокинь ведро холодной воды на голову, настойчиво постучи по доньшку. Если не услышит и не среагирует должным образом, меняй его на другого, от этого уже проку никакого не жди. Так и промучаешься с ним всю жизнь! А орать, рыдать да бесноваться? Они к этому привыкают. Это для них как приятная музыка!».

Низовой ветер рванул, выметая мусор с территории Коптильного. Митрофан загоя опустил полог с крыши летней веранды, куда переместилась компания. Между тем она увеличилась: явился мастер коптильных дел с женой, с подарками от всего трудового коллектива; бухгалтер – усатый дядька – со своей пышногрудой хохлушкой Олесей. Они поднесли Лизавете и дядьке Митрофану горшок с комнатным лимонным деревом. Аннушка вынесла из дома гитару с бантом. Ее коллега Андрей Петрович оказался забавным компанейским парнем. Он не просто брэнчал, а, настроив инструмент, мастерски исполнил известный цыганский романс, чем вызвал восторг и аплодисменты публики. Затем они с Митрофаном составили отличный дуэт. Митрофан гудел басом, а доктор пел приятным баритоном. Дуэт исполнил несколько модных в те годы застольных песен, их подхватывала и вся компания. Дошло до баск и легких анекдотов. Митрофан, морская душа, мог забыться, поэтому, пылливо взглянув на Альку с Витькой, скомандовал:

– А вы оба – брысь из-за стола!

Море бушевало вовсю. Волны, опрокидываясь, громыхали и шипели, перетирая песок и прибрежную гальку. Вволю набегавшись по берегу, Алька с Витькой поднялись на палубу сейнера, где с комфортом устроились на спасательных жилетах у стенки капитанской – она же и рулевая – каюты.

...Нацеловавшись, Алька робко и смущенно спросила:

– А это... когда?

Витька понял, но прикинулся непонятливым охламоном.

– Чего это?

– Мне Ленка Коробкова из нашего класса призналась, они с Колькой Недюжкиным – это... уже!

Виктор разозлился.

– Тебе что, невтерпеж? Тоже хочется? А мне дядька Митрофан сначала голову оторвет, а потом спасибо скажет?

– А он не узнает. Вот мама Лиза, та – да. Но это я просто так. Интересно, а?

– О-о-очень! Интересно! Я думаю, что ты еще немного потерпишь, потому что я тебя ну очень люблю. Вот когда мы с тобой поженимся, уж тогда да!.. – заверил Витька, не зная, как выкрулить из этой темы. Алька тоже поняла, что явно дала маху, но на всякий случай спросила:

– А когда мы поженимся?

– Да завтра и поженимся! Вот только одна незадача: платье тебе подвенечное, мне приличный костюм, кольца, опять же, золотые. Стол свадебный надо накрыть. Цветы, шампанское и всякое другое. А где мы на это денег возьмем? В твоей шкатулке? Маловато будет. А у меня и шкатулки нет. У матери в тумбочке пара червонцев моих еще лежат. И все равно нам двоим даже вкладчину это мероприятие не потянуть. И на родню рассчитывать не приходится, потому как они это мероприятие пока не одобряют.

– Да мы же с тобой работаем! Я сегодня же скажу дядюшке, что мы завтра с Витенькой решили пожениться, но за свой счет. А нет, так заработка нам должен повисить! И выдать за год вперед! А то выдает копейки на танцы и мороженое. – Алька дурачилась, потому что ей было неловко за этот разговор на еще как бы запретную тему.

* * *

Алька вернулась домой в сумерках. Ветер стих. Начал накрапывать мелкий дождик. Аннушка тоже вернулась, проводив коллегу до шоссе. Митрофан на ступеньках покурил трубку, Лизавета убирала со стола посуду.

Пьяных не было, а если и были, то разбрелись уже по домам.

Алька присела у стола.

– А Виктор где, – спросил Митрофан. Тот, если уходил по шоссе, не мог пройти мимо дома незамеченным.

– Так побежал, минут пятнадцать как... – она выжидательно притихла, испуганно уставившись на дядюшку.

– Низом? – еще громче спросил Митрофан. Алька молчала. – Вот дуралей! Я ведь говорил: добром это не кончится! – Митрофан резко поднялся, в сердцах выбил о ладонь пепел из трубки, которой очень дорожил. – Лизавета! И ты, Анюта! Поднимите мужиков! Пусть поверху, по барханам пройдут. Да веревки не забудут. Шевелитесь вы! – и зашагал к сараю, где стоял мотоцикл. Он уже с неделю был на ходу, испытания прошел, но без люльки. И хорошо, что без люльки. Митрофан с силой – ключи в доме – дернул створки ворот. Замок отлетел с гвоздями и щепками. Снял с вешалки парусиновый плащ с капюшоном. Со стеллажа взял бухту веревки метров на сорок. Качнул мотоцикл – в баке булькнуло, значит, бензина хватит. Двухсоткилограммовую махину одним махом выкатил из сарая. Ключ зажигания был на месте. Загорелась красная, а затем зеленая лампочка, поверх фары. Двигатель завелся сразу. Алька крутилась вокруг, то канючила, то повизгивала мокрым щенком.

– Дядь, а дядь... Я ему говорила, говорила! А он не послушался. Проскочу да проскочу! Возьмите меня! Ну, пожалуйста, возьмите меня с собой!.. – она уже рыдала, громко и требовательно.

– Нет! – Митрофан сел в седло. Только с его ростом и силой тяжелый двухцилиндровый мотоцикл без люльки мог быть управляем. – Иди переоденься. Намокла. Пойдешь со всеми поверху. И молись Богу, дуреха! – Он включил фару и, выбив веер песка из-под колес, выехал на дорогу и быстро скрылся из виду.

* * *

Витька легко пробежал плесы, где волна разливалась тонким слоем и уходила в песок. Дальше начинался более сложный и опасный участок. Но и его он преодолел без особого труда, если море волновалось баллов на пять. Но сегодня оно прямо озверело. Даже в темноте можно было различить за километр белые ключья пены на гребнях волн. Такой шторм бывает не часто, только осенью. Чего это летом ветер так волну раскатал? Половину опасного участка Витька не без труда, но все же одолел. Дальше – хуже. Волна накатывалась на берег высоким стремительным валом. Улучив момент, он пробежал метров десять и тормозил, зарываясь в песок ногами выше щиколоток. Ждал, когда волна, ударившись о козырек из плотной глины и крупных гольшей, возвращалась обратно, уже погасив ярость, и тогда снова делал короткий рывок. Иногда гольши срывались со стен и, уносимые потоком, больно ударяли по ногам. Метрах в тридцати от берега выступала гряда подводных камней, за ней – следующая, обросшая острыми ракушками. Если собьет волной и унесет туда?.. За козырьком – спасительные барханы мелкого и еще теплого песка. Высоко и скользко, не взобраться. Середина козырька выбита волной, и так более ста метров.

Дядька Митрофан проскочил по асфальту с километр, свернул с дороги и, проехав метров двести по плотному галечнику, остановился, обдумывая. Справа и слева – высокие барханы, по ним не взобраться. Песок сыпучий, завязнешь по самое что ни есть... Он на первой скорости повел мотоцикл по ложбине. Здесь песок был плотнее, покрыт плоским галечником и редкими кустами тамариска. Иногда мотоцикл все же зарывался задним колесом, но двигатель не глох. Тогда Митрофан приподнимал его за сиденье и продвигался дальше.

Рассчитал точно. Остановившись над обрывом и заглушив двигатель, стал водить фарой влево-вправо вдоль береговой линии... и – увидел Витьку. Тому до спасительного пляжного берега оставалось метров двадцать, но каких! Все это место было завалено нагромождением валунов, торчащей ржавой арматурой и обломками бетонных строительных плит. И даже узкая полоска берега, которая прежде была свободной, теперь оказалась заваленной толстым слоем мусора. А позади – каменная гряда клацает, чавкает черной пастью с острыми зубами.

Жуткое было зрелище! Высокая волна бросалась на берег и закипала желтой пеной. Фонтаны брызг взлетали на пятиметровую высоту. Волна, натолкнувшись на препятствие, завихрялась у козырька, затем кидалась назад – на встречную волну. Между ними вспыхивала жестокая и беспощадная схватка, похожая на единоборство двух свирепых морских чудищ. Обоих сбивала и заглатывала, как приманку, еще более мощная волна, а за ней накатывала следующая.

За несколько метров до этого хаоса из камней и строительного мусора из песка торчала такая капля бетона, с полтонны весом, с загнутой по центру железной трубой. За нее Витька и держался, как за спасительную соломинку. Назад ему дорога уже была отрезана. Сил не хватит, а впереди уже поджидает вечный покой, да еще с мучительными минутами бесполезного барахтанья в неравной борьбе.

Когда он увидел над барханами свет фары – обрадовался несказанно (он еще не знал, что такое свет в конце тоннеля).

– Витя! Сынок! Держись, я сейчас!.. – Огромная фигура Митрофана, подсвеченная светом фары, возникла над обрывом. Поливаемая косым мелким дождичком, она показалась ему ангелом во плоти. К самому обрыву Митрофан приблизиться не решился – тот мог отвалиться, и тогда их обоих надо будет спасать. Он завязал большую скользящую петлю на известный и Витьке морской узел. Его только нужно продеть под мышками и зафиксировать в размер.

Со второй попытки Витька поймал петлю и накинул ее на себя.

– Теперь слушай меня, Витя! Делай, как скажу! Уходи в море с отливом волны! Я тебя удержу! А ты ныряй под волну и уходи! Уходи по дну! Ты понял?..

Витька помахал рукой. Ответить криком он уже не мог. Концом веревки Митрофан обвязался сам. Бухту придерживал левой рукой таким образом, чтобы можно было быстро сбросить с руки кольцо.

Поймав момент, Витька с потоком воды бросился в море, вынырнул метрах в десяти от опасной гряды, и его быстро несло на острые камни. Митрофан подобрал слабину и удерживал его.

Витьку накрыло волной. Митрофан направил фару вправо и пошел вдоль берега, держа канат слегка натянутым, чтобы чувствовать пловца, как сазана на кукане. Витькина голова показалась над поверхностью воды. Его стало сносить на берег. Митрофан сбросил несколько колец и громко прокричал:

– Витя! Вперед! Вперед!

Витька понял, что вперед от каната, в море. Так, в несколько приемов, прижимаясь ко дну в моменты сильного прилива и отлива, глотнув воздуха, он пробегал по гофрированному песчаному дну в сторону спасительного пологого берега, где, в конце концов, Митрофан, подтянув, выловил его.

Он завернул пацана в плащ и донес до мотоцикла, усадил на сиденье. На Витьке сохранились обрывки рубашки и трусов, да еще ремень от брюк. Ноги кровоточили. Его бил озноб, он не выдержал и заплакал. Дождик исыяк, повеяло теплым ветерком.

– Ты – молодец! Какой же ты молодец, Витек! – успокаивал его Митрофан.

– Только вы, дядя Митрофан, маме не говорите, – чуть успокоившись, попросил Виктор. – И Але тоже, что я рассопливился. А как скрыть от мамы? Я и без штанов, и без рубашки остался, и туфли потерял.

– Да что ты, Витек! Мужики мы или как? Да никому ни гу-гу! А штаны, рубашку и штилеты мы тебе новые купим. Делов-то!

Митрофан действительно был рад, что это приключение так благополучно завершилось. Родному сыну, может быть, и дал бы по шеям слегка.

– А вон и Алька!

С бархана скатывалась группа спасателей. И впереди всех, на попе, по сыпучему песку бархана съезжала Алька.

После этого случая они с дядькой Митрофаном и соорудили для Витьки летнюю спальню.

* * *

Виктор отправился на берег, замечая вокруг следы разрухи и запустения. И – ни одной живой души вокруг. Некогда добротные мостки с настилом из толстых дубовых брусьев, закрепленных на железном каркасе, – а тот на массивных сваях из железных труб, глубоко вбитых в песчаное дно, – доживали свой срок. Все деревянные части мостков уже поглотило море; металлический каркас и трубы, искореженные штормами, угрожающе торчали из воды, из намытого прибоем песка.

Но море никак не изменилось. Тихое, ласковое и бодрящее по утрам. Все та же вода, приходящая и уходящая за горизонт.

Виктор подошел к самой кромке береговой полосы, и волна, вознившая тонкой прозрачной крутящейся лентой, осторожно лизнув носки его туфель, побежала вдоль берега, заигрывая с солнечными зайчиками.

Солнце поднялось над горизонтом, пока еще нежно прикасаясь к его открытому лицу и рукам, хотя сполохи раскаленной лавы малинового цвета уже облизывали солнечный диск. Надо было появиться у берега на несколько минут раньше, когда солнышко выныривает из воды. Какую-то минуту-две им можно любоваться, не опасаясь повредить глаза.

Виктор снял туфли и, засунув в них носки, закатав до колен брюки, босиком, шлепая голыми подошвами по воде, двинулся в сторону барханов. Некогда они возвышались над морем метров на десять, но теперь совсем усохли и как бы униженно пожухли, покрылись чахлыми и редкими рядами кустарника тополиной породы, выведенной в 50-е годы специально для пустыни. А вот и то самое место, где была ложбинка под песчаным козырьком. Здесь они с Алей прятались от посторонних глаз, а после купания в студеной воде согревались на прогретом весенним солнцем песке. Место еще узнаваемо. Песок, когда-то ярко белый, стал серым. Козырек исчез. Да он и раньше менял свое расположение, двигаясь в разных направлениях, куда ветер подует.

Виктор опустился на песок, прислонившись спиной к песчаному бугорку. Сцепив руки на затылке, устремил взгляд к безоблачному небу. Да! Ничего не изменилось. Все такое же оно – бездонное и недоступное даже мысленному взору. И в памяти оно остается неизменным, каким ты его увидел в последние мгновения перед разлукой. Почему люди так редко поднимают голову выше горизонта? Туда, где все начинается и все заканчивается.

ДАЛЕКИЕ БЕРЕГА РЕКИ ЖИЗНИ

Отрывок из повести

Весна, уже тепло, на улице маленький ребенок. У самого села, там, где заканчиваются дома, отчетливо виден раскинувшийся на возвышенности зеленый луг. Пятна белых овец похожи на облака, висящие в небе. Высокие горы, сине-черные горы, как нарты. Плетень, длинная канава, а в ней желтые цветы, словно их посадили вдоль забора, рассыпав семена.

Мальчик стоит рядом с серой собакой (она смотрит в глаза ребенку, затем на хлеб в его руке), разглядывает ласточек и вдруг внезапно срывается с места, широко раскинув руки, чтобы взлететь, как они. Отрывается от земли. Потом падает, хлеб отлетает далеко в сторону и оказывается в зубах собаки. Мальчик плачет, часто моргая, слезы оставляют мокрые дорожки на его щеках.

Снова наблюдает за ласточками, щебечущими, ломая голоса, напоминая раскаты грома.

Мальчик стоит разинув рот. Словно крылья, разводит руки.

– Хаби-и! – вырывается у него крик, когда понимает, что остался один.

– Где мой маленький? Беги сюда! – отзывается голос матери. Мальчик вперевалочку бежит, споткнувшись, падает.

Мать бросается к нему, поднимает, ласкает, закрыв глаза, целуя в щею. Мальчик смеется, дергаясь и сжимая тело от щекотки.

– Что же ты наделал?! Коленки такие грязные! – мать отряхивает его. – И животик испачкал...

– Я побежал... лас... ласточ... как они... – мальчик показывает пальцем на ласточек. Пальчик маленький, пухленький.

– Вай, да умрет у тебя мать, в небо захотел взлететь!

– Да, я... разбежался, далеко... – мать покатывается со смеху.

Ночей нет совсем, все время день. Всегда одни лишь дни. Случившееся днем уходит со снами, а сны – с днями.

– Это ты! – говорит мать, указывая на отражение мальчика в зеркале.

Мальчик пристально, не моргая, смотрит в зеркало, и тот мальчик стоит неподвижно. Он проводит языком по губе, слизнув соплю. Тот делает то же самое. Тогда он замирает. Тот тоже. Мальчик не понимает, кого он видит в зеркале, он также не понимает, кто он сам такой, и как тот мальчик в зеркале может быть им – тоже не понимает.

Потом ему это надоедает и он уходит.

Солнце плывет по небу. Мальчик пытается посмотреть на солнце. От солнечного света у него начинают болеть глаза; свет меркнет, появляются слезы. Потом мелькают сине-коричневые пятна, не давая открыть глаза.

Мальчик в недоумении. Снова смотрит на солнце. Пытается закрыть глаза.

Потом моргает, надувает щеки, кончик носа вытягивается вверх, лицо заостряется, обнажаются зубы.

Солнце чернеет, как уголь, появляется сине-желтая линия.

– Хаби-и, ва-Хаби-и! – бежит он тогда в дом. – Сойнщечойное, сойнце... почейнело...

В руках мальчика портфель, в нем тетрадь и книга. Мать купила сыну рубашку, а также черные брюки и ботинки. Она кладет ему в карман носовой платок.

Мальчик улыбается, осматривая себя: свои ботинки, рубашку.

– Не балуйся там. Слушайся учительницу, – мать оттряхивает его брюки, поправляет воротник рубашки.

– Вай-вай, неужели он идет в школу?! Ну и ну, вот это парень, теперь держитесь! – отец смеется.

Мальчик не понимает, почему он смеется.

Дети, много маленьких детей. Ему они кажутся очень маленькими.

Девочки выглядят еще меньше, они в белых гольфах, черных фартуках, платьях. Большие банты их напоминают бабочек.

Они смеются. Он тоже смеется, рассматривая свою новую форму.

– У тебя есть невеста? – мальчик стоит рядом с отцом, который время от времени толкает его. Сам отец сидит.

– Да, – отвечает он, глядя на отца, с улыбкой, словно сообщая радостную весть.

– И кто она, чья? Красивая?

– Да... Межидова...

– Вот это молодец! – смеется отец.

Мальчик не понимает, почему смеется отец.

Мальчику всего восемь лет.

Горы Хилдехароя¹. Они в горах со своим домашним скотом. И овец у них много. С ними и бабушка. Он зовет ее Хати, чужие же – Хантоти. Хати всегда напевает какую-нибудь новую песню, которую он прежде не слышал:

*Сказав, мы ваши гости, к нам придя,
Породнившись и побратавшись с нами,
Свое злое коварство глубоко затаив,
Сделав нас хозяевами, в наших кунацких
Легли вы спать в наших постелях,
Назвавшись нашими гостями.
Насытившись нашей едой,
Утолив жажду нашими родниками,
Свое злое коварство обнажив,
С насижженных мест вы нас согнали...*

Он не понимает, почему плачет бабушка. Он еще маленький, ему только восемь лет.

¹ Хилдехарой – этнический центр горной Чечни.

– Отгони теленка! – кричат ему. Он долго бежит за теленком, размахивая палкой.

Потом видит овец, возвращающихся к вечеру к своей стоянке. Видит отца и собак. Он идет навстречу отцу, поднимаясь вверх по склону, держась за траву.

– А-а, пришел пасти овец?! Садись, садись, – отец похлопывает его по спине. Он садится рядом с отцом.

Отец срывает травинки, перетирает их между пальцев.

– Тебе нравится трава? – спрашивает он у него.

Мальчик смотрит на траву. Травы много, от нее все склоны гор зеленые.

Он пытается перерезать ножиком стебелек, сорвав сначала листья. Это трава с крупными широкими листьями, толстым стебельком.

Если сорвать три-четыре растения и сесть на них, держась за толстые стебельки, можно скатиться, как на санках.

– Какой у тебя красивый ножик, дай посмотреть, – говорит отец.

Долго разглядывает, перекладывая с руки на руку.

И мальчик смотрит. У него нож с деревянной ручкой, складкой. Нож подарил старший брат, когда привез его в горы.

– Поменяемся? – отец улыбается, протягивая ему свой нож. Его нож с железной ручкой, ржавой.

Он качает головой.

– Смотри, здесь трактора, видишь? – отец протягивает нож, на рукояти которого есть изображение трактора.

Отец, смеясь, долго смотрит ему в глаза.

Мальчик снова начинает срезать ножом травинки.

Отец все смотрит на него.

Отец долго беззвучно смеется, лицо его словно застывает в улыбке, потом смотрит уже в другую сторону.

Мальчик бросается вниз.

– Ты куда? – спрашивает отец, когда он срывается с места.

– Домой... К Хати...

Дада вновь смотрит. Снова смеется.

– Не упади! Иди медленно, не беги.

У твоего отца двое братьев. Одного вы зовете Командиром. Это худощавый молодой человек с темно-зелеными глазами, он работает водителем.

Выстроив в шеренгу, он заставляет вас (своих племянников) маршировать, командуя: «Р-раз-два, р-раз-два!», называя себя командиром, а вас – своими солдатами.

Вы смеетесь.

Он запрещает смеяться, говорит, что солдаты не смеются, они боятся своего командира.

Он играет с вами в прятки, играет и в мяч, скатанный вами весной из коровьего волоса.

Он делает для вас маленький турник, катает на машине.

По вечерам вы бежите ему навстречу: «Командир едет, Командир!». Тогда он останавливает машину, испугавшись, что вы попадете под колеса.

В кабине, за сиденьем, лежит кукуруза, в желтых метелках, проглядывающих из зеленых листьев, обволакивающих початки.

Второй дядя (Сайд-Хасан) – Джамбул-Ваши. Еще в Казахстане его забрали в Джамбул, на угледобывающую шахту. Это прозвище – Джамбул-Ваши – так и осталось за ним.

Вы не осмеливаетесь в его присутствии играть, не решаетесь при нем даже заговорить. Его боятся и ваши матери, боятся даже ваши собаки и кошка.

– Сайд-Хасан идет! – говорит, улыбаясь, ваш отец, застав вас за игрой. – Прячьтесь скорее!

Вы прячете палки, мяч и забегаете в дом.

– Играли? – с недоброй улыбкой спрашивает Джамбул-Ваши, глядя поочередно каждому в глаза.

– Нет, – отвечаете вы хором.

– Как нет?! Я же слышал, как вы кричали...

– Мы не играли, – вы, судорожно сглатывая, смотрите в пол.

– Ух, сорванцы вы, сорванцы! – смеется Джамбул-Ваши. – Все-таки вы боитесь меня!

Вы не решаетесь улыбнуться.

– Идите, погуляйте... Не шумите только...

Вы остаетесь на месте, не зная, шутит он или нет.

– Идите, делайте, что Сайд-Хасан говорит, – смеется отец и хлопает в ладоши.

Вы медленно, как бы нехотя, выходите по одному. Но продолжать игру все же не решаетесь.

Показывается Командир, держа в руках шапку-ушанку, напевая:

Ты Подгорный, я Подгорный,

Широкая улица-а.

К тебе не приходит

Ни петух, ни курица-а...

Он хмелен.

Во дворе утка с утятами. Командир, размахнувшись, сбивает шапкой утенка, который начинает пищать. На шум выбегает ваша мать.

– Утята твои, Хава? – Командир в очередной раз целится шапкой.

– Ий-й, мои, Кант¹, мои, не бей! – смеется мать.

– Посмотри вон на того утенка! – Командир бросает шапку.

Утенок падает.

За ним стоит Джамбул-Ваши, уперев руки в бока.

Он улыбается, покачивая головой.

– Вот это молодец! Клянусь Ади, увидел бы тебя сейчас твой тесть!

– А что, – говорит Командир, – плохой зять, что ли?

¹ По обычаю, сноха не называет родственников мужа по имени; Кант – букв.: парень.

– Хороши, хороши, – отвечает по-русски Джамбул-Ваши. – Иди, заходи в дом, – и добавляет несколько слов на казахском языке: ты слышишь, как он упоминает твоего отца, Мози.

– Ка-ак?.. Он дома? – спрашивает Командир. – Скорее, Хава, иди вперед! – он быстро направляется к дому.

Он умрет довольно молодым, в пятьдесят четыре года. Это был очень мягкий, жалостливый, набожный человек, после каждого намаза он со слезами на глазах возносил мольбу к Аллаху. Ты второй раз увидишь своего отца плачущим: первый раз – когда умерла его мать, второй раз – на похоронах брата.

Отец потом часто будет рассказывать вам о своем брате, о матери, об убитом энкаведешниками отце: «Адам больше любил Сайд-Али, он и походил на него немного. Мне он всегда казался ребенком, даже когда он подросток. В Казахстане, когда мы отправлялись красть зерно, я никогда не брал его, чтобы в случае чего хоть кто-то из нас остался с Хантоги и девушкой (девушка – это его сестра). Он ни разу не сказал мне слова поперек. Я чувствовал себя при нем непринужденнее, чем при вас, членах своей семьи. Да он и сам говорил не раз: «Клянись Ади, Мози, ты говоришь мне порой то, что не скажешь своему родному сыну!» Наверное, дело было в привычке, ведь мы с детства были вместе: отца убили, мать посадили, и мы росли рядом, деля тяготы и беды.

Я помню глаза Командира, темно-зеленые зрачки его, с мелкими, серыми, как просяные зерна, крапинками.

Глаза его всегда были задумчивыми, казалось, что они живут отдельной жизнью.

«Оставь эти книги, – сказал он мне как-то, – читай религиозную литературу, пропадешь, не принесешь пользы ни себе, ни людям». Я читал Лермонтова, «Измаил-Бей», и рассказал ему про него. Внимательно выслушав меня, дядя произнес: «Он ничем не поможет тебе в загробном мире», – и ушел, не добавив ни слова. И после он не говорил ничего: рассмотрев книги, уходил, качая головой: «Не выйдет из тебя алима¹, не выйдет!»

Да, мы росли так, оберегаемые отцом, имея рядом дядей, не зная горя, не испытывая голода или холода.

Нас было много, десять-одиннадцать детей, рожденных двумя женщинами от одного отца, мы не разбирали, кто чья мать.

Отец никогда – насколько помню – не бил нас, но и не ласкал, только иногда с улыбкой смотрел в глаза.

Сегодня мне кажется, что в детстве, когда я был совсем маленьким, он клал мне руку на голову, задавал какие-то вопросы, какие обычно задают детям.

Правда, как-то весной, когда я учился в десятом классе, я получил от него оплеуху, да такую, что на глаза навернулись слезы.

У нас были гости, они прибыли верхом. Кажется, они были из Чишки, и с ними был Кюра, сын Овтхаджи.

¹ Алима – ученый-богослов.

Вечерело, спускались сумерки. Жена Джамбула-Ваши попросила меня наколоть дров.

Нарубив много сырых дров, я лежал на лужайке на спине, поставив на грудь транзистор «ВЭФ», и слушал радиостанцию «Монте-Карло».

Временами до меня доносился какой-то шум, выделялся голос Джамбула-Ваши. Через какое-то время показалось, что в мою сторону кто-то идет. Была ночь, я посмотрел в ту сторону: ко мне пулей летел отец.

Я присел.

Раздался звон, словно треснула правая щека, из глаз моих брызнули слезы.

– Не наколол сухих дров, хоть Сайд-Хасан попросил... Сайд-Хасан... гости... – я увидел спину, спину отца.

Я понял, что на меня пожаловался Джамбул-Ваши: когда прибыли гости, отца не было дома.

Наши три дома стояли рядом, вдоль улицы, средний принадлежал Джамбулу-Ваши.

Вдоль дороги был начат дощатый забор, к кольям в три ряда прибили сухие обтесанные топором жерди.

С трети забора, приходящейся на участок Джамбула-Ваши, я обухом топора сбил жерди и, изрубив их, заготовил целую арбу дров.

Наутро, когда я вышел, чтобы идти в школу, я увидел Джамбула-Ваши, который стоял, уперев руки в бока, и смотрел на то, что осталось от его забора.

– Доброе утро, Ваши! – поздоровался я как ни в чем не бывало.

Он посмотрел на меня долгим взглядом:

– Клянусь Ади, следовало порвать тебе пасть... Ты же сделал это мне назло...

– Ведь сухих дров больше не было...

– Пошел вон, кол неотесанный! – прервал он меня, скрипя зубами.

Я ушел.

Потом, когда я, вернувшись из школы, обедал, из-под навеса показался Джамбул-Ваши, он шел в мою сторону, пытаюсь улыбнуться. Я поднялся ему навстречу, улыбаясь.

– Я был очень зол на тебя... Я же не знал, что Мози учинил над тобой такое. Клянусь Ади, я сильно отругал его. Будь неладны и эти дрова, и огонь, как можно ударить парня... Но придумал ты здорово! Сядь, да умру у тебя я, если не сядешь, давай вместе выпьем чаю, – бросился он ко мне, чтобы усадить с собой.

Кажется, в тот день я впервые сел при нем.

Помню, и отец через три дня сказал мне с улыбкой:

– Ты очень обидел меня, вынудив ударить себя, сын.

Недовольный своим поступком, он три дня обходил меня стороной.

Джамбул-Ваши позднее, с возрастом, стал более приветливым, часто шутил с нами, как с равными.

А по отношению к своим детям он не был таким строгим, как к нам. Застав его как-то сидящим за столом со своим младшим сыном, я,

с улыбкой наклонив голову, стал подтрунивать над ним, зная, что он все понимает:

– Кажется, вы друзья, Ваши?!

– Вах-ха-ха! – хлопя в ладони, засмеялся он. – Бесстыжий ты человек! Проходи, садись, раз уж застал нас.

– Дети не вырастут мужчинами, Ваши, если держать их все время возле себя, нужно бы их ругать почаще. Не станут ли они у тебя слабаками, если не бить время от времени?

– Хватит, перестань... Язык у тебя слишком острый... Эх, и боялись же вы меня, клянусь Ади, боялись...

– Ой, как же не бояться, если ты всегда был свиреп, точно медведь... Помнишь, когда я, подождав, пока ты уснешь, отправился ночью кататься на коньках, и ты, узнав про это, бил меня коньком по голове?

– Хватит, хватит, перестань, это все в прошлом, оставь...

Главной его чертой мне казалась стойкость, стойкость, необходимая при любых жизненных ситуациях.

Он так и ушел, нераспознанным людьми: это был действительно достойный мужчина, который не мог терпеть насилие, над кем бы оно ни творилось, который приходил на помощь любому нуждающемуся.

Его убила война, или ее произвол, который он более всего ненавидел: он умер в момент, когда бросился на солдат (явившихся проводить «защитку»), от разрыва сердца.

Также умрет и наша тетя, всего через несколько лет после гибели единственного сына.

Их много умрет в вашей семье: твоя мать, бабушка, Командир, Джамбул-Ваши, твой брат, тетя, ее единственный сын, последней умрет жена твоего дяди.

Отец твой останется один, непохожим на себя прежнего, не таким, каким ты привык его видеть – уверенным в себе, словно не было силы, способной поколебать его.

Позднее, с возрастом, ты поймешь, кто он, какими принципами живет: ты узнаешь, что он ничего не ценил в этом мире, кроме чести, кроме имени, унаследованного от отца.

Ты узнаешь (или увидишь в том времени, когда твой отец и его братья жили вместе), в каком согласии они, трое братьев, жили, словно жили единой душой, единым сердцем. Ты поймешь, что они действительно жили в большом согласии, когда услышишь, что везде, куда бы ты ни прибыл, люди будут приводить их в пример.

Ты не раз будешь вспоминать, с каким уважением, почтением они друг к другу относились. И то, что твои дяди, которым уже было по пятьдесят, шестьдесят лет (имевшие свои хозяйства, семьи), ни разу не возвращались к себе, предварительно не зайдя к твоему отцу, не проведя с ним время и не пожелав ему доброй ночи, будешь вспоминать ты.

К кому бы из них ни явился гость, все трое собирались вместе, не деля гостей на своих и чужих.

«Иди, – помню, не раз говорил отец, – у Сайд-Хасана, кажется, гость. Посмотри, что есть в этом доме, соседнем (у отца было две жены), пере-

дай им». Позже, когда гость располагался отдыхать, заходил и сам. «Когда приходит гость, хозяин должен носиться как угорелый, – говорил он. – Если в хозяйстве нет живности, кроме дойной коровы, нужно резать и ее».

Тебе не раз вспомнится, как твой отец сурово отчитывал своих братьев, в чем-то провинившихся, а они молча выслушивали его, не произнося в ответ ни слова, как бы он ни кричал на них.

Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, играя желваками, было видно, как у них перекатываются вверх-вниз кадыки.

– Прочь с глаз моих! – кричал отец. – Вы не мужчины, не мужчины!

– Клянусь Ади... – начинал Сайд-Али, которого мы звали Командир, – клянусь своим отцом.

– Замолчи! – обрывал его Сайд-Хасан. – Только тебя сейчас не хватало! – при выходе он, словно в отместку, награждал нас, детей, подзатыльниками или же наступал нам на ноги.

Отец тогда беззвучно смеялся, покачивая головой.

Мы не осмеливались плакать, как бы больно ни было, глаза наши бегали, чтобы не смотреть на отца. Джамбул-Ваши был очень жизнерадостным человеком, по нему (имеющему жену и детей) вздыхала не одна девушка и вдова.

Он был уверенным в себе человеком, готовым оспорить первенство с кем бы то ни было.

Похоже, что отец очень любил Джамбула-Ваши, это можно было прочесть в его взгляде, который он, пряча улыбку, бросал на него. «Сайд-Хасан скорее умрет, – говорил он, – умрет, не моргнув глазом, но не уронит чести!»

Наш отец считал нас – детей и своих братьев – одной семьей, в которой он являлся главой, причем братьев он любил больше.

Все, что ни делал, он делал ради них, чтобы люди их уважали.

Он так и жил, посвятив и нас, и наших матерей, и себя братьям, их слово было обязанностью для всех, их пожелание – законом.

– В мире нет ничего важнее согласия, – говорил он нам. – Двух братьев, между которыми царило согласие, не смогло победить целое село... Живите дружно. Не пытайтесь стать кьонахами¹ все, а то им не станет никто из вас: выберите из себя более достойного и сделайте кьонахом его, помогая ему, тогда к вам будут относиться с уважением, зная, что один из вас старший, а остальные являются ему надежной опорой. Живите в одинаковом достатке, не возвышаясь один над другим, а то жены вобьют между вами клин; старайтесь, чтобы достаток у вас был равным, тогда и согласия между семьями добьетесь, и уважения людей. Живите рядом, и относиться к вам будут с почтением.

Если отец носит старье, а сын щеголяет в обновках, это очень не смотрится, так же и братья. Не выделяйтесь никто одеждой, кто-нибудь да упрекнет вас – вы же братья.

Пища, достаточная, чтобы насытить одного, накормит двоих.

¹ *Кьонах* – настоящий мужчина, молодец, человек, наделенный всеми высшими добродетелями.

В жены берите девушек из разных родов, и родственников у вас будет много. И женитесь только на красивых – потомство будет красивым.

Богатство женщин – в детях, братьев – в их количестве, даже если от кого-нибудь из них мало толку: ведь и самый слабый подпадает под кровную месть.

Мы были очень малы, когда отец говорил нам все это – по десять-двенадцать лет, и не могли всего понять.

И потом всю жизнь – и теперь, когда уже совсем повзрослели, – он не перестает поучать нас:

– Нет ничего, о чем бы мы не переговорили, – говорит он, временами бросая на нас недовольные взгляды. – Для кьонаха позор, – поглядывает он на одного из нас, из-за которого и завел разговор, – дать кому бы то ни было повод усомниться в своих словах. Это настоящий позор, который не смывается с человека ни при жизни, ни после его смерти... Богатство ни к чему, если ты сколотил его, забыв, что ты кьонах – богатством обзаводится и еврей... Как кьонах может жить на этом свете, который ему предстоит покинуть, выставив себя на посмешище, зная, что Бог видит его насквозь? Он должен прожить эту жизнь так, чтобы предстать завтра перед Богом чистым, суметь ответить за разум, данный Им. Обращать внимания на мелочи не стоит, на болтовню недостойных людей (у недостойных людей много ссор), на всякие сплетни – главное, чтобы люди знали тебя, а тем, кто не знает, посоветовать обратиться к знающим тебя хорошо. Нужно быть справедливым по отношению к другим: справедливый всегда смел. А смелость превыше всего.

Как-то Байсангуру, сыну Хунарика из Мелхисты¹, человек из другого рода нанес обиду. Байсангур послал к нему своего бывшего врага, конфликт с которым он уладил ранее, со словами: «Попроси его не трогать меня, скажи, что в споре я горяч, как головешка».

Посредник передал его слова, добавив: «Я однажды уже обжегся на этом Байсангуре, оставь его в покое. Он больно ужалил тебя». – «Знаю я эту вашу спесь, спесь мелхи, – не повел и бровью тот. – Разве все мы состоим не из мяса и костей?!»

Потом уже, когда Байсангур в отместку за нанесенную обиду убил его родственника, а у него самого увел жену, он, говорят, сокрушенно вздыхал: «Да умрут у тебя отец и брат, Байсангур, сын Хунарика, ты не головешкой оказался, а гремучим змеем».

Того, кто не понимает по-хорошему, надо поставить на место, как это сделал Байсангур, сын Хунарика, не оставляя на своем имени пятна. Срок мести не ограничен до смены семи поколений.

Надо сказать – один раз, два раза, десять: «Оставь меня в покое, не трогай, я не тот, за кого ты меня принимаешь».

Но если это не возымеет действия, надо так осадить, чтобы тот до самой смерти это помнил. Человек должен избегать конфликта, бежать от него без оглядки, но если загонят в угол, обернуться и нанести ядовитый укус.

¹ Мелхиста – этнический центр горной Чечни.

Къонах должен все время быть начеку, оберегать свое имя, честь, так, чтобы недругу твой дом казался неприступной крепостью, волчьим логовом, и так же, как волк знает, что он волк, никогда не забывать, что он къонах, которого все таким и знают...

Если вы запретите себе то, что многим дозволено (дозволено сотням, тысячам), вы пойдете путем, которым шли достойные мужчины и, возможно, уже не свернете с него.

Не пытайтесь запугать людей – тот, кого боятся другие, сам роется перед людьми.

Народ хранит в своей памяти имена достойных мужей, подобно тому, как государство хранит архив – вам известны имена Мустарга, сына Бахадура, Дуды, сына Исмаила, Харачойского Зелимхана и многих других. Со многими из таких был знаком и я: Шовхал, сын Чуоча-хаджи из Терлоя, Мохмад, сын Мусоста, который умер, не выдав под пытками своих товарищей.

Таковыми были живший в Чишках Кюра, сын Овтахаджи, Сямба из Гуш-Корта, уроженцы нашего Хилдехароя, Ича, сын Ахматхана, Мус, сын Баки, Довта, сын Дады, Зубайр, сын Ески, Хаза, сын Зоки, Мус, сын Каби и многие другие. Среди мелхи тоже было немало достойных мужчин: Дара, Муха, сын Кушалка, Бисолт, сын Видаша, Торга – всех не перечислишь... Умирая – а смерть къонаха всегда бывает преждевременной, – он должен оставить о себе добрую память, имя, достойное настоящего мужчины, – он много рассказывал нам, стоящим перед ним, временами, когда заканчивался в чашке чай, взглядом подзывая младшего из нас: – Женитесь, чтобы жить с женами и опекать, а не чтобы разводиться, – продолжал отец, – и выбирайте девушек из хороших семей. Будете играть с женами, часто женясь и разводясь, дадите людям пищу для пересудов. Если жена верна тебе и твоему дому – этого достаточно, большего от нее все равно не добиться, разве только в очень редких случаях.

У Шаами была жена-бедолага: на огород ли пойдет, за водой ли к роднику – стоило ей присесть, тут же засыпала, была никудышной хозяйкой. Когда мать и сестры упрекнули его, Шаами ответил: «Эта женщина оказалась для меня благодатной, она подарила мне пятерых сыновей». Он же сказал эти слова не потому, что не хотел иметь хорошую жену. Сказал, чтобы выразить благодарность милостью, ниспосланной Всевышним, чтобы не поставить родственников жены в неловкое положение. Къонах не должен позорить других ради удовлетворения своих потребностей. Женщины – несчастные создания, у них нет большего ума, и мужчина не должен соперничать с ней. Жену нужно оберегать от людских толков, лаская иногда взглядом, как дитя. Перед Всевышним у нее нет другого ответчика, кроме тебя.

Как-то, задолго до нашего выселения, некий катар-юртовец умыкнул дочь одного мелхи из Бамута. Отец девушки был почитаемым в народе человеком. Молодой человек, катар-юртовец, опасавшийся последствий своего поступка, обратился к своему односельчанину, Коро, очень уважаемому и известному тем, что часто в качестве посредника замирал враждующие стороны: «Коро, окажи мне содействие, мне нужна помощь».

Коро запряг коня, посадил впереди на подводу одного юношу и, взяв с собой украденную девушку, поехал к ее отцу, в Бамут.

«Приходи свободным, Коро! (традиционное чеченское приветствие). Как хорошо, что ты привез эту девушку – будет кому накрыть нам на стол, – радушно встретил тот гость, зарезал для него барана, и они провели ночь за разговорами, причем ни гость не рассказал, зачем он приехал, ни Коро не спросил о цели его визита. Утром, после того, как они позавтракали, Коро обратился к своему спутнику: «Парень, запряги-ка коня, – а хозяину сказал: – Поедем мы», – и тронулся к своей подводе, так и не рассказав, зачем приехал, и не обмолвившись ни словом о его дочери. Тогда мелхи кликнул, говорят, свою дочь: «Во-о, Сарха, выйди-ка живо, отправляйся обратно с этим Коро, а то он ославит меня перед людьми». И хозяин мелхи, и гость Коро – оба они были настоящими мужчинами. Къонах проявляет яхь¹ только по отношению к подобным себе. Чтобы познать къонаха, надо самому им быть...

Жениться надо на девушке из достойной семьи, не обязательно богатой: во-первых, потомство будет хорошее, во-вторых, в случае необходимости будет к кому обратиться за помощью.

Да, он много нам рассказывал, рассказывал все, что слышал, знал, видел сам. Он говорил нам о къонахах, об их поступках, деяниях.

Он рассказывал о Дуде, сыне Исмаила, который, отправившись, когда настала его очередь, пасти сельское стадо, встретил плачущую женщину, возвращающуюся от своих, впервые посетив их после замужества. Родные не дали ей, как это положено по нашим адатам, корову, что позорило ее в глазах новых родственников. Дуда объявил ей, что все стадо принадлежит ему, предложил выбрать лучшую корову из этого стада и, не долго думая, подарил ей свою единственную корову.

Рассказывал о славном Мустарге, сыне Бахадара, которого на какой-то вечеринке поддела Айбика, дочь Дады, и в день, когда Дады-Юрт штурмовали царские войска, бросил Айбике: «Ты сегодня оцени, кто более отважен!» и ринулся в самую гущу боя. Отец рассказывал о Сурхо, сыне Ади из Чеберлея, который, не вынеся страданий народа, изгнал кабардинского князя Мусоста. Рассказывал о Дуеве Уме, Лече, сыне Алхи, Мусе, сыне Боки, Джокале, сыне Дерказа, Иче, сыне Ахматхана, Идрисе, сыне Бай, Кериме, сыне Бахо, Кеке, сыне Кека, Хазе, сыне Зоки, Мухе, сыне Кушака, – их было много, про кого он рассказывал, вместе с Бисаном, сыном Мосага, Довтом, сыном Дады, еще Куштаном, сыном Несапа, потом о своем отце, Адаме, сыне Дерказа.

Сердце в груди бешено колотилось, когда мы слушали об этих къонахах, сердце крепчало, как гранит, становилось крепче стали, было готово разорваться на части при мысли о мелочности нынешнего времени.

К имени своего отца он относился очень трепетно, называя его, как и в детстве, Ади. Лицо его в это время источало жалость, лицо розовело, губы расходились в легкой улыбке, глаза слабо улыбались. Взгляд устремлялся вдаль, в прошлое, в годы, которые он провел с отцом, в край, где они тогда жили – Хилдехарой.

¹ Яхь – гордость, благородство, соперничество в добрых делах.

– Ади, очень крутой с людьми, с нами был мягок, – еле слышно прозносил он, словно обращаясь к своим воспоминаниям, а не к нам. – В тот день, день, когда его убили, он, оказывается, в последний раз приласкал меня: «Сходи-ка, ради Ади, в Чамху, больше я не пошлю тебя туда». Больше и не посылал – убили его, убили до моего возвращения. Эта его ласка, выразившаяся в словах «ради Ади», все, что у меня от него осталось, – отец, забывшись, уходит в свои мысли, он сидит с застывшим взглядом, лишь иногда вздрогнет губа или шевельнется рука, да время от времени на его лице мелькнет улыбка.

Нам, шести-семи сыновьям, которые стояли перед ним, было очень тяжело наблюдать за ним в такие минуты.

– Советская власть, ух, эта Советская власть! – вскрикивал он через какое-то время, грозя в пол пальцем. – Будь прокляты семь ее предков, подлее власти на земле не было и нет! Да умрет у нее отец, она же перемолола всех нас, убив отца, превратив наш дом в пепелище, посадив мать, забрав всю живность в колхоз!.. В горах не нашлось ни одного человека, кто осмелился бы выпустить нас, четверых детей, самым старшим из которых был я: мне не исполнилось и пятнадцати лет, Сайд-Хасану было восемь лет, Сайд-Али и Хадишт были совсем маленькими, лет четырех-пяти... В горах никто не осмелился взять к себе сразу двоих из нас, разобрали по одному: в Бечиг, Дишни-Мохк, Хехе. Ади, которого они убили, был председателем колхоза, поставленный ими самими же, прислав из города каких-то начальников с бумагой... Вероломно убили, как они привыкли делать все, когда Ади, которого уже несколько раз вызывали, не явился. Ади же ничего плохого не сделал ни этой власти, ни людям, он пытался лишь жить, не терпел несправедливости: во всем виноваты языки, длинные языки никчемных людей... Подобные люди не любят тех, кто пытается жить достойно, следуя пути своих отцов, они пытаются облить их грязью, чтобы уподобить себе. Не возносите человека только из-за того, что он одного с вами рода – это не означает, что он кьонах, дружбе с ним предпочтите дружбу с чужим: он не будет питать к вам тайную зависть, как свой. Среди моих лучших друзей были Кюра, сын Овтахаджи из Чишки, Халид, сын Яхи из нашего села. Дени, сын Сулеймана из Хилдехароя, живущий вон на верхней окраине, всегда выказывал мне искреннее уважение, словно я его отец, был обходителем.

Те, кто не любил моего отца, не любят и меня, кто не любит меня, не будет любить и вас. На меня доносили дети тех, кто доносил на моего отца, и многие из них были из нашего рода. И в Казахстане они писали анонимки на меня, что отец мой был бандитом, писали даже колхозному бригадиру. И когда мы вернулись домой, они не отстали, доносили, что я не работаю на государство, имею двух жен, содержу в горах отару.

Я был совсем молодым, когда, в Казахстане, поехал в район поступать на курсы комбайнера и начальник НКВД вызвал меня к себе, предварительного пригласив председателя нашего колхоза. Он сказал мне, так и так, мы знаем, что твоего отца убили сотрудники НКВД, он был против Советской власти, тебе нельзя следовать по его стопам, тебя ждет другая жизнь, кругом враги, нам надо поддерживать хорошие отношения, со-

общай о тех, кто недоволен властью, занимается хищениями, молится, соблюдает пост, мы тебя вознаградим. «Харшо, – согласился я, – харшо!..» Каждый месяц меня вызывали, и каждый раз там присутствовал председатель колхоза. «Ну как? – спрашивали они. – Как дела, что люди говорят, молится кто?» – «Все харшо, все парядке, работает люди, малится виреми нету», – отвечал я. Полгода меня вызывали. Как-то прихожу я, как обычно, и они спрашивают, как дела, что говорят люди, воруют ли зерно, молятся ли. «Все харшо, – ответил я, – парядке все». – «Ты нас обманываешь, – сказал он, – у тебя все «харшо», а люди воруют зерно, по ночам делают зикры¹, остальные доносят, а ты ничего не говоришь».

Клянусь Ади, после этого и начальники, и председатель относились ко мне намного лучше, хотя знали, что мы ворует зерно, овец. Человек должен уметь следить за этим языком, – он прикладывал руку ко рту, – будь он неладен!

Как-то в нашем колхозе украли племенного быка, которого привезли из-за границы, поднялась шумиха, и в его поисках стали заглядывать во все дворы.

Ко мне пришел председатель, он сказал, что бык не покинул пределы села, о краже уже известно в районе, и если бы удалось до рассвета вернуть его на ферму, дело можно было бы уладить.

«Мне што, – сказал я, – украл, не украл? Найди свой бичок, я не украл». – «Я знаю, что ты не украл, Мози, помоги, всем будет плохо. Его посадят, надолго посадят», – сказал он. Рядом с нами жил человек, который не против был стянуть все, что попадетя под руку. Я пошел к нему и, не сказав, что ко мне заходил председатель, попросил взять себя в долю, притворившись, что мне все известно. «Клянусь Пророком, хороший бычок, черт бы его побрал! – похвалил он быка. – В лесу находится, я его хорошо припрятал». Всю дорогу я склонял его к тому, что быка необходимо вернуть, иначе нас всех сведут со света. В конце концов, он согласился со мной, мы измазали быка грязью, чтобы создать видимость, что он где-то плутал, привели на ферму, перерезали веревку на его шее – как будто она оборвалась, и, загнав его в загон, вернулись домой.

На второй день, вечером, ко мне снова пришел председатель. «Спасибо, Мози, – поблагодарил он меня. – Бычок нашелся, с оборванной веревкой. Начальник из района поверил. Два мешка пшеницы – ему один и мне...» – «Какой мой дел эта бычок? Нашолся – харшо, не нашолся – харшо, пишеница ниту, ты захади, кушай, лудей папаршу я пишеница», – завел я его, а сам на его тачанке поехал в лес – пшеницу мы прятали в лесу, в ямах – и привез два мешка пшеницы, присыпав их сверху сеном. Когда, поблагодарив меня, председатель собрался уезжать, он сказал мне: «Мози, я знал, кто бычка украл – люди сказали, но я не хотел причинять вред твоему родственнику... Ты пшеницу воруеть – не воруй с чужими, со своими братьями воруй, у людей язык длинный». Тяжелое было время, за кражу килограмма пшеницы давали пять лет. «Я ничего не знай, – повторил я. – Бычок ни знай, пишеница я парсил». – «И не знай, Мози, так лучше», – обернулся он, посмотрел внимательно и, помахав рукой, уехал,

¹ *Зикр* – религиозный обряд, коллективное восхваление Бога.

не добавив ни слова. Он был не из русских, не из казахов, а из какого-то другого народа, участником войны и хромал на одну ногу. Никогда не доверяйте представителю власти, каким бы близким человеком он вам ни был, в трудную минуту он продаст вас. Всякая власть, какой бы хорошей она ни была, вероломна: хорошей власти не бывает, эта же тем более. Не старайтесь быть близкими к власти: хорошие люди не стремятся к власти – представители власти продадут любого, если не ради выгоды, то для того, чтобы угодить этой власти. Живите честным трудом, чтобы в одну злополучную ночь власть не постучалась в вашу дверь. Человек, единожды побывавший в руках у власти, не остается прежним. Какая тебе разница, кто чинит над тобой насилие, ведь и власть состоит из людей, которых берет и пуля, и кинжал?!

Къонах не должен ни бояться власти, ни стараться запугать ее, ей ничего нельзя доверить – ни хорошее, ни плохое. Он должен жить своей жизнью, добывая себе хлеб насущный трудом.

Век человеческий не долог, можно сказать, он ничтожен, когда настанет пора умирать, достаточно и незначительной причины: и ребенок умирает, и молодой человек, а бывает, человек доживает до ста лет. Надо бояться Бога: тот, кто боится Бога, не боится людей, тот, кто боится людей, боится и их, и Бога.

Перевод с чеченского Сулимана Мусаева

Гульфия БАЗИЕВА

Базиева Гульфия Джамаловна – старший научный сотрудник Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований, кандидат философских наук. Автор четырех монографий по развитию национальной художественной культуры в КБР. Художественная проза публиковалась в газетах «Советская молодежь», «Горянка», литературно-художественном журнале «Нева».

ПОЧТИ СКАЗКА

Над городом плакали тучи. В маленьком домике на окраине города долго не мог заснуть шестилетний мальчик.

– Зачем я родился? – спрашивал он у самого себя и не мог ответить.

Подойдя к окну, он увидел огромные темные тучи.

– Не плачьте, вы ведь большие, – сказал мальчик.

– Ты тоже будешь большой и поймешь, что это ничего не значит, – ответила капля, упавшая на карниз.

Ребенок закрыл глаза, но увидел не темноту, а мерцающий свет. Странное видение – маленький, еще меньше него, мальчик в длинном плаще протягивал ему руку.

– Кто ты? – спросил мальчик.

– Я – Маленький принц. Моя планета очень далеко. Но я прилетел к тебе, чтобы ты не плакал.

Малыш ничего не сказал, но в его глазах мелькнула новая слезинка.

– Никогда не плачь и не бойся, – серьезно сказал принц. – Я живу на планете совершенно один. Но у меня есть цветок, который я люблю, и лис, с которым я дружу. Если тебе скучно, приручи лиса или хотя бы собаку. Их ведь очень много на вашей планете.

– Да, я приручу лиса, – с грустью промолвил малыш, – а дальше что?

– Увидишь сам. Я улетаю, прощай!

И Маленький принц исчез.

– Лис, а лис, давай, я тебя приручу, – стал бормотать мальчик.

– Ты звал меня? – совсем рядом раздался голосок. – Я – Алиса из Страны чудес. Я летела, летела и прилетела к тебе. Почему ты такой грустный?

– Ты – не лис. Ты – девочка. А я звал лиса.

– Девочки тоже бывают интересные, поверь мне, малыш. Я могу с тобой разговаривать. А мне есть, что сказать. Тебе не будет скучно.

– Да? – недоверчиво спросил мальчик. – Мне почти всегда скучно. До чертиков.

– Не вспоминай чертей, – серьезно сказала Алиса. – Я была в такой чудесной стране. Там никому и никогда не бывает скучно. Там никто не плачет. И даже у кроликов глаза не на мокром месте.

– А на каком?

– На сухом, малыш. Не то, что у тебя. Почему ты плакал? Надеюсь, ты не крал пирожков?

– Каких пирожков?

– Чудесных пирожков. Если ты их украл, то тебя будут судить. Но не горюй. Я знаю, это не ты их украл. Лучше давай поиграем в крокет.

– Я не умею, – признался мальчик.

– А что ты умеешь?

– Пока ничего, но я вырасту и научусь.

– Знаешь, – печально сказала Алиса, – я никогда не вырасту. – Но потом, улыбнувшись, добавила: – Но зато умею многое. Учись. И я прилечу к тебе вновь.

Алиса улетела. Ребенок остался один. В отличие от других детей, он больше боялся света, чем темноты, больше людей, чем одиночества. Поэтому не стал включать свет. Взял маленький стульчик, поставил его напротив двери, сел и стал ждать. Он знал: все появляется в дверях и исчезает тоже.

Вскоре тишину комнаты нарушил скрип, и он увидел два зеленых глаза, горящих в темноте.

– Не бойся меня, мальчик. Это я – мудрый кот Мурр.

– Я с тобой не знаком.

– Меня знают, но – избранные. А ты – не из их числа. Ты – никто.

– Я – никто? – обиделся малыш.

– Да, ты – никто. До тех пор, пока ты не станешь умным, как я, ты – никто. Хочешь, я открою перед тобой все двери?

Мальчик представил, как все двери в его доме и в домах соседей со скрипом открываются, ветер рвет их петли, снег валит в дома. А двери не закрываются.

– Нет, не хочу.

– Послушай, дитя. Ты все понимаешь буквально, а это первый признак глупости. Мой хороший друг – Эрнст Теодор Амадей Гофман – был очень умен, к тому же горазд на выдумки. Все самое интересное выдумал он, не без моей помощи, конечно. Например, над «Щелкунчиком» мы с ним работали вместе. Я надеюсь, ты знаком с этой сказкой?

– Да, видел и мультфильм, и балет. На Новый год всегда показывают по телевизору, – обрадовался малыш.

– Очень хорошо, – промурлыкал кот. – Так вот, без наших с Гофманом фантазий не было бы ни мультфильма, ни балета... Да, с кем поведешься, от того и наберешься. Послушай мудрого Мурра, не дружи с Маленьким принцем и Алисой. Этот принц так и не стал королем: ни маленьким, ни большим, ни средним. Такой печальной судьбы никому не пожелаешь. А Алиса – девчонка, что с нее возьмешь. Другое дело – я, чистокровный немецкий кот, не испорченный ни английским, ни французским мяуканьем. А мои стихи, это же просто чудо! Гете отдыхает:

О, друг мой, каждое жаркое
Напоминает о тебе.
И рыбий хвост грызя с тоскою,
Я тихо плачу в тишине.

– Неплохо, не правда ли? Если честно, эти стихи мы написали вместе с Эрнстом, сам понимаешь, поэзия – дело тонкое. Ну и напоследок, малыш. Хочешь быть мудрым, изучай немецкую классическую философию.

Кот вильнул хвостом и скрылся. Но маленький мальчик недолго оставался один. Он услышал странный звук и ощутил прикосновение чьей-то твердой руки.

– Кто вы? – испуганно спросил малыш.

– Кто, кто? Конь в пальто, – сердито ответил кто-то. – Ты что, малыш, меня не узнаешь? Я – Карлсон.

– А ты умеешь играть в крокет?

– Конечно. Я все умею, и в крокет играть, и пирожки воровать.

– Ты подслушивал?

– Конечно, – без капли стеснения признался Карлсон, – в жизни нужно уметь все. Даже летать. Например, так, как я.

И он подлетел к потолку.

– Осторожно, ты разобьешь люстру. А она очень дорогая.

– В мире нет ничего дороже дружбы, малыш, – сказал Карлсон и предложил: – Давай дружить.

– Давай. А как это?

– Все очень просто. Начнем с того, что ты мне принесешь сначала одну банку варенья, а потом – вторую и третью...

– Но ведь ты съешь все варенье.

– Ну и что? – удивился Карлсон.

Внезапно часы пробили полночь.

– Ну, ладно, – заскучал Карлсон. – Я полечу к себе. Но помни, малыш, в жизни все рано или поздно заканчивается. И варенье, и дружба, и даже любовь...

– Зачем я тогда родился? – вновь задумался малыш.

– Чтобы мечтать, – ответил Маленький принц.

– Чтобы играть, – сказала Алиса.

– Чтобы думать, – промяукал кот.

– Чтобы летать, малыш! – крикнул Карлсон.

– Чтобы плакать, – ответила ему капля, упавшая на карниз. Мальчик посмотрел в окно и подумал: «Нет, не для того, чтобы плакать». И улыбнулся сквозь слезы.

В СТАЕ

В обыкновенный туманный день единственным украшением серого неба была стая ворон, летящая справа налево. Одна из них рассеянно рассматривала свисающие с балконов белые флаги накрахмаленных простынь, антенны и снующие туда и сюда фигуры прохожих.

– Так хочется плюнуть на все это, – внезапно сказала она.
– Никогда не смотрите вниз, – строго сказала самая старая ворона.
– А вверху ничего нет, – прокаркала ворона с подбитым крылом.
– Вверху бог, – сказала старая ворона и задумалась, а потом добавила, – вверху бог, а внизу зима.

Но внизу зимой и не пахло. Скорее, поздней осенью или ранней весной. Некоторые отчаянные прохожие, правда, демонстративно кутались в шубы, усиленно вызывая у самих себя определенное настроение. Но, судя по выражению лиц, оно не приходило.

– Вы ничего не помните и ничего не знаете. Какое сегодня число? – строго спросила ворона с подбитым крылом.

– Я триста лет горжусь своей феноменальной памятью, – гордо солгала старая ворона.

– Ну, и что вы помните?

– Я помню, как меня кормил пшеном Жан-Жак Руссо, помню новогодний бал у Трубецких и Эрмитаж в снегу. Помню себя, молодую, веселую, ждущую каждый год радостей и счастья...

– Ну и что, дождались? – задала риторический вопрос самая молодая ворона. – Я устала от вашей лжи. Лучше скажите, где мы находимся?

– Это – не Лондон.

– И даже не Париж и не Санкт-Петербург, уверяю вас, – ехидно заметила ворона с подбитым крылом.

Ей было двести лет, сто пятьдесят из которых она прожила в Париже, и очень гордилась тем, что видела полотна импрессионистов, а однажды даже чуть не села на шляпу Клода Моне, но он успел ее предусмотрительно снять.

– Сколько можно лететь? Давайте приземлимся, – сказала самая молодая и капризная ворона. Не нужно ждать радостей от жизни триста лет, нужно их брать. Тем более, что я уверена, это даже не Индия. Здесь слишком холодно.

– Я не вижу Тадж-Махала – архитектурного памятника любви, – тихо произнес самый ученый ворон.

Он долгое время учился в Гарварде, потом перелетел в Сорбонну, дальше – больше: Пражский университет, Харьковский институт легкой промышленности, КБГУ, МГУ... Чему только он не научился в разнообразных ГУ и чего только не знал. Но его почему-то никто не слушал или не хотел слушать. Вот и сейчас диалога не получилось. Ворона с подбитым крылом важно произнесла:

– Жизнь – не столько присутствие, сколько отсутствие любви. К тому же, любовь – это очень скучно. Любовь – это когда ты любишь, а тебя не любят, или ты не любишь, а тебя любят. И еще неизвестно, что ужаснее. Помню, на задворках Булонского леса случилась со мной любовь. Боже мой, сколько перьев было попорчено, сколько поэм не дописано...

– Ничто так не разлагает личность, как безнадежное рифмоплетство, особенно, про любовь. Видите, здесь тоже есть архитектурный ансамбль. Чеканный мужской профиль, рука уверенно держит огонь. Быть может, это тоже символ любви, – сказал ворон-оптимист.

– Огонь. Нарты. Сосуруко. Нет, это не символ любви, а символ жизни. По древнему преданию нарт Сосуруко добыл для людей огонь, благодаря чему они выжили в суровый ледниковый период, – произнес самый ученый ворон.

– Какая разница – символ любви или символ жизни? Ведь это одно и то же, – каркнула молодая капризная ворона.

– Нет, милочка, это не одно и то же. Без любви человек жить может. А без жизни нет, – философски заметила ворона с подбитым крылом.

– Мне все это уже надоело. Если это – нарт Сосуруко, а я – это я, значит, мы долетели до Северного Кавказа. По-моему, дальше лететь не стоит. Дальше препятствия, которые, я боюсь, мы не преодолеем, – прокаркал ворон-пессимист.

– Нет таких препятствий, которых не могли бы преодолеть мы, сплоченная стая! – гордо выкрикнул ворон-оптимист.

– Боюсь, что Кавказский хребет нам не под силу. Тем более, что я вспомнила, какое сегодня число, впрочем, не все ли равно? – важно произнесла самая старая ворона.

У нее уже давным-давно затекли крылья, поэтому она быстро добавила:

– Приземляемся, чернокрылые!

– А я белая-белая-белая, – пропищала маленькая ворона и упала в снежный сугроб.

– Все мы белые и пушистые, пока маленькие, – подумал ворон-пессимист. – Не буду приземляться. Одиночкам не место в стае. Прощайте, друзья!

Он полетел в другую сторону и вскоре превратился в маленькую, почти невидимую черную точку.

– А был ли ворон, может быть, его и не было? – подумал самый ученый ворон, но взмахнул на прощание старым крылом.

ВИД ИЗ ОКНА

«Напиши что-нибудь, напиши», – шептал внутренний голос. О чем писать, когда все написано? Что рисовать, когда нарисовано не только реальное, но и ирреальное... Черный квадрат и сон, навеянный полетом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения.

Подруга, живущая в Женеве, изредка присылает фотографии: я на Мальте, я в Рио-де-Жанейро, я в Париже. Но однажды она прислала фотографию швейцарского окна, полукруглого, нездешнего, и нарядной заграничной елки в ее женевской квартире. В Нальчике она бывает редко, только и успевает полюбоваться на вид из окна: утопающий в разноцветном ковре профиль нартского героя, подарившего огонь людям. Красивый пейзаж. С национальным колоритом.

Во французских или английских пейзажах дорога всегда ведет к дому или саду, в русских дорога уходит за горизонт. На Кавказе все дороги ведут в горы... На фоне великолепного пейзажа должны жить великодушные люди.

Изредка встречаются и тематические картины. Только бытового жанра почему-то нет. Соседка нечаянно выкинула новую упаковку дорогого лекарства вместо старой. Пришлось впотьмах идти искать свой заветный пакет с мусором, а увидев мужчину, деловито копающегося в мусорных баках, она сконфузилась.

– Не смущайтесь, бабуля, – приветливо произнес он, – что ищем?

– Да, я лекарство выбросила. И аптеки уже закрылись.

– Не это? – покопавшись в своей тележке, мужчина протянул женщине лекарство.

– Оно, – радостно сказала соседка.

– Ну, бери, бабуля, и больше ничего не теряй.

– А чем я вас отблагодарю?

– А у меня все есть. Здоровье, интересная работа. Только вида из окна нет. А у кого он есть? – на прощание незнакомец помахал рукой.

Когда прилично одетый тип в троллейбусе вытащил из сумки девушки кошелек, она не растерялась и поймала вора за руку, с поличным. Но воришка оказался находчивым. Тут же, «не отходя от кассы», стал шутить, гримасничать, изображая влюбленного, желающего немедленно познакомиться поближе. Продержавшись на сомнительных комплиментах до ближайшей остановки, предприимчивый мужчина выпрыгнул из троллейбуса, на прощание помахав ручкой.

Потом, наверное, пришел домой. Открыл тяжелой связкой ключей высокие ворота, оглядел хозяйским взглядом трехэтажный особняк. Прошел внутрь, вывалил из портфеля кошелек и стал вспоминать: «Это – подарок от задумчивой старушки, этот – от рассеянного подростка, эти два – от влюбленной парочки... Да-а-а, а смазливая девчонка оказалась прыткой. Снова не выполнил план. Завтра опять пойду по карманам шарить. Тяжелая неблагодарная работа. Может, все-таки найти что-нибудь поспокойнее. Руки и нервишки уже не те».

Потом он устало поднимется на второй этаж в роскошную гостиную с широкими и высокими окнами, затянутыми дорогими гардинами и, чтобы успокоиться, станет кормить аквариумных рыбок. Затем выглянет в окно и увидит за высоким забором старушку-нищенку. «Нашла где стоять, работать нужно, а не милостыню просить. Бог подаст», – недовольно пробубнит он и плотно зашторит окно.

Интерактивная картина, ее можно изменить к лучшему. Например, поменять местами старушку и воришку. Или добавить персонажей, например, цыган в экзотичных нарядах, чтобы полотно стало более колоритным.

Визуальная культура – это ведь не только вид из окна, это весь мир, о котором можно все узнать. И о себе, и о других, и о том, что было, и о том, что есть, и о том, что будет. Пожалуй, цыгане больше не нужны. Да, и они, наверное, зависают в интернете, гадают в виртуальном пространстве. Виртуальность заменила реальность. Верните незнание. Без него скучно. И незнакомок тоже верните, окутанных тайной и волшебной магией. Когда все друг с другом знакомы, тоже скучно.

– Ты знаешь Бэлу?

– Знаю. Она сестра Азамата.

– А Татьяну?

– Знаю. Она, говорят, в прошлом году вышла замуж за генерала и укатила в Москву. Но, я думаю, на рынке стоит, спортивными костюмами торгует.

– И Офелию знаешь?

– С ума сошла, бедная. Мечтала о принце голубых кровей, а влюбилась в маргинала и дебила. Быть или не быть? Ты глупее этого вопроса что-нибудь слышал?

– А как твоя Джульетта?

– Да вон она, в школу побежала. В голове только женихи... Я ей вчера говорю: «Учи физику. ЕГЭ завалишь». А она села за планшет, а что в этом планшете, ты знаешь?

Информированность заменила интеллект. Хорошая память ценится выше, чем хорошая душа. А зачем думать, если нужно только правильно указывать цифры в тестах, и зачем искать, если можно сразу найти.

Дети перестали играть в прятки. Компьютерные игры гораздо занимательнее. Воспитательница вывела детишек на прогулку. Они взялись за ручки и ходят уныло вокруг дерева.

– А что мы так долго будем ходить? – не выдерживает самый шустрый.

– Дети, мы ведь гуляем. Ну, давайте, песни петь. Вместе весело шагать по просторам...

Дети петь не хотят. И вместе шагать тоже не хотят. Разбредаются по песочницам, домикам, тропинкам. Мальчик с девочкой не поделили качели. Сквозь детский невнятный лепет отчетливо слышны слова девочки:

– Я ведь тебя не спрашиваю, как ты появился на свет.

Мальчик задумчиво замолкает. И другие дети тоже. Интересно, о чем он спросил девочку. Такой ответ должен соответствовать вопросу. Неужели «есть ли жизнь на Марсе?».

Между забором детского сада и моим домом небольшое неухоженное пространство, которое обжито котами. Белые и черные, в полосочку и без. Они смотрят голодными глазами вверх, в надежде, что с балкона им скинут что-нибудь вкусенькое. Получив шкурку от куриной лапки или кусок слипшихся макарон, они радостно урчат, а потом бегают по свежему воздуху без забот и хлопот. Радуются, что есть люди, которые о них заботятся, и что есть двор, в котором они знают каждую травинку. А что может быть страшнее ощущения бездомности?

В повести Трумена Капоте «Голоса травы» мальчик-сирота уходит жить со своей одинокой тетей... на дерево. «Дом на дереве был словно плот, казалось он плыл по затянутым пеленою дымящимся водам. Но в самом доме было сухо: мягко шлепавший дождик не проникал сквозь зонт листвы» – о чем думал автор, писавший эти строчки? О бездомности, одиночестве, неприютности... Или о том, что даже в самых невыносимых условиях нужно сохранять достоинство? Его другое произведение – «Завтрак у Тиффани» – более знаменито, конечно. У главной

героини основная цель – найти свой дом, похожий на Тиффани («не из-за драгоценностей, ведь это дешевка – носить бриллианты»), а из-за чинной, респектабельной атмосферы, где «так мило пахнет серебром».

Любила серебро больше, чем золото, незаметное больше броского? О вкусах не спорят. И вид из окна выбирают только избранные. Справа построили новый элитный дом. Высокий и нарядный. Он закрыл вид на горы. Окончательно и бесповоротно. Жители этого дома каждое утро будут любоваться красивым видом и думать о высоком. А менее счастливое большинство станет смотреть на звезды. Неужели на Марсе есть жизнь? И неужели она такая же, как на Земле? Не может быть.

МЕТАМОРФОЗЫ

Литература – мир метаморфоз. Фольклорные персонажи постоянно превращаются то в злых монстров, то в добрых волшебников, то в красавиц, то в дурнушек. Питаясь фольклорной традицией, литература наделяет своих героев сложным внутренним миром, настолько сложным, что иногда непонятно, кто есть кто.

– Ой, что у нас вчера было, что было, – загараторила девочка в маршрутке. – Сели писать сочинение. Тему нарочно не придумаешь: «Всегда ли хорошее хорошо, а плохое плохо?». А мы откуда знаем? Думали, училка что-нибудь подскажет. А она зашла, посмотрела. И только сказала сухо: «Ну, пишите, пишите...» Мы, конечно, написали что-то, а потом оказалось, что эта тема по произведениям литературы.

– Каким? – спросила подруга...

– Я откуда знаю...

Что можно придумать на такую тему? Что вот, мол, Базаров нигилист с передовыми взглядами, вроде бы хороший человек, а по сути – нет... Или Евгений не женился на Татьяне. Неблагородно. Но где бы она оказалась с этим безалаберным Евгением? Ну, а Печорин – образец неправильного отношения к женщинам, любим именно ими. Непонятно за что. Не за то же, что «во всех жизненных столкновениях хорошие, благородные порывы Печорина в конечном счете уступают жестокости». На тему добра и зла не каждый взрослый, за плечами которого долгая нелегкая жизнь, сможет ответить. И литература здесь явно не помощник.

У подростка с неокрепшей психикой после прочтения «Героя нашего времени» произошел духовный переворот. Более всего ему нравилась тирада Печорина о том, что «есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души», которую как ароматный цветок следует «сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге, авось кто-нибудь и поднимет». Литература – опасная вещь, можно стать ее заложником и с мыслями литературных героев прожить всю жизнь.

За что Толстой обабил Наташу Ростову? За то, что вышла замуж за нелюбимого. Зачем убил Болконского? Чтобы не женился на Наташе. Брак по большой любви – явный пробел в мировой литературе. Дефицит

любви страшнее любого другого дефицита. Спекуляция любовью убивает не хуже оружия. А люди все равно влюбляются. За неимением достойного объекта переключаются на работу, уход за животными и детьми, техникой всякой... Любят кино, цветы, книги.

– Вы мне дайте такую книгу, чтобы душа раскрылась, если не дадите, я жалобу на вас напишу, – пугает старушка работницу абонементов – тихую незаметную женщину.

Она рассеянно рассматривает корешки книг, зачитанных и замусоленных. Что дать бабушке? Что? Не про любовь же.

– Вы детективы уже все прочитали. Исторические романы тоже. Донцову дать?

– Давай. Я, правда, ее уже читала... Но забывать стала быстро. Да, и много у нее книжек. Как у Толстого, собрание сочинений... Умная женщина. Я вот всю жизнь диски напыляла на заводе. План перевыполняла. Зарплату, как министр, получала. И где эти диски, и где этот завод? А нужно было книжки писать.

Бабушка вздыхает, но уходит довольная. Книги не тяжелые, переплет мягкий и обложка веселенькая. Думает: «Приду домой, борщик поем, и за книжку. Духовной пищи на неделю хватит. А там, глядишь, и пенсию принесут».

Задумчивый библиотекарь расставит книги по советским полкам, что-то подклеит, что-то отставит в сторонку, на списание. Книг катастрофически не хватает. Фонды ветшают, новых пополнений практически нет... Подумает: «Может, детектив написать?» Выглянет в окно, увидит давно наскучивший пейзаж, а потом возьмет лист бумаги и начнет сочинять, чтобы разогнать тоску.

«На столе усталого следователя лежало дело об убийстве гражданина Н. По свидетельству очевидцев, около 13.00 потерпевший стоял с букетом цветов около памятника в микрорайоне «Горный», в полном одиночестве, чем невольно привлекал внимание. Свидетельница Н. была уверена, что потерпевший ждет девушку, еще успела подумать, что кому-то повезло, кому-то дарят дорогие букеты среди бела дня. Но, задумавшись минут на пять о несложившейся личной жизни, она уже увидела трагическую развязку. Потерпевший лежал на правом (или левом?) боку, в позе, подозрительно напоминавшей памятник, одна рука была поджата под себя, а в другой, вытянутой, – живо алел букет роз, похожий на свергнутый (или отвергнутый?) красный стяг. Тело было по всем признакам бездыханным».

Потом она отложит ручку в сторону и начнет вспоминать майские демонстрации, нарядные гольфы и белые модные туфельки, купленные к празднику, переполненный зал кинотеатра «Ударник», конфеты «Тузик» и стакан семечек за пять копеек. Подумает: «Этого больше не будет никогда».

Снова подойдет к окну, откроет недочитанную книгу «Библиотекарь» М. Елизарова. Прочтет: «Даже когда ненависть к собственной стране и ее прошлому считалась в обществе признаком хорошего тона, я

интуитивно сторонился разоблачительных романов, орущих прожорливыми голосами чаек о всяких гулаговских детях Арбата, идущих в белых одеждах. Меня смущала литературная полуправда и, в особенности, ее насуспенные авторы, колотящие о стол гулками черепами жертв минувшей социалистической эпохи. Этот костлявый перестук ничего не менял в моем отношении к Союзу. Повзрослевший, я любил Союз не за то, каким он был, а за то, каким он мог стать, если бы по-другому сложились обстоятельства. И разве настолько виноват потенциально хороший человек, что из-за трудностей жизни не раскрылись его прекрасные качества?»

– Да. Я тоже мечтала артисткой стать, но разве я виновата, что стала библиотекарем. Когда все читали «Дети Арбата» и «Белые одежды», я почему-то читала «Сто лет одиночества» и «Невыносимую легкость бытия». Нужно детектив дописать – самый понятный жанр. Никакой политики. И никаких метаморфоз. Жертва – это жертва, а преступник – преступник. И они никогда не меняются местами.

Женщина скинет теплую шаль, наденет туфли на высоких каблуках, покрасит губы яркой помадой, распустил длинные волосы по плечам и превратится в стройную блондинку.

**Саладин ЖИЛЕТЕЖЕВ,
Аульдин ЭЛЬМЕСОВ**

Любая красивая сказка будоражит сердце
взрослого человека, если он не успел
прожить детскую жизнь в детстве.

Аль Хасани

С. Жилетежев

КУЗНЕЧИК И МУРАВЕЙ

По мотивам кабардинской народной сказки

Залез Муравей на дерево. Прополз до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

– Где же мой друг Кузнечик? Мы ведь условились встретиться и пойти в путешествие.

Вдруг что-то зашелестело, будто листья заволновались. Глядит Муравей – на другом листке Паук запутал в паутину Кузнечика и тащит...

Паук все настойчивее подтягивает свою добычу. Кузнечик сопротивляется. Идет бой.

Муравей быстро кинулся на помощь. Незаметно подкрался к Пауку и вцепился в его толстое брюхо.

Ужаленный Паук оставил добычу, еле унес ноги и сломя голову нырнул в щель коры дерева.

– Спасибо! – промолвил Кузнечик, еле высвобождаясь из густой паутины. – Ты спас мне жизнь.

– Пустяки, – отмахнулся Муравей. – Давно я имел зуб на этого толстяка. Всем от него достается, всегда кто-нибудь от него плачет... А я давно жду тебя.

– Я прискакал вовремя. Но он схватил меня и не выпускал, хорошо, что ты подоспел. Давай-ка поскорее уйдем, а то он еще опомнится.

– Нашу дружбу ему не победить! Мы ему покажем. Да ну его... Давай отправимся в путешествие, как договорились.

– Залезай на спину! – скомандовал Кузнечик, сложив длинные ноги пополам.

Муравей залез.

Кузнечик расправил ноги и увеличился вдвое. Потом распустил, как паутину, нижние крылышки и сделался еще больше. Он рос на глазах, пока не превратился, как показалось Муравью, в огромную птицу. На этой

спине свободно поместился бы весь муравейник, но зачем ему сейчас нужен муравейник, если он собрался с другом в путешествие, и между крыльями сидеть так удобно в одиночестве.

Кузнечик разом выпрямил задние ноги и подскочил высоко в воздух. С треском развернулись у него за спиной крылья, понесли друзей в даль.

В первое мгновение, когда они взлетели, Муравей даже закрыл глаза от страха. Ему показалось, что летит не он, а летит всё под ним – поле, цветы, кусты, деревья, леса, реки, горы.

Потом ему начало казаться, что он сделался такой маленький, совсем малюсенький, что был только лишь частью Кузнечика, еле заметной, а может даже невидимой точечкой на его спине.

– Смотри, что там внизу? – кричит Кузнечик.

Муравей, вцепившись в спину, посмотрел одним глазом вниз.

– Ах! Сколько роз! Красные, желтые, белые, розовые...

Земля была точно покрыта живым ковром из роз.

– Ах! Как много цветов! И все они улыбаются. Будто шепчутся и смеются тоненькими голосами. Алые, синие, желтые, голубые цветочки, словно на землю упала радуга и рассыпалась живыми искрами, разноцветными огоньками... Как хорошо на земле! И почему только люди не берегут ее? Неужели никто из них не посмотрел на нее с высоты! Какие громадные деревья растут! Какие чудные птицы! Сколько красавиц-бабочек, похожих на летящие цветы, и красивейших цветов, похожих на бабочек.

Умолк Муравей ненадолго, потом вскричал:

– Неужели мы полетим через море?!

– Это разве море, просто речка... Сиди спокойно и держись крепче.

– Ой! Мне страшно! Какие огромные, как корабли, утки плывут! Мухи кажутся судами... Впереди виднеется будто бы морской берег – низкий, желтый, песчаный.

Голова Муравья от счастья закружилась. Ему кажется, что все переворачивается кувырком.

– Ой, как страшно! – произносит он, ещё крепче вцепившись в спину Кузнечика, и вдруг его стало заносить то влево, то вправо, он потерял опору под собой и полетел вниз.

Он падает, падает и падает. А Кузнечик летит за ним: то опережает его, то отстает, то летает вокруг него – старается подцепить, но не получается, не удается ему, как он ни старается. Муравей падает, Кузнечик помочь не может.

Сидит Лягушка на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждается теплыми лучами солнца. Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе: фью-фью, фью...

Лягушка испугалась и тут же шлепнулась с сучка, на который залезла согреться.

На том же месте, в самую середину лужицы упал Муравей. Серебристые брызги долетели и до Кузнечика, старавшегося крылышками подцепить его.

Не тут-то было! Кузнечик сам едва не угодил в воду, но, коснувшись брюхом поверхности воды, взлетел. И сразу же беспокойно засуетился на берегу, а Муравей забарахтался в воде.

Кузнечик быстро сообразил, что делать: разыскал сухую травинку, подхватил ее ловко, подпрыгнул и на лету бросил в лужу.

Муравей взобрался на травинку, немного отдышался, затем, крепко ухватившись за неё передними лапками, стал грести задними. Но травинка быстро промокла и отяжелела. Муравей выбился из сил.

Из воды, около сучка, показалась морда Лягушки, затем большая голова, темно-синяя спина с белыми пятнами. Сидит, смотрит.

– Эх! Щетинки бы свиной. А с этой травинкой ничего не выйдет. Пропал я, друг Кузнец, так и передай в муравейник, – грустно сказал Муравей и тяжело вздохнул.

Толстая Квакушка опять шлепнулась в воду и пропала.

– Дудки тебе! – вырвалось у Кузнечика. – Так и позволю тебе пропасть за так! Ты подожди только! Я разыщу щетинку свиную.

– А куда мне теперь спешить? Разве что утонуть? – жалобно произнёс Муравей.

– Ты держись крепко! Я мигом! – крикнул Кузнечик и понесся.

Свинья сердито роется в земле под деревом. Кузнечик садится на ветку напротив нее и сидит, не решаясь сказать, зачем он прилетел сюда, потом застенчиво начинает просить:

– Тетушка Свинья, дай, пожалуйста, мне одну щетинку. Нужно выручить моего друга муравья из воды!

– Хрю-хрю... – захрюкала Свинья, жадно жуя, – а ты попроси у Дички немного яблок для меня, тогда и получишь щетинку. А пока не мешай мне делом заниматься! И между прочим нет у меня лишней щетинки! – закричала она, топая ногами, и начала опять жадно рыться в земле.

Подлетая к Дичке, кузнечик жалобно говорит:

– Дичка-матушка, дай мне, пожалуйста, немного яблок. Их съест Свинья, она даст мне щетинку и я спасу моего друга-Муравья. Он тонет!

Стоит Дичка гордо. Урожай богатый уродился. Ветки от плодов гнутся, чуть земли не касаются. Зашуршала листьями старая Дичка:

– Так-то так, милый. Только ты сперва избавь меня от моей беды: упроси старую Ворону, чтобы она не гнездилась на моей кроне и не досаждала мне своим противным карканьем.

– Ворона, Ворона, милая Воронушка! – кричит кузнечик. – Помоги, пожалуйста, я хочу тебя попросить.

Подпрыгнула Ворона, каркнула и полетела, замахав крыльями, словно не желая его слушать. Отлетела немного, присела на сухое дерево, стала чистить нос. А Кузнечик подлетает к ней и плачущим голосом обращается:

– Ворона! Воронушка!

– Что тебе надобно? – каркнула, наконец, Ворона.

– Ворона-воронушка, мудрая Воронушка, очень тебя прошу, оставь в покое Дичку. Ей и так тяжело. Видишь, сколько плодов народила! Не

гнездись там, а она потом даст мне яблоки, их съест Свинья, подарит мне щетинку и я спасу своего друга-Муравья.

– Даст! Дам! Отдаст! – передразнила Ворона. – А вороне ничего не надо, да-а? Ворона глупее всех и у нее можно все выпросить задаром, да-а? Не выйдет! Не пройдет! Карр! Карр! – Сердито закаркала Ворона на весь лес. А потом малость поразмыслила и деловито добавила: – Ну, вот что. Раз ты пришел с делом, надо будет разобраться, уважить дело. Но у меня тоже есть желание.

– Какое? – тихо спросил Кузнечик.

– Так и быть, гнездо свое я перетащу в другое место, а ты за это выпроси у Курицы немного пуха. Им я выставлю новое гнездо и моим воронятам будет тепло и мягко. Ну, по рукам? – весело протянула Ворона свое крыло Кузнечнику, радуясь выгодной сделке.

– Кура-курочка, рябая хохлаточка! – обратился Кузнечик к Курице.

Курица от страха взлетела на кровлю сарая и там начала кудахтать.

– Кура-курочка, рябая хохлаточка, я с добрым намерением прилетел к тебе, не пугайся.

– Откуда мне знать? Кто с добрым, а кто с недобрым меня тревожит, – произносит Курица, продолжая тревожно кудахтать.

– Дай мне немного пуху. Его возьмет Ворона, она оставит в покое Дичку, Дичка даст мне яблоки, их съест Свинья, Свинья даст мне щетинку и я спасу своего друга-Муравья.

Курица весело подбежала к Кузнечнику, захлопала крыльями и опять начала кудахтать:

– Куд-куд-кудахта! И только и всего! Немного пуху тебе, да-а?

– Да, немного пуху. Совсем немножечко...

– Ишь какой хитрый нашелся! А моим цыплятам что ты принес? Вороне что-то надо, Дичка требует свое, Свинья долю получит, а хохлатке и ее голодным цыплятам ничего не надо, да-а? Так и быть, ты пришел ко мне, наверное, не от хорошей жизни, я исполню твое желание. Я помогу тебе, выручу, дам перья. Но только ты сперва сходи к Амбару и попроси у него немного пшена.

Побрел Кузнечик к Амбару.

– Дедушка-Амбар, дай мне немного пшена. Его я дам Курочке, Курочка даст мне пуху, пух я дам Вороне, Ворона оставит в покое Дичку, Дичка даст мне яблоки, их поест Свинья, Свинья даст мне щетинку и я спасу своего друга-Муравья.

– Видишь, как это всё связано? У тебя беда, у всех какая-то нужда, а я всех должен выручить, – недовольно вздохнул старый Амбар. – Погрызли мой пол мыши, будь они неладны. Избавь ты меня от них. Тогда и получишь пшено.

Перечить было нечего. Поташился Кузнечик к мышам.

– Мыши-мышечки, очень вас прошу, оставьте в покое дедушку-Амбара. Амбар мне даст пшена, его поклюют Курочка с цыплятами, Курочка даст мне пуху, пух я дам Вороне, Ворона не станет тревожить Дичку, Дичка даст мне яблоки, их поест Свинья, Свинья даст мне щетинку и я спасу своего друга-Муравья.

– Ишь ты! Всем что-то даешь, а у нас хочешь даром выпросить? – пискнула мама-Мышь.

– Скажите только, что надо, я и вас тоже постараюсь отблагодарить, – затрепетал Кузнечик.

– Это уже дело. Ты нам, а мы тебе: Амбар мы оставим в покое, пусть себе стоит. Только ты попроси Кота, чтобы он не гонялся за нами, чтобы оставил в покое моих деток, – пропищала Мышь, успокаивая мышиную стаю.

Отправился Кузнечик к Коту.

Серый Кот сидит на подушке и умывается передними лапами.

– Братец Кот, красавец мой, – начал разговор Кузнечик, – не гоняйся, пожалуйста, больше за мышами...

– Что-о-о? – возмутился зверь. – Попробовал бы сам поймать хоть одну мышь – узнал бы, с каким трудом они достаются мне. Легко сказать: брось гоняться за мышами...

– Может, я не так выразился. Но потом бы мыши оставили бы Амбар, Амбар мне дал бы пшена, потом пшено поклюют Курочка с цыплятками, Курочка даст мне пух, пух я дам Вороне, Ворона оставит в покое Дичку, Дичка даст мне яблоки, их поест Свинья, Свинья даст мне щетинку и я спасу своего друга-Муравья, он тонет, – объяснил все Коту Кузнечик.

– Что-о! – сонно спросил опять кот, зевая и потягиваясь. – Дам, даст, съест. Кто даст? Кто съест? Легко сказать. У вас всё просто получается. Сколько я сижу в ожидании добычи? Кто это знает?

– Но мой друг-Муравей тонет. Я должен его спасти.

– А-а-а! Все понял. Значит, Свинья хочет поесть сытно, Ворона – мягко поспать, а за всё это я должен перестать есть? Не выйдет! – прошипел Кот.

– Пожалуйста, может, я чем-то и тебе помогу?

– Вот это другое дело. Ладно, уговорил. А ты, видать, парень хороший, коли так хлопочешь за своего друга. Так и быть: больше я не хожу на мышей, перехожу на молочный рацион. Давай, брат Кузнец, снабжай меня молоком, но каким путем его достанешь, у кого выпросишь, меня абсолютно не волнует. Дай только молоко. Молоко будет – мышей не трону. Но если не будет молока, тогда смотри у меня... – пригрозил Кот, прыгнув с кровати.

– Придется пойти к Корове, – грустно произнес Кузнечик.

– Это уж твое дело, – бросил невзначай Кот, вертя длинным хвостом.

Кузнечик нашел корову.

– Коровушка-кормилица, буренушка наша, дай мне немного молока. Я им угощу Кота, Кот не станет гнаться за мышами, мыши оставят Амбар, Амбар мне даст пшена, его поклюют Курочка с цыплятками, Курочка даст пух, пух я дам Вороне, Ворона оставит в покое Дичку, Дичка даст мне яблоки, их поест Свинья, Свинья даст мне щетинку и я спасу своего друга-Муравья, который тонет.

– Что-о-о? – замычала Корова.

– Дай, пожалуйста, мне немного молока, – повторил Кузнечик.

– Мму-у! Всем мо-ло-ка, – замычала она еще больше. – А ты знаешь, что у коровы молоко на языке?

– Да-а? – удивился Кузнечик.

– Хочешь молока, дай мне свежего, ароматного сена.

– А у кого это можно выпросить?

– Как у кого? У Жука-косаря.

Побрел кузнечик к Жуку-косарю, который точил косу под деревом.

– Братец Жук, знатный наш косарь, дай мне, пожалуйста, немного сена. Его поест Корова, Корова даст мне молока, им я угощу Кота, Кот оставит мышей, мыши больше не будут грызть Амбар, Амбар мне даст пшена, его поклюют Курочка с цыплятками, Курочка мне даст пуху, пух я дам Вороне, Ворона оставит в покое Дичку, Дичка даст мне яблоки, их поест Свинья, Свинья даст мне щетинку и я спасу своего друга-Муравья.

– Жалко мне тебя, братец. И Муравья мне жалко. Да меня тоже же пожалей, – зажужжал Жук-косарь, подтачивая свою косу. – Видишь, в какую пору приходится косить? Сил больше нет, а заготовить на зиму сено надо. Пойди, попроси у Тлепша, бога-кузнеца, косу, которую он изготовил из меча самого бога плодородия Тхагэледжа. Получишь ее, она накосит траву, Жук-косарь, я то есть, дам Корова сена, Корова даст тебе молока, им ты угостишь Кота, Кот оставит мышей, мыши оставят Амбар, Амбар даст тебе пшена, его поклюют Курочка с цыплятками, Курочка даст тебе пуху, пух ты дашь Вороне, Ворона оставит в покое Дичку, Дичка даст тебе яблоки, их поест Свинья, Свинья даст тебе щетинку и ты спасешь своего друга-Муравья.

Кузнечик разыскал Тлепша. Стоит Тлепш в уютной кузнице, работает на благо человека – мускулистыми руками берет раскаленный металл. То, словно глину, мнет кузнец железо, то расплющивает металл кулаками, то растянет его. Снова закрутит. Согнет и опять кладет в огонь. Опять достает раскаленное докрасна железо из огня голыми руками и мнет его в ладонях, сгибая подковы... В кузницу заходит Кузнечик, но, не решаясь что-то сказать, стоит и смотрит на Тлепша.

– Кузнец – большой человек, а у большого человека, небось, и большие хлопоты, наверное, отошлет куда-нибудь за своей надобностью, – думает он, тихо продвигаясь к хозяину кузни. – Да делать нечего, придется просить. А говорить по порядку сил уже нет.

Кузнечик лопочет что-то несурзное, больше размахивает лапками.

– Человек, человек, я пришел к тебе просить, помощи, пожалуйста, еле нашел я твою кузницу. Долго, очень долго искал...

– А что привело тебя ко мне, детка, что случилось-то? – отложив свои дела, обращается Тлепш к кузнечику.

– Мой друг-Муравей тонет. Если ты мне дашь косу, сделанную из меча самого Тхагэледжа, я отнесу ее Жуку, Жук-косарь даст мне сена, его поест Корова, Корова даст мне молока, им я угощу Кота, Кот оставит мышей, мыши оставят Амбар, Амбар даст мне пшена, его поклюют Курочка с цыплятками, Курочка даст мне пуху, пух я дам Вороне, Ворона оставит в покое Дичку, Дичка даст мне яблоки, их поест Свинья, Свинья даст мне щетинку и я спасу своего друга-Муравья. Он тонет... – и куз-

нечик распластался перед Человеком, не то низко кланяясь, не то теряя сознание от усталости.

Человек почесал затылок, покрутил головой, всё понял. Он осторожно поднял кузнечика, посадил его на свою широкую, мозолистую ладонь и, добродушно улыбаясь, сказал:

– Сколько мытарства из-за одной щетинки! Дружба – великое дело, выручать кого-то из беды – благороднее нет занятия. А это не все понимают, оказывается. Зато ты понимаешь, и я обязательно тебе помогу. Вот, иди, вернись к Жуку-косарю, моя коса придет к нему сама.

Косят сено косари в высокогорных лугах. За ними устало тащится Жук. Он давно от них отстал. Вдруг его догоняет коса, которая сама косит. Жук-косарь хватает ее. Начинает ею косить – догнал всех. Уже опережает их. Все с удивлением смотрят на него. Становится он с ними в ряд, взмахивает два-три раза, уходит далеко вперед. Ставят его позади, взмахивает пять-шесть раз косой – опять нагнал!

Втыкают косари орудия свои косовицами в землю и садятся под деревом обедать, вдруг видят: у Жука коса падает острием книзу и начинает сама косить. Встретятся ей на пути деревья, деревья – пополам, наскочит коса на камень, камень – пополам...

Увидев это, Жук-косарь дал Кузнечнику сена, его поела Корова и дала молока, молоко выпил Кот и перестал ходить на мышей, мыши покинули Амбар, Амбар отсыпал пшена, пшено поклевали Курица с цыплятками, Курица дала пуху, его взяла Ворона и отстала от Дички, Дичка дала яблоки, их поела Свинья, а потом лишь Свинья выдернула одну щетинку покороче да похилее и протянула Кузнечнику.

– Ух, жадина... – не выдержал Кузнечик.

– Хрю-хрю! Убирайся подбру-поздорову! Не то после твоих кислых яблочек у меня разыгрался такой аппетит, что... – клацнула зубами свинья.

Усталый, голодный, но веселый и счастливый от мысли, что его друг теперь будет спасен, кузнечик прибежал к лужице и – откуда только бралась у него сила – с лету бросил щетинку прямо муравью. А щетинка пропиталась салом и скользит по воде, что коньки по льду. Муравей ловко перебрался с промокшей, отяжелевшей, уже тонувшей травинки на щетинку и весело заскользил к берегу.

Друзья обнялись и, оглашая всю лужайку громким смехом и радостными песнями, отправились дальше путешествовать.

От этого и пошла поговорка: дружба у них такая, что водой не разольешь.

КАРДИОЛОГИЯ – НАУКА О СЕРДЦЕ

В связи с участвовавшими случаями заболеваний сердечнососудистой системы среди населения республики, наша редакция решила обратиться к заведующему кардиологическим отделением городской больницы г. Нальчика Хамизовой Мадине Маковне, чтобы получить информацию по этой, интересующей всех проблеме.

– Мадина Маковна, в последнее время повсеместно можно услышать слова: «Если вас беспокоит сердце, не откладывайте свой визит к доктору, врач – это человек, которому можно доверить свое сердце». Эти слова относятся только к кардиологам или и к другим врачам?

– Конечно же, ко всем врачам. Но в первую очередь – именно к кардиологам. Это не требует широкого объяснения, так как при сердечных заболеваниях, особенно при приступах, когда речь идет о спасении человека и счет идет на минуты. При всех других заболеваниях болезнь дает какое-то время распознать себя.

– Мадина Маковна, когда спрашиваешь больных вашего отделения, как они себя чувствуют здесь, они отвечают с оптимизмом, что дела

Зав. кардиологическим отделением
к.м.н., врач высшей категории
Хамизова Мадина Маковна

Коллектив кардиологического
отделения

идут на поправку, и с хорошим настроением добавляют, что у них возвращается и интерес к жизни. Расскажите о своих подопечных, об условиях пребывания в отделении, о том, что влияет на лечебный процесс?

– Главное – это профессионализм наших сотрудников и доброе отношение к пациентам. В этом отношении все они – достойные люди. Начну с того, что наше кардиологическое отделение с 1988 года является структурным подразделением многопрофильной первой городской клинической больницы (ГКБ № 1). Отделение осуществляет оказание специализированной лечебно-диагностической помощи больным с сердечнососудистыми заболеваниями. Лечение и обследование больных в отделении проводится по утвержденным Минздравом стандартам обследования и лечения.

– Скажите, сколько больных одновременно лечатся у вас.

– В отделении в настоящее время развернуто 55 коек.

– А какая у вас укомплектованность штата персонала?

– Штат отделения полностью укомплектован врачом, средним и младшим медицинским персоналом. В отделении постоянно ведут работу пять врачей, из которых два – кандидаты медицинских наук, один – врач высшей категории. Медсестринский персонал – опытные кадры, квалифицированные, категорированные работники.

– А как вы принимаете больных, самостоятельно или по направлениям?

– Госпитализация в отделение осуществляется в основном в плановом порядке по направлению кардиологов и участковых врачей поликлиник города Нальчика и районов.

– Мадина Маковна, конец года и начало другого везде и всегда связаны с отчетами о проделанной работе. С чем ваше отделение подошло к этому периоду?

Слева направо: Накацева Елена Владимировна, к.м.н., зав. отделением Хамизова М. М., Чочаева Аминат Юсуповна, врач высшей категории

Накацева Е. В., врач-кардиолог, к.м.н.

Чочаева А. Ю., лечащий врач-кардиолог, врач высшей категории. Награждена Почетной грамотой Правительства КБР в 2014 г.

Бербекова Маргарита Каральбиевна,
врач-ординатор, кардиолог

Шогенова Инна Саламовна,
ст. медсестра высшей категории

Хамизова М. М. на утреннем обходе

– За 2015 год в отделении пролечено 1530 больных, что на 22 больше, чем в прошлом году, несмотря на сокращение отделения с июля на 5 коек. В плановом порядке за год госпитализировано – 1471 (96,1%), в экстренном порядке – 59 больных, что составило 3,9%. При анализе поступлений, больше больных было направлено из поликлиник № 1 и № 5. По районам – это Баксанский и Чегемский. Число жителей города составило 74%, сельских жителей – 26%, из всех пролеченных больных женщины составляют 58%, мужчины, соответственно, – 42%.

– А как оценивается уровень статистических показателей, срок лечения, длительность пребывания больных в отделении, оборот койко-мест?

– Основные статистические показатели деятельности отделения за отчетный период остаются на высоком уровне:

Средние сроки лечения по нозологическим формам не превышают существующих стандартов.

Длительность среднего пребывания больного на койке по сравнению с 2013 и 2014 годами устойчиво снижается, что отражает эффективность использования лечебных и диагностических средств (в 2014 – 11,8; в 2013 году – 12,6).

Оборот койки также удерживается на высоком уровне, и отмечается некоторое увеличение за отчетный год – (в 2014 – 24,6; в 2013 году – 24,9). Число работы койки – (2014 – 290,0; в 2013 – 313,6).

– В вашей работе ведется строгий отчет по анализу структуры заболевания, возрастного диапазона, расскажите об этом.

– При анализе структуры заболевания наибольшее число составляют больные с различными формами ИБС-стенокардии напряжения 2-4 фкл. Нестабильная стенокардия, постинфарктный кардиосклероз с нарушениями ритма и признаками сердечной недостаточности (составила – 40%), на втором месте артериальная гипертония – 27%, обследованы и пролечены больные с некоронарогенными заболеваниями миокарда – сюда

относятся кардиомиопатии, поражения миокарда воспалительного и дисметаболического характера, нарушения ритма сердца.

По сравнению с предыдущими годами отмечается увеличение числа больных с хронической сердечной недостаточностью 2–3 стадии.

Если анализировать возрастной состав больных, как и в прошлом году, отмечается увеличение количества больных в возрасте 71 года и больше – 456 (30%).

– Наука о сердце – сложное и многофункциональное направление, со множеством неожиданных проявлений. И не секрет, что среди больных нередко случаи летального исхода.

– К сожалению, заболевания сердца и сосудов стали достаточно частыми случаями, в связи с чем поликлинические и лечебные стационары переполнены больными. Здесь особый интерес возникает к высокопрофессиональным врачам-кардиологам, к которым обращаются люди в поисках защиты от коварного недуга. Могу сказать, что такой показатель деятельности стационара, как летальность, за год у нас составил 0,78%. За отчетный период в отделении умерло 12 больных. Из которых 7 мужчин, 5 женщин, 9 умерли в отделении реанимации, 3 – в кардиологическом отделении. Летальность объясняется тяжелой сердечнососудистой патологией, наличием тяжелых сопутствующих заболеваний и большим возрастом. Если проанализировать возрастной состав – умерших до 60 лет составили 2, остальные 10 – от 70 до 92 лет.

Причиной смерти в 5 случаях был ОИМ, в других случаях это ТЭЛА, фатальные нарушения ритма и кардио-ренальный синдром. Летальность в 2014 году – 0,3%.

– Наука о сердце не стоит на месте, вы пользуетесь ее достижениями для повышения уровня своих знаний?

– Конечно же. Уровень оказания медицинской помощи кардиологическим больным продолжает повышаться благодаря совершенствованию уровня знаний медицинского персонала, внедрению достижений науки

Накацева Е. В. на утреннем обходе

Чочаева А. Ю. на утреннем обходе

Эржибова Ася Михайловна, медсестра процедурного кабинета

Зав. отделением Хамизова М. М. делает совместный обход со старшей медсестрой Шогеновой И. С.

Зав. отделением принимает больного на госпитализацию

После обхода

и практики, опыта работы передовых ЛПУ.

– А квалификация персонала?

Участие их в разных форумах?

– Медицинский персонал отделения постоянно работает над повышением своей квалификации: за отчетный год 1 доктор получил высшую квалификационную категорию. Все врачи активно принимают участие в конференциях, в том числе и выездных, заседаниях тер. обществ. Так, врачи отделения активно приняли участие в октябре в конгрессе кардиологов Кавказа. А зав. отделением – в сентябре участвовала в конгрессе кардиологов России в г. Москве.

Ежемесячно проводятся занятия со средним медперсоналом по вопросам оказания первой доврачебной помощи, санэпидрежиму, профилактике внутрибольничных инфекций, вопросам этики и диетологии.

– А ваши врачи, как профессионалы, помогают другим коллегам?

– Врачи отделения оказывают консультативную помощь другим отделениям больницы, несут urgentные дежурства по больнице.

– А как у вас решается вопрос по освоению новых методов диагностики и лечения?

– Улучшению качества диагностических и лечебных мероприятий в отделении отводится первостепен-

ная роль. Новые методы диагностики и лечения:

За отчетный год в отделении внедрен и применялся новый препарат – антикоагулянт «Прадакса» – для профилактики тромбоэмболических осложнений у больных с фибрилляцией предсердий.

Внедрено использование шкалы оценки риска тромбоэмболии и инсульта CHA2DS2-VAS и шкалы оценки риска кровотечения HAS-BLED у больных с фибрилляцией предсердий.

План по КСГ выполнили на 100% по основным нозологиям.

(На 100% по ИБС стабильной стенокардии, на 107% по артериальной гипертензии).

– Ваша работа требует постоянного контроля состояния больного и ведение карты больного, что требует от персонала четкого учета ведения документации. Как обстоит дело в этом направлении?

– Конечно, требует постоянной записи состояния больного, чтобы анализировать динамику лечения. И скажу, что учет медицинской документации ведется в отделении по утвержденным формам и сдается в установленные сроки.

Отделение является клинической базой кафедры госпитальной терапии медицинского факультета КБГУ. В отделении проходят обучение студенты 6-го курса, клинические интерны и ординаторы. Отделение тесно сотрудничает с кафедрой, привлекая ее сотрудников для консультаций пациентов. Так, в отчетном году сотрудниками кафедры проводилось обследование у больных плече-лодыжечного индекса для определения сосудистого возраста и жесткости сосудов.

– Как нам известно, ваше отделение находится на хорошем счету у больных сердечнососудистыми заболеваниями. Ваш профессионализм, ваше сердечное отношение к другим сердцам, ваше сопереживание оказывают вашим пациентам помощь на уровне энергетического наполнения. На психологическом уровне. И поэтому они, даже после выписки, с благодарностью вспоминают о вас. Не это ли радость для врача – восстановленное здоровье или приостановленная поступь злого недуга!

– У нас бывали и трудные периоды, в нашей работе. Болезнь, которой мы противостоям, – общепризнанный недуг, охватывающий все слои населения, невзирая на возраст и занимаемую должность. Хотя мы противостояем ей всеми средствами, имеющимися на сегодня, все мы вместе – больной и врач – в некоторых случаях не можем справиться с ней. И человек на глазах уходит из жизни, порой пряча слезы сожаления или с немим упреком глядя на врачей. Знаете, как это больно, как это

Ахкубекова Зухра Азретовна,
врач-кардиолог

Висоитова Лидия Хадиновна
в кабинете ст. медсестры Шогеновой

Кармокова К. М. и Гоова М. М.
на посту

Дружный коллектив
(в рабочем строю)

Пациентка в уютной палате

Сестра-хозяйка Висоитова Л. Х.
выдает белье санитарке
Кушховой Р. Х.

мучительно для того врача, который не смог вырвать больного из плена подкрадывающейся смерти.

Мы ведь тоже люди, со своими отношениями к жизни, со своими слабостями. На работе мы лечим людей, а дома – все, как у других.

– Я понимаю. У нас, женщин, все это в крови. Все же хотела бы спросить, в нашем разговоре вы не выделили кого-то из коллектива, на кого равняются остальные, с кого берут пример.

– В сплоченном коллективе трудно кого-то выделить, да и стоит ли это делать! Ведь все мы вместе занимаемся одним благородным делом: помогаем человеку одолеть свой недуг и вернуть ему радость жизни, вернуть его семье трудоспособным, насколько это возможно. Повторюсь и скажу: у больного вся надежда на врача. Такая высокая ответственность сплачивает наш коллектив, и мы работаем, поддерживая друг друга во всем.

– Спасибо, Мадина Маковна. Хотелось бы, чтобы вы рассказали нашим уважаемым читателям о задачах отделения на 2016 год.

– Задачами кардиологического отделения на 2016 год являются:

– оптимизация схемы лечения больных, снижение затратности за счет более рационального использования комбинации препаратов;

– обеспечение адекватной со-

временной терапии на основе достижений медицины;

– расширение применения инструментальных методов диагностики;

– освоение и внедрение новых методов диагностики и лечения больных (в том числе планируется более широко внедрить лабораторные анализы – натрийуретический пептид – для диагностики ХСН, антитела к миокарду – для исключения миокардита).

– разработка мероприятий по улучшению качества лечебно-диагностической помощи и снижению больничной летальности от заболеваний сердечнососудистой системы.

Палатная медсестра отделения
Кармокова Карина Мухарбиевна

Буфетчица отделения Хатшукова
Мадина Тамишевна

Больные в ожидании процедуры

Чистый, уютный холл

Столовая

– продолжение работы по вопросам повышения квалификации сотрудников отделения.

Укрепление здоровья, увеличение продолжительности жизни и улучшение качества жизни наших пациентов – вот те задачи, на решение которых направлена деятельность кардиологического отделения в 2016 году.

– Спасибо вам, Мадина Маковна, за интересную беседу, я бы сказала, за нужную беседу, из которой многие узнают о работе отделения, о проблемах и о предстоящих задачах по улучшению лечения поступающих к вам граждан.

– Спасибо и вам – за проявленное внимание к работе отделения. Здоровье вам и долголетия!

МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ

Заслуженный артист Кабардино-Балкарской Республики хоровой дирижер и певец Аюс Зеушев в 2015 году отметил полувековой юбилей, а в начале года 2016-го занят подготовкой к 25-летию Дворца культуры, где он является директором.

«Есть люди, которые вышли из простого народа и вроде бы не выделяются среди других, но становятся кумирами для многих. Так сильно обаяние их личности, таланта, что они как магнит притягивают к себе», – пишет в книге «Знаменитые люди Кавказа» Аюс Ныров. – Именно таким является известный певец, исполнитель эстрадных песен, композитор

Аюс Амдежевич Зеушев, у которого, как говорят, музыка течет в крови. Бог его наградил, помимо всего прочего, необыкновенными человеческими качествами. Одним словом, он имеет все, что может только иметь человек, посвятивший себя сцене.

Для Аюса Амдежевича каждодневный творческий труд является жизненной необходимостью. Природные способности сочетаются в нем с исключительным трудолюбием и работоспособностью... Всегда в хорошем настроении и своеобразно обаятельный, он вырывает радостные улыбки у слушателей уже одним своим выходом на сцену».

Природный дар

Из очерка узнаём, что родился Аюс Зеушев в 1965 году в живописном селе Нижний Куркужин Баксанского района.

В детстве слушал по радио и телевидению песни в исполнении Муслима Магомаева, Льва Лещенко, Заура Тутова, Хусена Маремукова и других артистов и легко повторял услышанное, поражая домашних музыкальностью, любовью к песням самым разнообразным – от кабардинских народных напевов и детских песен на русском языке до произведений классического характера.

Школьная учительница Римма Пшихачева убедила родителей мальчика отдать сына в Нальчикскую детскую музыкальную школу-интернат для одарённых детей.

Амдеж Ташевич и Нюра Шихимгериевна согласились, и третьеклассник Аюс начал заниматься в специализированной школе по классу флейты. Однако учился там недолго – родители сильно скучали по младшему из четырех сыновей и настояли на его возвращении домой.

Страсть к пению у талантливого юноши была неумёмной – он участвовал в концертах, занимал призовые места в различных конкурсах, чему в немалой степени способствовали школьные учителя, которые развили его природные способности.

Вхождение в профессию

Природа одарила Ауеса музыкальным слухом и хорошей памятью, поэтому ему легко давалась учеба в Баксанской музыкальной школе по классу трубы у педагогов Мухамеда Маржохова и Леонида Шанибова, а также учеба в 1980-1984 гг. в Нальчикском музыкальном училище на вокальном отделении у заслуженной артистки РСФСР Ирины Шериевой.

Певец с чувством глубокой благодарности вспоминает прекрасных педагогов: директора училища Мухамеда Хасанова, руководителя хора Леонида Кошелева, преподавателя актерского мастерства Султана Теуважева, преподавателей фортепиано Л. Шпильберга, Т. Щепановскую, Е. Терушкину.

Желая приобщиться сочинению музыки, пытливый студент факультативно посещает уроки композиции. Результатом этих занятий стало исполнение произведения Ауеса Зеушева «Вечный огонь» на стихи Адама Шогенцукова хором музучилища (дирижер Мадина Мидова).

В Саратове

В 1984 году Зеушев поступает в один из лучших музыкальных вузов страны – Саратовскую государственную консерваторию им. Л. В. Собинова на дирижерско-хоровой факультет, где продолжает получать уроки композиции – у профессоров М. Симанского и А. Бренинга.

После окончания третьего курса студента призвали в армию, в ансамбль песни и пляски Приволжского военного округа в г. Куйбышеве (ныне г. Самара).

За два года службы воин родом из Кабардино-Балкарии участвовал в статусе солиста в 275 концертах, выступая на сценах Куйбышевского оперного театра, Куйбышевской филармонии, Саранского театра музыкальной комедии, Казанского театра оперы и балета. В составе престижного творческого коллектива Ауес побывал на гастролях в городах Поволжья и Украины, стал лауреатом регионального конкурса военной песни «Когда поют солдаты» в г. Набережные Челны. Младший сержант награжден многочисленными грамотами и дипломами, его родители не раз получали благодарственные письма от руководства ансамбля за хорошее воспитание сына.

Дирижер

Командование предлагало Ауесу остаться на сверхсрочную службу, но музыкант возвращается в Саратов и с большим творческим подъемом продолжает учебу, становится лауреатом консерваторского конкурса хоровых дирижеров, посвященного 150-летию со дня рождения П. И. Чайковского.

Для дипломной работы дирижер хорового коллектива А. Зеушев избрал «Requiem» Альфреда Шнитке. Исполнение сложнейшего музыкального произведения для солиста, хора, оркестра и органа стало событием в культурной жизни города, так как в Саратове этот реквием прозвучал впервые. В целом же по России это было вторым исполнением, а премьера состоялась в Германии.

Экзаменационная комиссия во главе с народной артисткой РСФСР А. Добромировой оценила работу выпускника Зеушева на «отлично».

Позже Ауес отметил для себя интересный факт: реквием – музыка католическая, исполнители (хор и оркестр) – православные христиане, а дирижер – мусульманин. В единении представителей разных конфессий и национальностей было исполнено выдающееся произведение XX века: музыка сближает всех.

Прошло много лет со студенческой поры, но Ауес Амдежевич помнит всех своих музыкальных наставников, в числе которых декан Датская Ю. И., хоровые дирижеры Попович Б. П. и Владимирцева Н. Н., хормейстер Лицова Л. А., преподаватели Сидоренко Л. Н. (фортепиано), Фишман И. Л. (история музыки), Никонов Ф. А. (гармония).

Хор Саратовской консерватории периодически выступает на Северном Кавказе, и каждый приезд коллектива в Нальчик становится волнительным событием для жителей Кабардино-Балкарии – выпускников этого замечательного вуза.

Педагог

По возвращении в Кабардино-Балкарию дипломированный специалист начинает преподавательскую деятельность в Баксанской музыкальной школе, где когда-то делал первые шаги в волшебный мир профессиональной музыки. Одновременно совмещает должность хормейстра и художественного руководителя вокального ансамбля «Чегемские водопады» в Доме культуры Чегемского района.

Работая педагогом, он не забывает про сцену, и в 1993 году удостоивается Гран-при Первого регионального конкурса молодых исполнителей эстрадной песни «Молодые голоса Кавказа», учрежденного Республиканским научно-методическим центром при Министерстве культуры КБР. Высшая награда конкурса была присуждена ему за блестящее исполнение песни Нино Рота «Слова любви» из кинофильма «Ромео и Джульетта».

Эта победа стала своеобразным трамплином для выхода на большую эстрадную сцену и участия в программе «Шире круг» на всесоюзном телевидении. Дальше – активная исполнительская деятельность, плотный график выступлений.

Певец

Во второй половине девяностых – начале двухтысячных годов Ауес Зеушев записывает музыкальные альбомы, снимает видеоклипы, выступает с сольными концертами в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии. Участвует в торжественных мероприятиях, организованных при поддержке Министерства культуры и правительства КБР.

Этот период отмечен многими наградами фестивалей, проходивших в Польше, Франции, Турции, Абхазии, Санкт-Петербурге, Москве... Трижды выступал на сцене Государственного Кремлевского дворца.

В 2004 году Ауес Зеушев удостоивается высокого звания «Заслуженный артист КБР», а в 2005 г. – «Заслуженный артист Республики Ингушетия».

За большой вклад в развитие культуры и искусства Кабардино-Балкарии, а также за укрепление дружбы народов и единства Российской Федерации А. Зеушев награжден почетными грамотами Министерства культуры КБР и администрации г.о. Баксан, юбилейными медалями Мирового артистического комитета и общественной академии творчества.

Композитор

Композиторский багаж именитого певца включает более 200 песен, множество камерных сочинений (прелюдия для фортепиано, кантата для хора, пьесы для скрипки и фортепиано, обработки народных кабардинских песен для мужского квартета, вокальные циклы, романсы и т.д.).

Творческий диапазон Зеушева очень широк, ему подвластны многие жанры и сценические стили. За тридцать лет профессиональной деятельности он принял участие в трех тысячах мероприятий. Ауес продолжает получать приглашения на участие в концертах и благодарственные письма от организаций и учреждений.

Директор

В начале 2009 года Ауес Амдеевич был назначен директором Дворца культуры администрации городского округа Баксан, где проживают 57 тысяч человек. Он успешно руководит трудовым коллективом и развивает творческую деятельность местного населения, оказывает всемерную поддержку талантливой молодежи, являясь большим авторитетом для юношей и девушек, увлекающихся искусством.

Для того чтобы привести объект площадью свыше семи тысяч квадратных метров в надлежащее состояние, пришлось заняться ремонтом здания, оформлением помещений, закупкой оборудования... Организаторский талант профессионального хормейстера проявился и на административно-хозяйственном поприще.

За семь лет работы А. Зеушева в должности директора творческие коллективы и солисты ДК при содействии отдела культуры Администрации г.о. Баксан приняли участие в 22 фестивалях республиканского, всероссийского и международного уровня.

Звания «народный» удостоены пять самодеятельных коллективов: фольклорно-этнографический театр песни и танца «Джегуако» (художественный руководитель – лауреат Артиады народов России Эльвира Хандохова); образцовый ансамбль национального танца «Баксан ауз» (худрук – дипломант международных фестивалей Марина Нахушева); народный театр им. Б. Бахова (худрук – молодой режиссер Мария Ахобекова); ансамбль современного танца «Модис» (худрук – лауреат международных конкурсов Оксана Бердова); детский музыкальный театр «Звездочки Баксана» (худрук – Альбина Лампежева).

Ауес Зеушев возродил рок-направление в музыкальной деятельности Дворца культуры, предоставил возможность заниматься во вверенном ему муниципальном учреждении группе «Baksan», которой руководит Заурбек Маршенкулов. На баксанские фестивали ежегодно приезжают

коллективы из Тырнауза, Прохладного, Зольского района, Нальчика и даже гости из Чечни.

В 2013 году Дом культуры г.о. Баксан, по оценке Министерства культуры КБР, занял первое место и остается в числе лидеров среди родственных учреждений республики.

Новатор

«Баксан рекордс» – весьма востребованная студия звукозаписи – структурная единица ДК, которую возглавляет Залим Сатушиев и которая оснащена современным цифровым оборудованием.

Давно у директора была мечта возродить существовавший прежде в Баксане ансамбль старейшин «Ежу». Задуманное реализовано, и теперь в концертных программах принимает участие певческий коллектив «Ветеран», в составе которого – мужчины старшего возраста, хранители старинного народного творчества, передающие молодежи дар предков.

Руководство Дворца культуры работает в тесной взаимосвязи со многими муниципальными и общественными организациями, расположенными в здании ДК (их на этой территории 18) и за его пределами – детской школой искусств № 1, директором которой является Азида Гучапшева, а также Советом ветеранов, Советом женщин и другими.

Дворец работает ежедневно до 18 часов, а в дни концертов, массовых мероприятий – и до полуночи. Участников творческих коллективов становится больше, молодежь тянется к культуре, искусству, ко всему прекрасному.

О директоре сотрудники и посетители Дворца говорят, что он – человек надежный – если пообещал, то обязательно выполнит.

Глава семьи

По единодушному мнению окружающих артист и руководитель является преданным другом, замечательным соседом, простым, приветливым и внимательным человеком.

Он прекрасный семьянин, вместе с супругой Айшат воспитывает троих сыновей, которых зовут Арсен, Руслан, Резуан, и дочку Алию, к которой очень привязан.

Человек, преданный любимой профессии, проявляющий глубокий интерес ко всему происходящему вокруг, к философии, мирозданию, изучению документальных исторических источников, по сути своей является интернационалистом, любит жизнь, музыку, свою семью, природу.

С трепетом, как к чистому источнику, относится Ауес Зеушев к родному селу и его жителям. Ни одно значимое мероприятие в Нижнем Куркужине не проходит без участия яркого артиста, своим талантом прославляющего Кабардино-Балкарию по всей России и за пределами нашей Родины.

Зурият АФАШОКОВА
учитель русского языка и литературы
средней школы с. Былым

ДАР, ОЗАРЕННЫЙ СОЛНЦЕМ

С пятого класса я участвую в различных конкурсах чтецов, пишу сочинения, эссе. Признаюсь честно, в этот раз я испытывала особое волнение, чувствуя большую ответственность перед теми людьми, о которых собираюсь рассказать. В то же время, я очень рада, что представился случай написать о людях, которые так дороги моим родственникам.

С детства я слышала рассказы моей тети, Афашоковой Нафисат, и дяди, Афашокова Ахмата, о первой учительнице, стоявшей у истоков школьного обучения в моем селе Былым в 30-е годы. Еще раз поговорив с родственниками и выслушав их воспоминания о любимой учительнице русского языка и литературы Наталье Михайловне Самецкой, я подумала о том, что мы часто ищем в жизни выдающихся людей, какие-то особенные события, сделавшие их таковыми, но забываем, что все начинается с детства, с учителя...

30-е годы в селе Былым... Женщины в своих подолах таскали камни, чтобы построить школу, которая стоит и сейчас. Строили всем селом. И вот – ученики за партами. Афашокова Нафисат, которой сейчас за восемьдесят, вспоминает урок русского языка:

– Первый урок в третьем классе. Входит Наталья Михайловна... Десятки пар озорных, живых, внимательных глаз устремились на неё. Поприветствовав учителя, мы сели. Она сказала, что будет учить нас русскому языку, на котором мы будем изучать физику и географию; историю и естествознание, и что она поведет нас по дорогам жизни... Но не успела Наталья Михайловна произнести и двух предложений, как один из мальчиков, Кулиев Магомед, поднялся и сказал: «Наш русский не понимает». Наталья Михайловна споткнулась на полуслове и умолкла. Сейчас мы понимаем, что, наверное, в голове у неё пронеслись тяжёлые мысли и сомнения. Уже когда мы были взрослыми, Наталья Михайловна призналась, что ее выручил совет коллеги, данный ранее: «Если ребята не знают русского языка, то заучивайте названия окружающих вас предметов, а потом переходите и на разговорную речь». И я вспомнила её совет, который вывел меня из трудного положения, придал сил.

Далее Нафисат вспоминает:

– Она подошла к одному из учеников и, указывая на себя пальцем, сказала: «Наталья Михайловна. – Тут же указала на него пальцем и спросила: – Как тебя зовут?» Он встал и ответил: «Исса». Учитель с облегчением вздохнула, чувствуя, что он её понял, спросила второго, третьего... Успокоившись и приходя в себя, пошла по рядам, слушая ответы: «Зухра, Магомед, Ибрагим, Нафисат, Мажит...». Когда последний ученик назвал свое имя, Наталья Михайловна стала указывать пальцем на окно, дверь, стол, стул, парту, руку, голову, нос, ухо... Повторяя за ней, называя каж-

дый предмет по-русски, мы с большой охотой и старанием произносили так, как говорила учительница. Прошло время, и мы стали разговаривать, читать и писать на неизвестном нам до сего времени русском языке. Но это пришло не скоро, добилась этого Наталья Михайловна не просто. В этом любимой учительнице мы и сами помогали уже с пятого-шестого класса. В каждом классе находились ученики, которые, хотя и плохо, но разговаривали по-русски, и они были помощниками в изучении русского языка.

... Шли дни и недели в напряженном труде. Заканчивались классные занятия, после уроков не было свободного времени; Наталья Михайловна проводила кружковые занятия по выразительному чтению: читали стихи Пушкина, Лермонтова, рассказы Тургенева, выпускали стенгазеты, помогали отстающим. Помню хорошо, (может, потому, что русский язык и литературу я очень любила), как Наталья Михайловна в третьем-четвертом классах поощряла тех, кто выразительно читал стихи: мы становились на стул и, как за трибуной, читали Пушкина, Некрасова. Нас охватывало чувство гордости оттого, что, стоя перед классом рядом с учителем, можешь читать выученное наизусть стихотворение. Заслужить такое поощрение старались все, но получалось, конечно, не у каждого. В нашем классе, – вспоминает Нафисат, – лучше всех учился Кулиев Магомед, и вместе с ним я проводила торжественные линейки на русском языке! Благодаря моей учительнице русского языка и литературы я свободно и грамотно общалась с коллегами в Москве на ВДНХ. Большое спасибо Наталье Михайловне за доброту и труд!

С трепетом, любовью и уважением вспоминает Наталью Михайловну и дядя, Афашоков Ахмат: «Добрая, сдержанная, человечная, во время урока у неё всегда был спокойный и тихий голос».

В тот момент, когда дядя говорил о своей учительнице, я, честное слово, подумала, что ради таких слов стоило и жить, и работать, оставляя за собой добрый след! Вот где не «бесцельно прожитые годы» человеком, так глубоко любящим «чарующий русский язык».

Моему дяде около девяноста лет. Помню, как несколько лет назад я обратилась к нему с просьбой, чтобы он написал о том, как с Афашоковым Сулеменом Муссаевичем и Мурачаевым Аубекиром они стояли у истоков строительства нашего села. Меня поразило то, насколько грамотно, (в таком возрасте!) он все написал. А почерк! Заметив мое удивление, дядя сказал: «Это благодаря Наталье Михайловне!» А с тех пор прошло восемьдесят лет! Дядя говорит, что Наталья Михайловна приехала в Былым по направлению, и не одна, а с супругом, Григорием Саввичем. Он был директором школы.

Не только из учебников истории, но и со слов дяди, я знаю о том, что тогда были тяжкие для всех голодные годы. Родители их умерли, и четверо детей остались одни. Воспитывал детей старший брат, которого вскоре забрали в армию. Дядя остался с сестрами. Наталья Михайловна специально для них готовила еду и кормила почти каждый вечер. Достатка тогда ни у кого не было. Семья делилась последним. Она – не только

учитель, глубоко любящий русский язык, а еще Человек с большой буквы, с глубоким чувством добра и милосердия. Не зря дядя сказал о чете Самецких: «Достойные люди!» Далее дядя вспоминает: «После окончания семилетки Григорий Саввич с Натальей Михайловной устроили для детей выпускной вечер: поехали на бричке в районный центр. Купили конфеты и сладкие булочки к чаю, что являлось для нас пределом мечтаний. Этот вечер я запомнил на всю жизнь!»

Дядя говорит, что выпускники Самецкой после школы продолжали учиться дальше и уверенно шли по жизни, потому что они хорошо знали не только русский язык, но были приспособлены к жизни. «В одну из очередных зарплат Григорий Саввич с Натальей Михайловной купили фотоаппарат «Фотокор» и активно занялись фотографией. В школе стали выпускать «Литературную газету», где освещались занятия кружков. Это сыграло большую роль в эстетическом воспитании моих одноклассников и привитии любви к русскому языку. Наши первые учителя не искали «теплых мест», а горбушку хлеба, и ту делили пополам. Да что там, порой и её не было. Но мы, наша семья выжила, благодаря их заботе и любви. Благодаря Наталье Михайловне, сегодня я помогаю внуку заучивать стихи Пушкина и Кулиева, Лермонтова и Кешокова, и не только учить наизусть, но и читать грамотно и выразительно. Ахматов Ханафи, мой одноклассник, стал учителем и почти пятьдесят лет проработал в школе; Кулиев Магомед занимал руководящий пост в г. Тьрныауз; Афашокова Нафисат – кавалер ордена Ленина; Афашоков Муталип – главный конструктор на заводе».

Вот такой неизгладимый след оставили Самецкие после себя! И еще раз мы убеждаемся в том, что труд учителя, как, пожалуй, никакой другой, проверяется временем. Посеянное сегодня приносит плоды через десятки лет. В этом его особенность. И самая высшая награда ему – память тех, кого когда-то он учил видеть мир и его красоту.

Народная мудрость гласит: «Учитель входит, как в землю дождь, в своих учеников». После беседы с Нафисат и Ахматов Афашоковыми я убедилась в том, что эта народная мудрость – о таких учителях, как Самецкие. Да, время – лучший судья, и он навсегда осудил тьму, невежество и нужду. Восторжествовал свет, благодаря таким учителям, как Самецкие, которые из года в год не только учили русскому языку, но и передавали добрые качества своим питомцам.

В библиотеке я нашла статью о Наталье Михайловне. Меня тронула беседа, которая состоялась между Жазаевым Ибрагимом и Самецкой уже после Великой Отечественной войны:

– А помните, Наталья Михайловна, сколько вы возились, уча меня русскому языку? Да разве только со мной! До сих пор помню:

*«Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в краю далеком?
Что кинул он в краю родном?».*

Спасибо вам! Я часто бросал школу из-за того, что жили впроголодь. Прятался, когда Вы приходили к нам домой. А Вы находили меня и говорили: «Пойдем, Ибрагим, в школу, поучим русский язык, читаем сказки, ведь ты их так любишь слушать». Не дожидаясь моего ответа и согласия, брали меня за руку и уводили. В квартире Вы сразу давали мне кусок хлеба, намазанный маслом, и говорили: «На, Ибрагим, ешь, уроки выучим после». Вы, как мать, вывели меня в люди. Если бы я не знал русский язык так хорошо, что было бы со мной – не знаю. А сейчас я специалист с высшим образованием. Это результат вашего труда. Или перед началом урока Вы всегда говорили нам: «Дети, пойдёмте советоваться с Пушкиным, Чеховым, Горьким». Сколько человеческих душ Вы сформировали! Воспитывая любовь и внимательное отношение к языку, Вы обращали наше внимание к русской классической литературе, к образам людей, владеющих искусством слова. Вы, Наталья Михайловна, научили нас видеть мир и через книгу. Шагнув во взрослую жизнь, благодаря Вам, мы не растерялись, а нашли в ней свое место!»

Пример Натальи Михайловны, как учителя русского языка и, вообще, как человека, дает мне право утверждать, что даже одна личность может сыграть огромную роль в судьбе страны и, как яркая комета, оставить неизгладимый след на Земле. Уинстон Черчилль сказал: «Школьные учителя обладают такой властью, о которой премьер-министры могут только мечтать!» Наверное, у него была такая учительница, как наша Наталья Михайловна Самецкая.

Лена ТОХТАМЫШЕВА,
специалист по связям со СМИ
Управления МВД России по г. Нальчик,
лейтенант внутренней службы

РАБОТА ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ПРИ УПРАВЛЕНИИ МВД РОССИИ ПО ГОРОДУ НАЛЬЧИК В 2015 ГОДУ

При Общественном совете Управления МВД России по г. Нальчик работает Общественная приемная, где основной задачей является содействие жителям города Нальчик в рассмотрении вопросов компетенции органов внутренних дел, укрепление взаимопонимания между обществом и силами правопорядка.

В состав Общественного совета входят 13 человек из числа представителей образования, средств массовой информации, общественных организаций, духовенства и культуры. Возглавляет его Тхазеплов Хасан Меседович – главный редактор журнала «Литературная Кабардино-Балкария».

Прием граждан членами Совета проводится каждый вторник с 10 до 14 часов по адресу: г. Нальчик, ул. Ногмова, 47. Предварительная запись по телефону 49-43-97. Графики приема граждан членами Совета ежемесячно печатаются в средствах массовой информации.

Председатель и члены Совета принимают участие в совещаниях, посвященных подведению итогов оперативно-служебной деятельности Управления МВД России по г. Нальчик, а также в мероприятиях, проводимых Управлением. Также члены Совета принимают участие в приеме граждан руководством Управления МВД России по г. Нальчик, где рассматриваются обращения граждан.

Совет уделяет особое внимание не только защите прав и свобод граждан, но и профилактической работе, направленной на предотвращение правонарушений, в том числе в молодежной среде. Именно поэтому было решено создать Студенческий Координационный Центр по взаимодействию с Общественным советом Управления МВД России по г. Нальчик.

11 марта 2015 г. при начальнике Управления МВД России по г. Нальчик состоялась презентация Студенческого Координационного Центра, где были рассмотрены вопросы и предложения студентов учебных заведений г. Нальчик. В рамках СКЦ проведена большая профилактическая работа среди молодежи республики.

31 марта 2015 года представители общественности и полицейские провели «Круглый стол» со студентами медицинского колледжа. Главной темой для обсуждения стала профилактика наркомании, алкоголизма и табакокурения.

Членами Общественного совета разработано и утверждено начальником Управления МВД России по г. Нальчик обращение к молодежи по профилактике наркомании, алкоголизма и табакокурения.

Особое внимание уделяется проблемам поддержания общественной стабильности, противодействию проявлениям экстремизма в молодежной среде. В целях профилактики и предупреждения межнациональных конфликтных

проявлений, а также религиозного экстремизма в молодежной среде члены Общественного совета принимали активное участие во встречах, проводимых в учебных заведениях г. Нальчик.

Общественный совет при Управлении принял участие в творческом конкурсе плакатов по теме «Великая Победа», организованном Общественным советом при МВД по Кабардино-Балкарской Республике. По итогам конкурса Общественный совет при Управлении занял третье место за подготовленный плакат «Вернись с Победой».

Председатель Общественного совета Хасан Тхазеплов принял участие в мероприятии «Один день с участковым», в ходе которого побывал в нескольких опорных пунктах, поинтересовался обстановкой, пообщался с местными жителями. По завершении данного мероприятия Хасан Тхазеплов убедился, что жители республики склонны доверять и советовать с участковыми. Все они помогают в решении возникающих проблем.

Также в целях изучения общественного мнения о деятельности дежурных смен ежемесячно члены Общественного совета принимают участие в выемке опросных листов граждан, обратившихся в территори-

альные органы. Результаты изучения общественного мнения показывают, что в целом деятельность дежурных смен Управления МВД России по г. Нальчик по приему, регистрации и разрешению заявлений, сообщений о преступлениях и происшествиях оценивается положительно.

В рамках ежегодного проекта «Каникулы с Общественным советом» инспекторы по делам несовершеннолетних Управления МВД России по г. Нальчик и члены общественного совета при Управлении 23 июня 2015 года побывали в санатории «Кавказ». Председатель Общественного совета при Управлении Хасан Тхазеплов провел с детьми воспитательную беседу, пожелал отдыхающим веселого настроения и хороших друзей. В заключение своего выступления он подарил ребятам памятки с разъяснением правил безопасности в летний период.

Также для отдыхающих детей в санатории ООО «Горный родник» сотрудниками Управления МВД России по г. Нальчик совместно с представителями общественности и специалистами МЧС России по КБР проведены профилактические беседы. В целях предупреждения несчастных случаев на воде член Общественного совета при Управлении МВД России по г. Нальчик Элла Тхашигугова провела с ребятами воспитательную беседу, напомнив о правилах безопасности во время летнего отдыха. Представитель общественности раздала собравшимся памятки с разъяснением правил поведения на воде в летний период.

Беседы прошли в неформальной обстановке, ребята задавали вопросы и консультировались по интересующим их ситуациям.

Руководство санатория ООО «Горный родник» поблагодарило гостей, отметив, что такие встречи нужно проводить часто, потому что они имеют большое воспитательное значение в работе по профилактике правонарушений среди подростков.

Цель данного мероприятия – формирование и развитие правовых знаний и правовой культуры, законопослушного поведения, профилактика правонарушений и преступности среди несовершеннолетних, воспитание основ безопасности.

3 сентября – одна из памятных дат в России, которая носит название «День солидарности в борьбе с терроризмом». Эта дата связана с трагическими событиями в городе Беслане 1-3 сентября 2004 года, где в результате террористического акта в школе террористы трое суток удерживали людей, половина которых погибли.

Общественный совет при Управлении МВД России по г. Нальчик организовал встречу с учащимися МКОУ СОШ № 30 г. Нальчик. С пожеланиями успехов в новом учебном году к школьникам обратилась секретарь Общественного совета Управления Элла Тхашигугова. Общественники выступили с докладом «Содействие формированию у учащихся чувства толерантности, чувства милосердия к жертвам терактов, профилактика межнациональной розни и нетерпимости».

Обращаясь к молодым людям, председатель Совета, главный редактор журнала «Литературная Кабардино-Балкария» Хасан Тхазеплов рассказал собравшимся об опасности терроризма, о мерах, предпринимаемых правоохранительными органами для предотвращения терактов. Х. М. Тхазеплов подчеркнул, что в противодействии терроризму важна помощь каждого гражданина, и призвал школьников быть толерантными друг к другу, уважать старших и помогать младшим.

Ученица 8-го класса Карина Кунижева прочитала стихи собственного сочинения и получила журнал «Литературная Кабардино-Балкария» из рук главного редактора.

Инспектор по делам несовершеннолетних ОП № 2 УМВД России по г. Нальчик старший лейтенант полиции Виктория Карацуклова напомнила школьникам о безопасном поведении на улице, при встрече с незнакомцами, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций. Учащиеся получили памятки о правилах поведения при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Состоявшаяся встреча вызвала у школьников бурю эмоций и массу вопросов, на которые полицейские и представители общественности подробно отвечали. Со словами благодарности выступила заместитель ди-

ректора по воспитательной работе Елена Кизова: «Огромное спасибо вашему руководству за организованную встречу. Подобные мероприятия воспитывают у школьников чувство ответственности за свои поступки, учат быть бдительными и внимательными», – отметила она.

Цель данной встречи – сформировать у подростков представление о терроризме, акцентировать внимание учащихся на необходимости проявления бдительности, профилактика межнациональной розни и нетерпимости.

6 ноября 2015 года Общественный совет при Управлении МВД России по г. Нальчик совместно с полицейскими Управления провели встречу со студентами КБГУ им. Х. М. Бербекова. В мероприятии приняли участие преподаватели вуза и более 80-ти студентов.

Главные темы встречи:

- создание добровольной народной дружины при университете;
- обращение Общественного совета к молодежи.

На встрече были обсуждены основные вопросы профилактики правонарушений, встречающихся в молодежной среде, даны советы, состоялся обмен мнениями. Обсуждались темы, касающиеся наркомании, а также межнациональных конфликтов среди молодежи.

Обращаясь к студентам, председатель Общественного совета Хасан Тхазеплов основной акцент сделал на важности воспитания толерантности в молодежной среде. Призвал молодежь быть ответственными, уважать старших, защищать слабых. Он напомнил студентам, что в первую очередь они должны получить достойное образование.

– Сделайте так, чтобы родители вами гордились, чтобы ваш университет гордился вами. Вы – наше новое поколение, должны быть достойными жителями такой прекрасной республики, – подчеркнул Хасан Тхазеплов.

Встреча со студентами прошла конструктивно и плодотворно. Ответственные и стражи правопорядка ответили на все вопросы студентов.

В завершение мероприятия председатель Студенческого совета КБГУ им. Х. М. Бербекова Азамат Люев от лица руководства универ-

ситета выразил благодарность гостям и уверенность в дальнейшем продолжении встреч такого плана.

В Северо-Кавказском Государственном институте искусств прошел круглый стол по теме «Профилактика правонарушений в молодежной среде и влияние экстремизма на подрастающее поколение», основным организатором которого выступил Общественный совет при Управлении МВД России по г. Нальчик. В мероприятии приняли участие более сотни студентов.

В заседании «круглого стола» приняли участие председатель Общественного совета Управления Хасан Тхазеплов, члены совета Павел Сидорук и Элла Тхашигугова, старший юрисконсульт правовой группы Управления майор внутренней службы Асият Сижажева, инспектор по делам несовершеннолетних Управления капитан полиции Ахмед Тхаголегов, специалист по связям со СМИ Управления лейтенант внутренней службы Лена Тохтамышева.

Открывая встречу, Хасан Тхазеплов отметил, что рассматриваемая тема актуальна на сегодняшний день, так как большинство молодых людей не осознает тяжелых и трудно поправимых последствий совершаемых противоправных деяний.

Обращаясь к студентам, Павел Сидорук отметил, что главное в жизни – это любовь к родителям, к детям, к своей Родине, народу. Только тогда у нас есть надежда на будущее, а будущее – это наша молодежь.

Члены совета и полицейские выслушали мнение студентов, ответили на все интересующие их вопросы.

«У всех людей на земле есть понимание того, что такое добро и что такое зло. И никакая полиция, никакие суды не заставят человека быть добрым и честным. Это выбор каждого! Мне хочется верить, что после нашего мероприятия вы задумаетесь, и каждый для себя сделает правильный выбор! Помните, что, совершая любой проступок, вы не только нарушаете закон, но и причиняете боль своим родным и близким людям», – подчеркнул Хасан Тхазеплов, подводя итог встречи.

Руководство Северо-Кавказского Государственного института искусств поблагодарило представителей Общественного совета и полицейских за проведенное мероприятие.

Первоочередной задачей Общественного совета на 2016 год остается профилактика правонарушений, обеспечение общественной безопасности, а также содействие жителям г. Нальчик в рассмотрении вопросов компетенции органов внутренних дел.

«ХОЧУ, ЧТОБЫ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ ЖИЛИ СО ЗНАКОМ «ПЛЮС»

Лаура Цраевна Кагермазова – доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии дополнительного профессионального образования КБГУ, академик РАЕН. За высокие профессиональные достижения ей в 2013 году присвоено звание «Заслуженный деятель науки и образования Российской академии естествознания». Лаура Цраевна является автором четырех монографий, около двадцати учебно-методических пособий. Всего на её счету свыше ста шестидесяти публикаций в научных журналах по различным направлениям психологии, которые используют в своей работе преподаватели средних специальных и высших учебных заведений.

На современном этапе в высшей школе каждый преподаватель должен иметь высокий уровень публикационной активности и цитируемости, – Л. Ц. Кагермазова в их числе – индекс ХИРША у нее равен 6.

– Как вы считаете, Лаура Цраевна, профессия психолога – это актуальное требование современности?

– На своем многовековом опыте человечество убедилось в том, что на развилке тысячелетий происходят резкие изменения духовных и моральных ценностей. Поэтому всё большее значение приобретают место и роль психолога в жизнедеятельности общества и каждой личности. Психология затрагивает все стороны нашей жизни. А жизнь – это многочисленные взаимоотношения – на работе, дома. Как их выстроить? Как не потеряться среди других? Как реализовать себя? Эти и многие другие вопросы решаются с помощью психологии. И сейчас наступило время, когда люди осознают необходимость психологических знаний. Они позволяют лучше понимать себя, окружающих, причины поступков других людей, помогают справляться с жизненными трудностями, разрешать конфликты, добиваться успеха, формировать достойное будущее. Новое знание о себе делает человека другим, меняет его жизненные ориентиры и мировосприятие.

Психологи, в отличие от психиатров, работают с психически здоровыми людьми, оказавшимися в затруднительной жизненной ситуации, не сумевшими справиться с какими-либо жизненными проблемами. Психология помогает, прежде всего, разобраться в себе. Выяснить причины тех или иных состояний и поступков. С психологическими знаниями мир выглядит более упорядоченным и понятным. Быть может, психология – не

панацея от всех проблем, но с ее помощью легко разобраться в механизмах жизни, она дает не ответы, а алгоритмы решений... как мне кажется.

Да, работа психолога сложна тем, что он постоянно находится в контакте с личностью. Воплотить в жизнь главную заповедь врача (а психолог – это врач души): «Не навреди» – задача не из легких. В первую очередь, это постоянная и кропотливая работа над собой. Потому что никакие твои личные проблемы не должны повлиять на то, чем ты занимаешься. Дать другому человеку то, чем не обладаешь сам, невозможно. Во все времена потребность в общении с мудрыми людьми была на высоком уровне. Например, обратимся к народной педагогике кабардинцев и балкарцев. В любом селе были личности, имевшие высокий уровень жизненного опыта и мудрости, авторитет среди местного населения, к ним обращались за советом, за оказанием помощи. Они объединяли людей, оказывали помощь именно морального, психологического характера. На каждом временном отрезке были герои, выполнявшие миссию – *делать добро!* Ради этого должен жить человек, как комета, оставляя за собой след. Комета добра, счастья и любви! На современном этапе, с точки зрения профессиональной деятельности, эту миссию выполняют педагоги и психологи. Моя жизненная установка: «Плохих людей не бывает». Мне нравится общаться с людьми. Я закончила педагогический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета, так как люблю детей; занялась психологией потому, что мне хотелось более грамотно общаться и помогать людям. Я – счастливый человек, сразу нашла то, что мне нравится. Нужно быть оптимистом. Не зря же говорят, что мысль материализуется. Если считаешь, что все вокруг плохо, то даже не замечаешь, как начинаешь действовать исходя из того, что все плохо. Я хочу, чтобы как можно больше людей жили со знаком «плюс».

– **Как необходимо формировать психологическую грамотность?**

– Мы привыкли заботиться о своём телесном здоровье, соблюдать правила гигиены, закаляться, правильно питаться. Сегодня в мире, насыщенном информацией, событиями, встречами, важно задуматься о своём *психическом здоровье*. Поэтому на Западе давно это поняли, и население уже обладает психологической грамотностью и своего рода традициями психологической помощи. У нас тоже ситуация уже меняется к лучшему. Люди понимают, что консультация психологов может быть им особенно полезна. Каждому человеку необходимо иметь знания основ психологии. Сейчас жизнь очень сложная, человек испытывает большие нагрузки. Негативная информация опутывает, как паутина, со всех сторон, вызывая у людей ощущение неуверенности в завтрашнем дне. В условиях больших городов человек постоянно сталкивается со стрессовыми ситуациями, которые наносят ущерб душевному равновесию. Как следствие, они ведут к снижению продуктивности в работе и в личной жизни. И, когда требуется помощь именно специалиста, человек должен такую помощь получить. На мой взгляд, психолог не имеет права давать советы. Задача психолога – помочь человеку разобраться в сложной ситуации, предложить варианты выхода. А выбор того или иного варианта и, тем более, принятие решения – это дело сугубо личное. Совет вредит по двум при-

чинам. Во-первых, он действует как установка, а во-вторых – снимает с человека ответственность за все последующие действия, результаты. Психолог лишь поддерживает, помогает человеку поверить, что он сам в состоянии принять решение, реализовать себя. Позиция психолога – быть «снаружи» ситуации.

Сотрудники нашей кафедры, в том числе и я, проводим психологические консультации, тренинги, оказываем психологическую помощь студентам, коллегам, населению. На кафедре педагоги и психологии дополнительного и профессионального образования действует психологический клуб «Мир вокруг тебя и ты вокруг мира». Психологические тренинги, которые мы проводим, не столько учат студентов и взрослых людей успеху в чисто внешнем, обывательском смысле этого слова, сколько призваны помочь им открыть свою внутреннюю стезю, свою не узанную пока дорогу, на которой они были бы счастливы и реализованы. Тем не менее, многие, пройдя через обучение, добиваются, в том числе, и внешнего успеха. Главное, стремясь к успеху, нельзя забывать, что успех – это сплав очень многих моментов, баланс между внешним и внутренним, между умением принимать себя и настроен на всестороннее самосовершенствование.

Определённую ответственность за психологическую культуру и грамотность несёт современная система образования. Необходимость психологического образования в вузе как раз непосредственно и возникает из потребностей общественной жизни, отвечает интересам как всего современного общества, так и каждого из его граждан. Психологическая культура студентов – это, в первую очередь, способность и готовность решать проблемы взаимодействия с социальным окружением и с самой собой так, чтобы не тормозить процесс личностного развития.

Воспитание психологической культуры студента невозможно без определённого уровня психологической грамотности. Важным содержательным аспектом психологической грамотности является овладение психологическими знаниями (фактами, понятиями, законами и т.д.), умениями, традициями, правилами и нормами в сфере общения, поведения, психической деятельности. Психологическая грамотность может проявляться в кругозоре, эрудиции, осведомленности по поводу разнообразных явлений психики, как с точки зрения научного знания, так и с точки зрения житейского опыта, извлекаемого из традиций, обычаев, непосредственного общения человека с другими людьми.

Руководство нашего университета в лице ректора проводит огромную воспитательную работу по формированию психологической культуры студентов. В университете оно осуществляется с позиций и в контексте уважения, любви, совести, ответственности, бережного отношения к чувству человеческого достоинства, как своего, так и другой личности. Нравственные принципы, ценностно-целевые установки, межличностная чувствительность, благородство чувств, которые выражаются в способности человека к тонким переживаниям, глубокому сопереживанию, в способности поступать великодушно являются сутью психологической (внутренней) культуры личности. Польский ученый Януш Корчак, вели-

коленно зная и понимая психологию человека, писал: «Я часто думал о том, что значит быть доброжелательным? Мне кажется, что это такой человек, который обладает воображением и понимает, каково другому, умеет почувствовать, что другой чувствует». В университете осуществляется огромная работа по психологической адаптации студентов-первокурсников, иностранных студентов к обучению в вузе, к новым социальным условиям, по развитию межкультурной и межэтнической толерантности, эффективных межличностных отношений. Кураторские часы, круглые столы, ежегодные научно-практические конференции, интернет-конференции, флешмобы, организуемые и проводимые в университете, призваны формировать и развивать нравственно-моральную сферу личности студентов.

– Как это ни парадоксально звучит, среди огромного числа людей человек испытывает чувство одиночества в городах, особенно в мегаполисах...

– В наше противоречивое и стремительное время одиночество уже никого не удивляет. Работа в больших городах требует немало физического и умственного труда, времени убивает тоже немало. Классический случай – после тяжелого рабочего дня человек возвращается в пустую квартиру, где его никто не ждет. А время и силы на поиски отношений или встречи с друзьями у большинства есть лишь по выходным. Есть даже такая формула, чем выше уровень развития цивилизации, тем меньше потребность в общении. На самом деле это не совсем так. Потребность в общении может и быть, только происходит замена источников общения. Особенно явно это заметно в крупных городах. Пока на улице день, встречаются знакомые, друзья, движется транспорт, одиночество не так заметно. Но как только наступает вечер, и люди расходятся по домам, возникает ощущение пустоты и ненужности. По этой же причине созданы ночные клубы, где человек может развеять это чувство. Больше популярностью сейчас пользуются Интернет и телефон, где люди пытаются спастись от этого гнетущего чувства. Многие психологи признали, что виртуальное общение – хорошее средство профилактики от депрессий и неврозов. Ведь, по своей сути, одиночество – это отсутствие информации и возможности ею обмениваться и делиться.

Есть и сугубо личностная проблема одиночества – люди не умеют правильно общаться. Общение зачастую идет в форме монолога: собеседника просто не слышат, не хотят понимать, но при этом все хотят, чтобы их понимали. «Очень часто люди одиноки лишь потому, что вместо МОСТОВ они строят СТЕНЫ» – сказал немецкий ученый Эрих Фромм. Ведь каждому знакомо замечательное чувство сопричастности, когда общаешься с человеком на «одном языке» и переживаешь одну проблему на двоих, и радость тоже переживаешь вместе, как свою. Тогда оказывается, что и проблема не такая сложная, боль утихает, а радость, поделенная между друзьями, – наоборот, увеличивается. Простое сочувствие, сопереживание, без оценок и советов, как надо жить, стало на вес золота. Некоторые опасаются быть открытыми, после душевных разочарований и обид им проще замкнуться и пережить проблемы в одиночку. Мы в большей или

меньшей степени становимся зависимыми от реакции других людей, их расположения к нам, их знаков внимания, их поддержки, понимания и помощи... Наличие всего этого делает нас счастливыми, помогает жить и чувствовать себя реализованными и полноценными людьми. Когда же такие внешние проявления отсутствуют, мы выходим из равновесия, впадаем в депрессию, теряем уверенность в себе, чувствуем себя слабыми, беспомощными. Так как в этом случае наше собственное счастье менее всего зависит от нас самих, а более всего – от внешних обстоятельств и оттого, как к нам относятся другие люди.

Страх одиночества, рождающийся впоследствии, приобретает форму страха утраты того, что мы имеем, или того, что могли бы иметь, если бы все складывалось благополучно. Каждый раз, когда мы боимся не получить или утратить то, без чего не можем жить, выходит, что, подобно Герману из «Пиковой дамы», все свои надежды на счастливую жизнь мы связываем с одной только «карточной комбинацией», которая просто обязана получиться – или все разваливается, так как других вариантов у нас нет. Значит ли это, что у нас нет больше никаких возможностей почувствовать себя полноценными и что мы осуждаем себя на простое выживание, пытаясь забыть и не думать? Становится очевидным, что подлинное одиночество отнюдь не определяется тем, как у нас складываются взаимоотношения. Проблемы в отношениях – это лишь только последствия, но не причины одиночества. Соответственно, если мы хотим познать настоящую любовь, дружбу, почувствовать счастье, когда нас не только понимают, но и живут «на одной волне» с нами, мы должны решить более глубокие вопросы, связанные с потребностями нашей собственной психики. А эти потребности не определяются другими людьми, тем, как они к нам относятся, а зависят исключительно от нас самих, от того, как мы относимся к жизни, к вопросам существования, к другим людям, к окружающему миру. Психологи говорят, что подлинное одиночество – это одиночество личности, ее психического Я, а оно наступает тогда, когда не удовлетворяются ее насущные потребности. Психика «тоскует» не только по подлинным взаимоотношениям, а по всему тому, что дало бы ей возможность раскрыть свои потенциалы, свои сокровенные мечты, то есть самореализоваться. Человек нуждается в смысле жизни. Он должен знать, ради кого и ради чего живет и трудится. Ему необходимо мечтать глубоко и сильно, иметь любимое дело, через которое эти мечты могли бы осуществиться. И, конечно, каждая личность должна научиться правильному и эффективному общению с другими. Человек – социальное существо, и от этих умений будет зависеть качество его жизнедеятельности. В каждом человеке есть что-то положительное, увидеть и развить это – задача каждого из нас. Индийская притча гласит об этом же. Один мудрый целитель сказал: «Самое лучшее лекарство для человека – любовь и забота». Кто-то переспросил: «А если не поможет?» Целитель ответил: «Увеличьте дозу!» Даже есть афоризм: как хорошо человеку спится после доброго дела. Правильным решением будет научиться хотя бы по мере возможности идти навстречу желаниям того, кто рядом. *Способный пожертвовать в итоге всегда получает больше,*

чем отдал. Но для этого, в первую очередь, надо научиться «вычищать» из собственной души «скрипучий песок эгоизма».

Внутренний комфорт и эмоциональная удовлетворенность гораздо важнее внешнего благосостояния – источник счастья находится внутри нас, а не вовне. Индейцы говорят: «Перед тем, как осудить человека, походи целый день в его мокасынах». Проявлять эмпатию означает быть способным ощущать психологическое состояние другого человека так, как если бы оно было твоим собственным. Только такое глубокое и тонкое понимание может предотвратить поверхностные суждения о другом человеке. На мгновение необходимо соглашаться с собеседником, почувствовать, какие эмоции его наполняют, ощутить его мотивацию. Делайте это прежде, чем начать спорить с собеседником или опротестовывать его точку зрения. Со временем вы обнаружите, что ваше отношение к другим и к самому себе стало более мягким и доброжелательным. *Помните, что общение – это то поле, где выигрывают не кулаками и криком, а мозгами!*

И еще, идите всегда к своей цели. Помните, чем выше цель, тем больше трудностей и препятствий будет на вашем жизненном пути. Но это не должно вас пугать и останавливать, наоборот, еще больше мобилизуйте и побеждайте! Известный телеведущий Владимир Познер как-то рассказывал: «Помню, был чудный солнечный день, я гулял вдоль Дуная. И вдруг увидел кинотеатр, а рядом – афишу. На ней по-английски было написано: американский кинофильм «Полет над гнездом кукушки» с Джеком Николсоном. И я купил билет... Этот фильм перевернул мою жизнь. В нем есть сцена, где герой Николсона, который находится в психлечебнице, убеждает остальных ее обитателей, что оторвет от пола каменный умывальник. Он пытается это сделать, но у него ничего не получается. И все начинают над ним подтрунивать, а он говорит: «По крайней мере, я попробовал». И я вдруг понял, что в этом и состоит весь смысл жизни! Нельзя говорить «да не получится». Ты обязан пробовать, это единственное, ради чего стоит жить...»

* * *

Застыла у холодного окна
и слёзы льёшь, а я лишь повторю:
«Уходишь – уходи». Чья здесь вина,
не нам с тобой судить, а ноябрю.

А впрочем, и не важно мне уже,
кто стал причиной будничной беды:
устал я жить всегда настороже
и наперёд рассчитывать ходы.

Коль радости источник пересох,
то не воспрянешь, душу в нём омыв.
Ища во всех словах моих подвох,
ты удушала каждый мой порыв.

Твердила ты: «Из множества прорех
какую сможем этим залатать?» –
и леденело сердце, как на грех,
от горьких слов, услышанных опять.

Пред кем его раскрою я теперь?
Оно давно всё лучшее таит,
ожесточившись, словно от потерь,
от мелочных насмешливых обид.

Как быстро этой горечью меня
ты опоила! Знаешь, в чём здесь суть?
Соблазны мира, призрачным маня,
тебя, увы, сумели обмануть.

Не лей же слёз напрасных в тишине,
стремясь на деле к празднествам иным.
Те дни, что ты дарила скупое мне,
истают и развеются, как дым.

Ни слёз не надо, ни бессильных фраз –
ведь вечность все мгновенья строит в ряд.
Всё происходит очень просто: «С глаз
долой – из сердца вон», – как говорят.

Деревья, изготовившись к зиме,
листву с себя сорвали, как тесьму.
Мой образ скоро скроется во тьме,
ничто не вечно, срок придёт всему.

Не обессудь на то, что вывод строг.
Уходишь – так ступай через порог.

Чего нам изначально не дал Бог,
того не даст, конечно, и пророк.

Век не уравновеситься весам
(со скорбью понимаю я сполна),
коль я душой привержен к небесам,
а ты земному промыслу верна.

* * *

Зимы в помине нет в календаре,
но до поры прийти она готова:
колючий снег ярится на дворе,
и ветер колобродить начал снова.

Он будет выть в печной трубе, как тот,
кому уже вовек не станет лучше,
и, как в сугробе поздний пешеход,
озябшая луна увязнет в туче.

Что ж, надо выпить. Это иногда
для сердца одинокого отраднo.
Я знаю: слёзы женские – вода,
и говорю впотьмах: «Ушла, и ладно».

* * *

Апрель – жестокий месяц – на исходе,
но гуще снег и пристальнее мгла.
Жизнь словно отразилась в непогоде:
ещё одна надежда умерла.

Ещё одна – безвременно сгорела,
осыпав пеплом кончики волос.
У сердца, зная, для боли нет предела,
к любой привыкло: так уж повелось.

Тревоги привкус, резковат и горек,
и в явь, и в сон вторгается – беда.
Я до сих пор не понял поговорок
и на воду не дую никогда.

Ожёгшись, норовлю тому же вторить,
сердечных ран не в силах избегать.
Кто раз упал, тот падает вдругорядь –
и сызнава, и снова, и опять.

Смирись, не зарекайся от раскола,
от правил мира мыслим ли побег?
... На сосны терпеливые Терскола
всё падает тяжёлый влажный снег.

К ИСТОРИИ ДЖУЛАТА

* * *

При взгляде с вершины, на которой расположен Джулат, виден Терек, протекающий на удалении в две-три версты, но маленькая протока этой реки змеится по долине к северо-востоку от Терека, прежде чем снова слиться с основным течением. Берега заросли белым и черным тутовником. Здесь же видны кусты винограда, плоды которого, по утверждению адыгов, более крупные и сладкие, чем те, что растут в диком виде по берегам Терека; вероятно, эти виноградники – также остатки древней культуры. На берегах Куяна, ручья, протекающего на восток от Джулата, также можно встретить кусты винограда, яблоневые, грушевые и тутовые деревья.

История Джулата, как и история его жителей, уходит в глубину веков. Если Северный Кавказ разделить условно пополам, то коренными жителями его западной половины ещё с ранне-металлической эпохи, а возможно, и с мезолита, были абхазо-адыгские, а восточной части – нахско-дагестанские племена. Возможное переселение адыгских племен с юга могло произойти не позже неолита, а может быть и верхнего палеолита. Их предки представляли собой восточную группу киммерийских племен, являвшихся исконными аборигенами юга Европейской части нынешней России.

По словам В. А. Кузнецова, «...черкесы издавна занимали прилегающую к хребтам (Кавказа) с севера равнину. Происхождение адыгов теряется в глубине тысячелетий и окончательно еще не выяснено. Ясно одно – этот народ относится к числу древнейших на Кавказе. Далекими предками адыгов, по мнению многих ученых, считаются древние племена, строившие огромные каменные гробницы – дольмены. Исходной

территорией расселения адыгов-«дольменников» было Черноморское побережье, откуда они по неизвестным причинам двинулись на северо-восток, перешли Кавказский хребет и постепенно вытеснили из Прикубанья племена майкопской культуры. Это произошло во второй половине третьего – первой половине второго тысячелетия до н. э. С тех пор эти протоадыгские племена живут и развиваются на Северо-Западном Кавказе как его основное и аборигенное население. В первом тысячелетии до н. э. они назывались общим именем «меоты», донесенным до нас древними греками).

При реконструкции этно-исторических процессов на Северо-Западном Кавказе по источникам древности и средневековья А. В. Сивер пришел к выводу, что «практически никто сегодня не может усомниться в том, что адыгская общность сформировалась на той территории, которую занимает и ныне, в результате консолидации автохтонного населения».

Не оставаясь без большего или меньшего влияния на тип коренного населения, небольшие попадавшие в горы группы подходовших к хребту народов уже не могли его уничтожить, и антропологические факты вполне подтверждают мнения лучших исследователей горцев – Люлье и барона П. Услара, что главные горские племена жили на занимаемых ими местах уже несколько тысяч лет. Люлье говорит о западных племенах «адыге», что, если они здесь не первобытные, то древнейшие. В последнее время многие антропологи пришли к заключению, что наиболее определившиеся, своеобразные народы ниоткуда не приходили на ныне занимаемую ими местность, а суть продукты именно этой местности. Именно на этой местности, которую занимает Кабарда, и находится Джулат.

За прошедшие века через территорию Джулата, как собственно и через весь Северный Кавказ, прошло большое число разных племен. Часть из них видела здесь лишь место и способ наживы, другая часть осталась навечно лежать в земле непокорного Кавказа, а третья – породнившись с аборигенами, создала новые этнические сообщества, некоторые из которых, спустя столетия, стали утверждать, что являются предшественниками этих аборигенов. Так на Северном Кавказе появились предки современных ногайцев, кумыков, осетин, балкарцев, карачаевцев, «брагунцев», терского и гребенского казачества и других этнических единиц. С изменением населения Джулата менялась и его «принадлежность». Будучи изначально меотским, Джулат сначала стал «аланским», затем «золотоордынским», пока, наконец, не вернулся к своему исходному происхождению, и не стал кабардинским. Но, какие бы гости ни посещали эту землю, им всегда приходилось считаться с коренными кавказцами, которые если и покидали свой край, то рано или поздно возвращались обратно.

Коренным населением Северо-западного Кавказа были меоты. В 8–7 веках до н. э. по берегам рек и лиманов Северо-Западного Кавказа ими были образованы городища. Одним из таких городищ был Джулат, основанный в 3–2 веках до н. э. По данным археологических исследований, на Кавказе 13–14 веков существовало три типа городов. В отличие от других городов золотоордынской эпохи Верхний и Нижний Джулаты

относят к городам первых двух типов, возникших в более раннее время и имевших цитадель, укрепленную торгово-ремесленную часть и открытое селище. Города третьего типа (Маджар), как и все степные города Золотой Орды, были построены на «пустом» месте, не имели укреплений и столь четкого членения на части. Возникнув как скопление отдельных усадеб, они плавно перетекали в сельскохозяйственную округу, достигая значительных размеров.

По одной версии, Джулат получил свое название от имени градоначальника Дзулата; по другой – от обряда «жулат»; согласно русской летописной версии, Джулат – «Тютяков» назывался по имени монгола Тютяка. На берегу Терека, выше соединения с рекой Малкой, находились в большом количестве башни и минареты, которые в переводе с кабардинского и назывались «жулат». По преданию, они были основаны в древности нашими предками и в пору язычества посвящались для очищения и принесения жертв богам. Здесь же примирялись противники, давая обет дружбы. По существовавшему обычаю, поссорившиеся друзья или соперники приходили на это место с луком и стрелами, становились друг против друга, брали стрелу за концы и давали обещание, что между ними впредь не будет никакой ссоры; затем разламывали стрелу надвое и возвращались восвояси. Этот обряд и назывался жулат. Черкесы часто и теперь, во время клятвы, произносят: «Татар-Туппенже сан», то есть «Да буду под Татар-Тупом хоть миллион раз».

По мере роста населения, к которому порой присоединялись непрошенные гости, основанные аборигенами поселения разрастались, превращаясь в городища и города. Если исходить не из этимологического значения термина город («огороженное место»), то не всякое даже крупное поселение могло считаться городом. На склонах и мысовых выступах Кабардинского и Терского хребтов по обеим сторонам Терека выявлено десять поселений. По мнению археологов, города как таковые в степном Предкавказье возникали преимущественно из родовых поселков (В. А. Кузнецов). К числу таких поселков относились Верхний и Нижний Джулаты, Терекское, Хамидия, Курпское и другие, располагавшиеся на правом берегу реки Терек. Появление ряда городищ, основанных задолго до гуннского нашествия (Нижний Джулат, Терекское, Хамидиевское, Киевское, Алхан-Кала), объяснялось их выгодным положением на пересечении важнейших военно-торговых путей с запада на восток (от Причерноморья до Дербентского прохода) и с севера на юг (из Юго-Восточной Европы через Дарьял в Закавказье). Анализ исторических событий в сочетании с археологическими находками позволяет установить время образования этих поселений и уровень развития культуры проживавших в них народов.

Скифы – сарматы – сираки – аланы

В 70-х годах 7 века до нашей эры началась серия скифских походов из Северного Причерноморья в Закавказье и на Ближний Восток. Основной дорогой скифов был Прикаспийский путь через Дербентский проход, хотя некоторые отряды использовали и менее доступные перевальные

тропы через Дарьяльское ущелье, Мамисонский и Клухорский перевалы, а также Меото-Колхидскую дорогу. К 5 веку до н. э. часть скифов, проживавших на Кубани, была ассимилирована местным населением. В центральных районах Северного Кавказа влияние культуры скифов распространилось в первую очередь на культуру местного населения современных Ставрополя и Кабарды (М. П. Абрамова).

В 4–3 веках до н. э. ведущей политической силой в евразийских степях, и особенно в Северном Причерноморье, стали сарматы. Сарматы с 8 века до н. э. жили на территории между Кавказскими горами, Доном и Волгой. В 3 веке до н. э. началось движение сарматских племен в сторону Северного Причерноморья и часть сарматов – сираки и аорсы – ушли в Прикубанье и на Северный Кавказ, локализовавшись в горах Центрального и Западного Кавказа в верховьях Кубани. Об этом писал Страбон в 11 книге «Географии»: «На равнинах Кавказа между Меотидой и Каспийским морем проживают кочевники – аорсы и сираки, которые «являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше».

В связи с наступлением сарматов скифы вынуждены были покинуть долину Кубани, которая в последние века до нашей эры представляла собой довольно обособленный регион. Натиск сарматских племен в их движении к Кавказским горам испытали в разной степени все племена равнин и предгорий. Если на Северо-Западном Кавказе захватнические устремления кочевников встретили отпор многочисленных и сильных меотских племен Прикубанья, то в центральных районах Северного Кавказа сохранялись все предпосылки для установления их господства над разрозненными и разобщенными племенами. Местное население было вынуждено укреплять места своих поселений, возводя каменные и глинобитные стены, окруженные могучими рвами. Активное проникновение сарматов в центральные районы Северного Кавказа объяснялось их стремлением овладеть стратегическими и торговыми путями, проходившими через эти места. От занявших территории скифов ираноязычных сарматских племен постепенно выделились аорсы, сираки, роксаланы, аланы.

Как отметил в «Древнем золоте Кубани» Н. В. Анфимов, «в первом веке до нашей эры произошло вклинивание сираков в меотскую среду, которые осели среди аборигенного населения. Но какой-либо смены культуры не произошло. Господствующей оставались меотская культура и меотский язык».

Это мнение разделяют и другие кавказоведы. Исследователь древнейшей истории Северного Кавказа, первый археолог-палеолитовед Адыгей П. У. Аутлев считает, что в начале нашей эры небольшая часть сираков была ассимилирована меотами. Причем «ассимиляция произошла естественно-историческим путем, а не путем завоевания сираков меотами или, напротив, завоевания меотов сираками; в антропологическом отношении брахикранные сираки оказали существенное влияние (путем смешанных браков) на восточных адыгов-кабардинцев, а западные адыги сохранили долихокранный европеоидный тип». По мнению ученого, появление в адыгском Нартском эпосе такого героя, как нарт Саусырыкью

(Сосруко) (в переводе с осетинского – «смуглый сирак»), адыгский перевод неизвестен), связано именно с принятием сираков.

Археологические находки подтверждают мнение ученого об ассимиляции сираков меотами. Особенно это было выражено среди населения Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа, которое территориально находилось в сфере влияния таких крупных культурных центров, как Боспор на западе и Кавказская Албания на востоке. В конце 3 века до н. э. сложился военно-политический сирако-меотский союз, который противостоял натиску Боспора на местные Прикубанские племена.

Северное Предкавказье с его степными, равнинными и предгорными районами было местом, где соприкасались не только разные этнические группы, но и разные хозяйственно-культурные типы. Это создает определенные трудности для этнической интерпретации археологических памятников, соотношения этноса и археологической культуры, а также археологических критериев этнической специфики. Одним из элементов культуры является форма погребального сооружения. Независимо от племенной принадлежности у населения Северного Причерноморья, Крыма, Тамани, Кубани была общая тенденция к возведению склеповых сооружений. С точки зрения археологов (М. П. Абрамова), все грунтовые могильники и поселения связываются с меотами, а курганные могильники правобережной Кубани, расположенные по большей части в степной зоне и Восточном Приазовье, по общепризнанному мнению – с сираками (И. И. Марченко).

Обряд захоронения в катакомбах впервые появился у кочевников сиракского союза, а спустя столетие – у меотов и сохранился по настоящее время у кабардинцев. Причем катакомбные и подбойные погребения встречены на меотских памятниках, удаленных от Боспора, что исключает влияние последнего. Основным элементом катакомбной культуры является то, что при захоронении вырывают прямую четырехугольную яму, а затем в одной из продольных стенок делают другую боковую яму – пещеру, в которую помещают тело. Появление подбоев и катакомб на правобережье Кубани, начиная со второго века до н. э., в местах совместного проживания сираков с меотами позволяет отличить могильники сираков от таковых местного населения. С другой стороны, появление катакомбного обряда погребений у аборигенного населения Северного Кавказа в последних веках до нашей эры позволяет, как считает М. П. Абрамова, отказаться от мысли о привнесении его сюда аланами, появившимися в этих местах лишь в первые века н. э.

Необходимо отметить, что могильники, обнаруженные в Нижнем Джулате, относятся к наиболее ранним катакомбным могильникам в предгорной зоне Северного Кавказа и датируются 2 веком до н. э. – серединой 3 века н. э. Это позволяет судить о минимальном возрасте Нижнего Джулата. Анализ данных, полученных из могильника, подтверждает «отсутствие смены населения на территории предгорной зоны Центрального Предкавказья в течение всего сарматского времени – с 3–2 веков до н. э. по 3 век н. э.».

Одной из интересных деталей, характерных для погребений последних веков до нашей эры в Центральном Предкавказье, является положение в могилу фрагментов зеркала. Этот обряд был начат еще в скифское время. Преднамеренное разбивание зеркала объясняется двумя причинами. Первая – обряд умерщвления души вещи, вторая – надежда, что с помощью осколков близкие смогут найти друг друга в загробном мире. При исследовании могильников 5–3 веков до нашей эры в могильнике Нижнего Джулата в четырех случаях из пяти обнаружено по фрагменту одного и того же зеркала с резным орнаментом из концентрических окружностей, в центре которых помещалась пятилепестковая розетка.

Без сомнения, совместное проживание на одной территории наложило определенный отпечаток на культуру соприкасающихся народов. Тесное переплетение кавказских и сарматских черт культуры подтверждает мнение историков о том, что имело место не вторжение какой-то группы сарматских племен, а оседание кочевников Предкавказья, с которыми местные оседлые племена жили издавна в тесном контакте и дружественных отношениях. Этот длившийся веками процесс способствовал распространению иранского языка среди кавказских племен и взаимообогащению культур. Данные археологии позволяют считать, что осевшие и продолжавшие оседать здесь ираноязычные племена никогда не жили обособленно от местного населения, а смешивались с ним, создавая своеобразный конгломерат народов, для которого было характерно двуязычие, то есть параллельное употребление кавказских и иранского языков. Включение в состав аборигенного населения представителей сарматских племен привело к образованию так называемого смешанного населения, несущего в себе черты обеих составляющих. Этот процесс чаще встречался среди населения предгорной и равнинной зон центральных районов Северного Кавказа и значительно реже – среди населения горных областей. Со временем эта смешанная группа стала называться в сарматское время «местным населением» предгорной и равнинной зон Северного Кавказа, а в раннесредневековых источниках получила этноним «аланы». Археологическими памятниками этой группы являются Нижне-Джулатский, Подкумский и Чегемский могильники. Материалы исследования ряда этих могильников, включая Заманкульский, подтвердили, что в формировании аланской культуры должно было принимать участие степное население данного среднесарматского времени. Местное аборигенное население, жившее здесь с глубокой древности, явилось одним из крупных этнических пластов, оказавших все возрастающее воздействие на антропологический тип, язык и культуру алан.

Процесс сложения поселенческого комплекса аланской культуры на центральной части Северного Кавказа (оформление керамического комплекса и структуры городищ) был начат не позднее конца I – начала II в. н. э. и завершен во 2-й половине II в. н. э. Учитывая тот факт, что памятники алан распространяются на Центральном Кавказе «примерно с середины третьего века н. э.», то и иранизация населения равнинных районов может быть отнесена к рубежу 2–3 веков. Что касается населения горной зоны, то оно подверглось процессу иранизации еще позже

(М. П. Абрамова). После разгрома сираков (49 год н. э.) приход аорсов, а затем алан на рубеже 2–3 веков н. э. вынудил местное население переселиться с Правобережья Кубани в Закубанье, где вместе с другими родственными племенами ими были заложены основы формирования адыгских народов.

Лукиан Самосатский упоминает Аланию как сложившееся во втором веке н. э. этнополитическое объединение, находившееся по соседству с Азиатским Боспором, синдами и махлиями (махелонами). В связи с этим интересно выражение В. Б. Пиотровского о том, что «аланы мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них свое имя»; прежде разобщенные племена «приняли одно имя, и теперь все называются аланами, так как права и образ жизни у них одни и те же».

Во втором веке н. э. аланы подчинили себе сарматские и горские племена и создали мощную конфедерацию племен с крупными административно-ремесленными центрами союза (В. Б. Виноградов). Какое-то время среднеазиатские аланы действительно господствовали в Приазовье и на Северном Кавказе, но позднее были разгромлены гуннами. Однако этноним «аланы» распространился на коренных жителей Причерноморья и Приазовья, обитавших здесь еще во времена Великой Скифии, а то и Киммерии. Судя по письменным источникам, аборигенные группы горной зоны междуречья Кубани и Терека уже в 6 веке оказались в столь близких отношениях с обитателями предгорий аланами-овсами, что этноним последних полностью поглотил имена этих групп. Аланский политический союз 6–7 веков, по-видимому, был сформирован на полиэтнической почве, и, таким образом, продвижение алан-овсов в горы представляло не внешнее вторжение, а постепенную внутреннюю миграцию, в ходе которой одни группы мигрантов устойчиво сохраняли свою этническую чистоту, а другие растворялись в среде аборигенов или, напротив, ассимилировали последних.

В первой половине 10 века Алания захватила прилежащие к горам районы предстепья. Незадолго до вторжения азиатских кочевников аланы объединились с лезгинами и черкесами.

Джулаты

Различали Верхний и Нижний Джулаты, причем в литературе Верхний Джулат называли Татартупом, а русские летописи – Деяковым или Титяковым. Территория, занимаемая этими городищами, называлась областью Джулат, большую часть которой занимал Верхний Джулат. То, что Джулат и Титяков одно и то же, подтверждает русская летопись, в которой дано описание местоположения ставки хана Узбека в 1319 году: «За рекою за Терком под высокими горами под некими и черкасскими у града Титякова на реце Сивинце близ врат железных, у болвана медяного. У златыя главы у Темиревы, у богатыревы могилы». Данная запись подтверждает и тот факт, что еще до начала 14 века здесь были черкесы-кабардинцы, которые, по словам Л. И. Лаврова, «уже прожили в этих местах (которые они занимают и в настоящее время) известный отрезок времени, за который успели передать свое имя этим горам».

По преданию, на Татартупе находили убежище те, кто совершил убийство. Кабардинцы рассказывают, что когда Кодже-Берды-Хан с татарами поселились под самим Жулатом, то народ стал называть это место Татартуп, что означало «под татарами». При переводе с тюркского в основе первой части топонима лежит этноним татары, а во второй – туп («дно») или тепе («бугор»). В другом переводе «Татартуп» означало «татарский стан» или «стоянка татар». Когда же Кодже-Берды-Хан со своей ордой удалился, то другой хан, Жанибек, присвоил себе жулаты и обратил их в минареты.

Верхний Джулат лежал в так называемых «Эльхотовских воротах», в месте прорыва Терека через невысокий Кабардинский и Терско-Сунженский хребет с выходом на север. Это был единственный удобный проход с севера на юг через узкое дефиле, которое можно было относительно легко перекрыть или защитить. Путь в Закавказье пролегал через два перевала: Крестовый – с выходом к Тбилиси и Мамисонский – с выходом в Западную Грузию. Проходя через Эльхотовские ворота, дорога направлялась на север и через 35 км приводила к другому большому городищу Нижний Джулат на правом берегу Терека. Можно полагать, что отсюда один транзитный путь следовал через Пятигорье на Кубань и Копу-Матрегу, другой шел к Маджарам, которые в 13–15 веках н. э. были своего рода «транспортным узлом» Северного Кавказа (30).

Еще на рубеже 4–3 веков до н. э. было начато постоянное движение караванов в Закавказье по Меото-Колхидской дороге и через Ставропольскую возвышенность к предгорьям Кавказа. Во второй половине 6 века была проложена новая трасса Великого Шелкового пути, сыгравшего немалую роль в социально-экономическом развитии племен бассейна верхней Кубани. Из-за высокой пошлины, которую Иран облагал купцов, караваны из Китая и Средней Азии стали обгибать Каспийское море не с юга, а с севера – двигаясь через Северный Прикаспий на Северный Кавказ. По перевальным дорогам купцы направлялись в Закавказье и к черноморским портам, откуда могли следовать в Византию и далее – в Западную Европу и Северную Африку. Караваны шли с дорогим китайским и согдийским шелком, иранскими, сирийскими и египетскими предметами роскоши. Из северных стран и Хазарии везли меха, воск, мед, лен, кожу, рыбий клей. Возвращаясь с рынков Закавказья и Ирана, Византии и других стран Средиземноморья, купцы увозили на север ковры и богатые ткани, стеклянные сосуды и женские украшения. Торговые караваны облагались таможенной пошлиной. Купцы платили за проезд и пользование мостами, за проход через перевалы, за услуги проводников и носильщиков. Обычно расплачивались товаром.

В 7 веке н. э. степи Предкавказья к северу-северо-востоку от среднего течения реки Терек (от урочища Бештамак при повороте Терека на восток и до впадения в него Сунжи) принадлежали хазарам. Вдоль границы с хазарской степью тянулась цепь городищ с мощными культурными центрами, расположенными на правом берегу Терека (Нижний Джулат, Терское, Хамидия, Курпское, Раздольное, Киевское, Октябрьское, Гвардейское и другие). По словам В. А. Кузнецова, «эти городки-крепости со

временем разрастались, укрепленные рвами цитадели окружались посадами, населенными простым людом. Широкий и глубокий Терек, отвесный двадцатиметровой высоты его правый берег и густая сеть крепостей делали этот рубеж для кочевников труднопреодолимым».

В 8 веке Джуглат уже был большим и богатым городом, растянувшимся почти на три с половиной километра по возвышенности, с многотысячным разноплеменным населением. Его северная оконечность была окружена мощными валами и рвами, видимыми и поныне. В 10–12 веках там, где стоял Татартупский минарет, возникло аланское поселение. Именно в аланскую и золотоордынскую эпохи получили наибольшее развития города на правобережье Терека. Очевидно, это и послужило причиной того, что их стали называть «аланскими». Однако, с таким же, если не с большим успехом их можно назвать и татаро-монгольскими, вернее золотоордынскими, так как эта область входила в состав Золотой Орды под названием улуса Джучи.

Черкесский улус в Золотой Орде

В начале 13 века (1222 г.) посланный Чингисханом отряд прошел через Закавказье на Северный Кавказ и разгромил алан и половцев. Русский летописец записал, что татары «много страны поплениши, Ясы, Обезы и Косоги». О нападении монгол на Северный Кавказ описано и в летописи Бедредина Элайни: «Вторгнувшись в эти земли, они покорили жившие

в них Тюркские народы и племена Кипчакские, Алланские, Ассские, Авлакские, Черкесские и Русские, да (прочих) обитателей этих стран; они одолели их разбоем, грабежом, пленом и опустошением. Взятые в плен из этих народов были отвезены в земли Сирийские и Египетские. От них-то (и произошли) мамлюки... оставившие прекрасные следы в государствах мусульманских».

С 30-х годов XIII в. равнинная часть правобережья реки Терек была подчинена татаро-монголам и включена в состав улуса Джучи. Пределы улуса включали в себя Молдавию, Северное Причерноморье (южные области современной Украины), Крым, Северный Кавказ, степные земли на Дону, Поволжье, Южный Урал, Западную Сибирь и Казахстан. За пределами державы все ее тюркское население стали называть по тогдашнему международному названию монголов – татарами, сами же монголы, поселившиеся в Улусе, постепенно растворились среди более многочисленных местных тюрков и с течением поколений забыли свой первоначальный язык. На Северном Кавказе в пределах Улуса жили народы северокавказской языковой семьи (адыги, вайнахи, народы горного Дагестана) и ираноязычные осетины – потомки населения разрушенного монголами Аланского царства. Через Улус Джучи проходил главный в то время торговый путь из Азии в Европу: через Волгу и Каспийское побережье Кавказа. Естественно, купцы за провоз имеющих огромную ценность на европейском рынке товаров (индийских пряностей, китайского шелка, различных восточных тканей и предметов обихода) платили пошлины в ханскую казну, а также за содержание и обслуживание на постоянных дворах. Поэтому Улус Джучи был в XIII – XIV вв. одним из самых могущественных и богатых государств Востока. Улус Джучи был разделен на четыре обширные административные провинции, называемые так же улусами, одним из которых был «Черкесский улус», или «Черкесский вилайет».

По словам Рашид ад-дина, «в нокай-ил, год собаки (24 августа 1237–13 августа 1238 г. н. э.), осенью Менгу-каан и Кадан выступили в поход против черкесов и зимою убили тамошнего государя по имени Тукара». В 1239–1240 годах равнина, где лежит Верхний Джулат, была захвачена татаро-монголами. В «Юань-ши» говорится о том, что после победы над народами Асут (асы-аланы) и «других городов» во всех завоеванных странах татаро-монголы поставили даругачи – специальных чиновников для надзора, в обязанность которых входили: перепись населения, сбор податей, набор войск из подчиненных народов. В состав монгольского войска входили черкесы, маджары, кипчаки и даже русские. В 1254 году монголы провели перепись населения и повсюду был установлен жестокий налоговый гнет. Налоги взимались не только деньгами и имуществом, но и людьми – «дань кровью», «дань девушками». Каждый год монголам выдавали десятую часть от количества людей в подвластном им населенном пункте.

Ужесточение налоговой политики вызвало волну восстаний, одним из которых, по-видимому, было вооруженное восстание в 1277–1278 годах в Джулате. 8 февраля 1278 года монголы во главе с Менгу-Тимуром и

при участии вассальных русских князей предприняли карательный поход на «славный», то есть известный на Руси, ясский город Демяков (Джулат), несомненно, бывший крупным («полон великий») и богатым («корысть великуе взяша») городом. Большая часть населения, оказавшего сопротивление, была перебита, а сам город разрушен (Симеоновская летопись).

После походов 1277–1278 годов татаро-монголы решили усилить свой контроль над Джулатом, поставили здесь сильный гарнизон и начали строительство руками пленных иноземных мастеров. Отстроенная площадь города имела булыжную мостовую и достигала трех квадратных километров. Турецкий путешественник середины 17 века Эвлия Челеби так писал о Татартупе: «Видны остатки древних зданий... На дверях сохранились надписи и даты... Когда смотришь на этот город с высоты, то видишь 800 старых зданий. По этим развалинам можно судить, что с древности эти здания красились в разные цвета».

У державы потомков Бату был постоянный враг – другой осколок Монгольской империи – держава ильханов Хулагидов, потомков Хулагу тоже из рода Чингисхана, владения которой охватывали Закавказье и Иран. Будучи сильными и грозными державами-конкурентами, Улус Джучи и государство Хулагидов вели постоянные войны за право обладать богатыми ресурсами Кавказом. Враждующие армии не только вытпывали посеы, выжигали сады и угоняли скот, но и заставляли местное население содержать себя в этих условиях. В ходе почти столетней войны золотоордынских ханов с Хулагидами предгорные равнины Северного Кавказа использовались в качестве исходного плацдарма для вторжений на территорию ильханов в Закавказье.

Джулат находился на окраине Золотой Орды и в наполненную войнами и конфликтами эпоху был важным форпостом Золотой Орды на Кавказе. Проходивший здесь путь в Закавказье шел к низовьям Волги и к столице Золотой Орды городу Сараю. Эти места использовались и для иных целей. Здесь стали располагать летние кочевые ставки ханов, которые были в Пятигорье, Маджарах и Джулате. В Верхнем Джулате основал свою ставку (резиденцию) хан Золотой Орды Джанибек.

В промежутке между войнами и походами монголы устраивали обширные охоты с участием войск, что было своего рода маневрами и проверкой боеготовности накануне войны (А. В. Исаенко). Охота занимала до 2–3 месяцев и проводилась в специально отведенных для этой цели районах. Одним из таких районов на южном направлении была область Джулат, использовавшаяся как зимовье, зимняя ставка, позволявшая устраивать охоту в зимнее время в густых лесах, изобиловавших зверем и дичью. Так, готовясь к походу в Азербайджан, хан Золотой Орды Узбек в сентябре–ноябре 1318 года прибыл с войском и свитой в Джулат, где была устроена большая охота. Там же 22 ноября 1318 года состоялись суд и казнь тверского князя Михаила.

Интересно отметить такую деталь, что хан Узбек воспитывался в Черкесии и великолепно знал страну. Отцом Узбека был Тогрулчи (Тогрул), один из девяти сыновей первого хана Золотой Орды Менгу-Тимура. В борьбе за престол 16-летний Токта (Тохта) в 1281 году убил несколько

царевичей, включая четверых своих родных братьев. В числе последних был и отец Узбека. Как сообщал Абд ал-Гаффар Кырыми, опасаясь за жизнь своего сына, мать Узбека тайно отправила десятилетнего мальчика на воспитание к «некому Инал-беку, обитавшему в местности Кабартай в Черкесском вилайете» (Черкес тагыгейибердилер... Черкес вилайетин гейибери бэрдим).

Центром Черкесского вилайета был Маджар, который находился в ближайших пределах досягаемости от мест проживания черкесов. Согласно Рашид-ад-Дину, в войсках Золотой Орды имелись черкесские боевые части, а в ее столице Сарае – целые черкесские кварталы, где проживали черкесы, имевшие влияние на решение ханских вопросов. Возможно, что они могли быть связующим звеном между матерью Узбека и Инал-беком. Однако расценивать этот шаг как проявление аталычества было бы неверным, так как ребенок был спрятан, а не отдан на воспитание. То есть Инал-бек являлся надежным и сильным опекуном. Это подтверждает и такой факт, что через несколько лет там же прятались от своего отца внук и внучка Узбек-хана.

По одной версии Токта вернул Узбека через 3–4 года, а по сведениям Утемиш-хаджи – спустя почти двадцать лет хан Токта, находясь на смертном одре (в 1312 году), узнав от своей жены, что его племянник находится в «Черкесском вилайете», послал за ним беков и войско. Однако Токта умер до возвращения Узбека. Через пять месяцев после смерти хана место на престоле занял Узбек. После вступления на престол и принятия ислама Узбек получил новое имя – Султан Мухаммед.

В 1319–1334 годах Узбек совершил походы в Черкесию и укрепил власть Золотой Орды над плоскостными черкесами. Однако горные и приморские черкесы ему подвластны не были. В январе 1319 года Узбек, собрав ополчение из местных вассалов, с огромной армией прошел Дербент и вторгся во владения ильхана Абу-Саида в Азербайджане. По свидетельству Вассафа, Узбек достиг гробницы Пир-Хуссейна и Ханеги на реке Пирсагат, а на следующий день ордынские войска вышли на берега Куры. Потерпев поражение, войска Узбека вернулись на Северный Кавказ не позже сентября 1319 года, ибо в октябре того же года ставка Узбека была уже у Азовского моря (В. А. Кучкин).

После возвращения хан Узбек дополнительно укрепил Джулат, что, возможно, было связано с вероятностью ответного удара Абу-Саида (точнее его регента эмира Чупана). Это подтверждают сведения старинной рукописи из несохранившегося архива командира Моздокского полка 1840-х годов Султан Казы-Гирея, в которой сказано, что Узбек-хан в 1319 году занимался исправлением укрепления Жулат. Как сказано в «Избранной истории» Хамдаллаха Казвини, «18 декабря 1324 – 7 декабря 1325 эмир Чупан через Грузию пошел в область Узбек-хана в возмездие за большие опустошения, произведенные им (Узбеком) во время прихода его в Арран, эмир Чупан там также произвел опустошение и (затем) поспешно ушел... (после гибели эмира Чупана) старший сын эмира Чупана, Хасан, и его сын Тальш убежали от Чупана в Хорезм, а оттуда прибыли к Узбек-хану; у него они нашли высокое положение и сан и для него отправились на войну с черкесами. В этой войне Хасан получил рану и от нее умер».

Время правления хана Узбека (1312–1342) и его сына Джанибека (1342–1357) – это время наивысшего расцвета Улуса Джучи. Джулат стал резиденцией монгольского танмачи – начальник пограничного военного округа. Предполагают, что во время похода 1319 года в юго-западный Азербайджан Узбек мог привести с собой группу мастеров-строителей и опытного архитектора-мусульманина. Эта группа и начала сооружение соборной мечети, а рядом с ней – кирпичного минарета с применением «ганджинской» техники кладки, своеобразной «визитной карточки» мастеров. В свое время Е. И. Крупнов, первым обследовавший основание Нижне-Джулатского минарета и принявший его за оборонительную башню, отметил «поразительное сходство» этой башни с основанием Тартупского минарета. Построенная примерно к 20–40-м годам 14 века мечеть в Нижнем Джулате была самой большой соборной мечетью на Кавказе.

Города

После того, «как сопротивление адыгов монгольскому нашествию было сломлено» (Волков) на Кубани получили развитие старые города и выросли новые. В период пребывания Северного Кавказа в составе Золотой Орды наиболее крупными городами региона являлись Нижний и Верхний Джулаты и Хамидиевское городище (Чеченов).

В конце 13–14 веков Нижний Джулат был центром богатого района, который археологи отождествляют в «область Джулат». Богатство Джулата было описано спустя более трех веков в докладе астраханского губернатора от 24 апреля 1775 года Екатерине второй: «Донесь осмелюсь примечательные места в границах Малой Кабарды состоящие по реке Тереку на противной от нас стороне, а имянно, урочище Бештамак или Пятигорловина город Тартуп и потом уже на нашей стороне на реке Куме город Маджары. Первое от Моздока пятьдесят и впадают из гор пять рек, от чего, и сие название получило, другой сто двадцать верст старинной город с каменными развалинами и ныне имеет обветшалую христианскую каменную церковь, и сей уже лежит на границе з Большой Кабардою. Места около сих мест преизобильные как плодородием, земли, так и лесами и лугами, вообще всем произрастанием и к поселению наилутчайшая».

Города на правобережье Терека возникли и развивались на территории с высоким уровнем развития сельского хозяйства и животноводства. При раскопках этих городищ обнаружено огромное количество костей животных, главным образом крупного рогатого скота, и множество зерновых ям с остатками проса и пшеницы. Особенно крупными были ямы зернохранилища 14 века, выявленные в Нижнем Джулате. Это был богатый земледельческий и скотоводческий район. Выгодное положение Маджар, Тартупа и Нижнего Джулата в окружении богатых земледельческих и скотоводческих районов, высокий уровень развития ремесел (металлургия и металлообработка, ювелирное дело, керамическое производство, обработка кожи, ткачество и т. д.) наряду с некоторыми другими факторами способствовали развитию широких торговых связей этих городов.

Значительной была их роль и как транзитных или перевалочных пунктов. Учитывая все эти факторы, вполне логично допустить возможность существования монетного двора в данном регионе, особенно в Золотоордынскую эпоху, когда Джулат достигал апогея своего развития.

Тамерлан

В 1346–1350 годах на территории Золотой Орды (и на Северном Кавказе) разразилась эпидемия чумы, унесшая тысячи человеческих жизней. Села и города, начиная с Капкайкента, Татартупа, Нижнего Джулата, Малгобекских селищ до Больших и Малых Маджар оказались почти опустевшими. С 1356 года в Орде начались феодальные смуты и междоусобицы, положившие начало ее упадку. Это предрешило судьбу золотоордынского государства перед лицом новой грозной опасности, выросшей на востоке в лице среднеазиатского эмира Тамерлана (Тимура).

Крупномасштабное разорение Северного Кавказа началось с черкесов. Рассказ о набеге (илгар) Тимура на черкесов содержится в «Зафар-наме», или «Книге побед» Шарафа Ад-Дина Йезди, представляющей наиболее полный свод исторических данных о Тимуре. В нем говорится, что Тимур, дойдя до крепости Азак, взял всю ту область и сжег их дома. Оттуда он выступил в область черкесов, которая была от Азакадо Кубани. «Черкесы сожгли луга, которые находятся между Азаком и Кубанью. Войско, которому повинуются мир, подошло и увидело, что корм сожгли. Из-за отсутствия корма оно перенесло много страданий и с трудом перешло через реки, топи и болота. После этих трудностей и тягостей в продолжение 8 дней они дошли до Кубани и несколько дней простояли там». Этим адыги дали возможность выиграть время для снятия с места и ухода населения в безопасные районы, а также ослабили наступление противника.

По сообщениям персидских авторов, Тимур наказал черкесов за дерзость сопротивления. Они «...грабили весь улус черкесский, захватили большую добычу и благополучно вернулись...». Самарканди пишет, что войска Тимура «...опустошили и ограбили эту область до берегов Франсково моря, называемого морем Азакским (Азовским). Разорив левую и правую сторону тех степей до подножия гор и до берега моря...». Тем не менее, историки полагают, что адыгам, скорее всего, удалось уклониться от масштабного разгрома, так как к началу 15 века адыгские племена стали самым многочисленными в регионе.

В апреле 1395 года Тимур дошел до богатейшей области Золотой Орды на Северном Кавказе – Джулата. Так как у Тимурова войска оставалось мало продовольствия, то Тимур пошел вдоль берега реки Терек в область Джулат, чтобы воины запаслись провизией из тамошних зерновых продуктов и в спокойном состоянии мужественно занялись уничтожением неприятелей. Здесь Тимур запаса богатым провиантом для своего огромного войска, снабдил кормом свою конницу и стал дожидаться Тохтамыша перед решающей схваткой. После крупнейшего сражения на Джулате и Куре Тохтамыш потерпел поражение и отступил к золотоордынскому городу Маджары. Из исторических источников известно, что на стороне

Тохтамыша против Тамерлана сражались воины черкесского рода, защищая свой «черкесский улус».

На золотоордынский период приходится завершающий этап формирования этнической территории кабардинского этноса, упоминаемого летописцами похода Тимура под названием «Чудур/Чутур – казак» («Большие касоги»). Вторжение Тамерлана в область Джулат означало конец золотоордынского господства и в то же время ограбление его населения, так как у жителей изъяли все запасы, оставшиеся в апреле после зимы.

Несмотря на все сложности, археологические материалы показывают, что, тем не менее, жизнь на Верхнем Джулате не угасала и продолжалась.

Монетный двор Джулата

В золотоордынскую эпоху Джулат был одним из трех политических и экономических центров Северного Кавказа, через который проходили важные международные торговые пути. Торговля велась не только с соседними народами Северного Кавказа и другими городами Золотой Орды, но и со Средней Азией, Закавказьем, Италией, Испанией, Ираном, Китаем, Индией. Поэтому неудивительно, что в Джулате был свой монетный двор, в котором чеканились монеты Джучидов.

Необходимо отметить, что в Золотой Орде (Джучидском государстве) золотая монета не чеканилась. Здесь господствовал серебряный монометаллизм и основной денежной единицей был серебряный дирхем, вес которого почти не менялся за всю историю монетного дела Джучидов. Как отмечает Г. Е. Федоров-Давыдов, в Орде практиковалась так называемая «свободная» или «открытая» организация монетного дела. Это означает, что серебро поступало от населения, которое сдавало в монетные дворы различного рода серебряную утварь, лом и тому подобное, из которого чеканились монеты (по строго предписанной стопе) и возвращались хозяину серебра. Естественно, часть денег удерживалась и шла на выдачу жалования работникам монетного двора, а также поступала в казну. Другим немаловажным источником поступления серебра была дань, взимаемая Ордой с вассально зависимых земель. Третьим значительным источником были торговые пошлины с купцов, следовавших в торговые города Орды или проходивших через ее территорию по магистральным караванным путям или речным торговым маршрутам.

Конечно же, существенную роль в воспроизводстве серебряного сырья играли рудники, в том числе и северокавказские. Отдельные источники полагают, что в верховьях Терека были источники серебра и золота. В «Дербент-наме» содержатся сведения о стране Ихган (или Ихран), которая находилась на Тереке и в которой были залежи серебряной и золотой руды. Знаменитый арабский географ Ал-Идриси (12 век) в своем труде «О Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель» упоминал, что «в земле ал-Хазар есть гора Батира («острая»). Эта гора, которая простирается с севера на юг, в ней имеются рудники серебра и хорошего олова: там его добывают много и отправляют во все страны и области». По предположению А. В. Гадло, «в верховьях

реки Терек находилось единственное крупное месторождение серебра, по всей видимости, рудник Ихрана располагался именно здесь». Гору Батиру А. В. Гадло видел в районе Казбека. В более позднюю эпоху с наследниками Ихрана связывали упоминание в челобитной кабардинского князя Сунчалая Янглычевича (1621 год) о «ероханских кабаках» и «ероханских людях». По другим данным, ероханцев размещают в междуречье Ассы и Аргуна. Исследователи считают, что именно благодаря наличию серебряных и медных месторождений на Северном Кавказе в этом регионе впервые после хазар появились местные монетные дворы.

Монетный двор в Нижнем Джулате был открыт уже в правление хана Токты (1291–1312) и, по словам Ц. М. Гваберидзе, функционировал в 692 году хиджры (1292–1293) и в 696 году хиджры (1296–1297). Пока известна лишь одна монета данного монетного двора – медный пул, битый в 692 или 696 году хиджры (1293 или 1296). Эта монета была найдена в Нижне-Джулатском городище и опубликована в 1831 году знаменитым нумизматом и выдающимся востоковедом-арабистом Христианом Мартином Иоахимом Фрэнном. По описанию Х. М. Фрэна, это была анонимная монета с тамгой и искаженной датой – 292 года хиджры (692 или 696).

В каталоге основных монетных штемпелей джучидов «Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды», напечатанном в 1832 году в типографии Императорской Академии Наук, в числе городов, в которых чеканились монеты Золотой Орды, Х. М. Фрэн указал «город Джуладь (Джюлладь) в Малой Кабарде на правом берегу Терека, от коего остались еще незначительные развалины». Другого города с подобным названием в Золотой Орде не существовало.

В 1876 году в работе О. Г. Блау «Восточные монеты музея императорского Общества истории и древностей в Одессе» дано описание данного пула (медной монеты), выпущенного в Djellade с изображением львиной головы и с тамгой (год неясен). Несколько позже, в 1887 году, В. Г. Тизенгаузен обратил внимание на встречающееся на древних монетах 14 века названия городов Джуллад, Махдабад и Маджары на джучидских и Алагир – наджучижских и хулагидских монетах. По мнению В. Г. Тизенгаузена (1899 год), к чеканке Джулата относился чагатайский дирхем из собрания Эрмитажа, опубликованный А. К. Марковым в 1896 году.

О монетном дворе в Нижнем Джулате говорится и в историко-этнографических очерках «Карачай с древнейших времен до 1917 года».

Другим городом, где был создан периодически работающий монет-

Монета, чеканенная в 14 веке в Джулате

ный двор, выпускавший анонимные серебряные монеты разных номиналов, был Биляр (Булгар), самый крупный город Волжской Булгарии. Как к Джулату, так и к Биляру может относиться дирхем с неясным именем хана из клада 14 века, найденного в Татарстане, и упоминаемый Н. П. Загоскиным (1884 г.).

С атрибутикой этого дирхема произошла любопытная история, не полностью закончившаяся и поныне. Впервые дирхем описал в 1826 году Х. М. Фрэн, а в 1832 году привел и его изображение. В прочтении названия города знаменитый нумизмат определил его как Джаллад, сопоставив с городом (Нижний) Джулат, находившимся на правом берегу Терека в современной Кабардино-Балкарии. В краеведческой и научной литературе Северного Кавказа вплоть до конца 20 века (и, по-видимому, до сих пор, так как публикаций по этому вопросу нет) этот дирхем признавался самой ранней джучидской монетой, чеканенной в Нижнем Джулате.

Как отмечает С. Л. Дударев в работе «Средневековые кочевники Северного Кавказа», «...торгово-экономическая функция Верхнего Джулата, наряду с военно-политической, убедительно подтверждается местной чеканкой монет не позднее 1296–1297 годов по Х. М. Фрэнгу. Если эти данные достоверны (нами монеты не найдены), они могут указывать на возросшее значение Верхнего Джулата после похода татар и русских в 1278 году. Чеканка монет и торговая площадь в центре равноценны документальным свидетельствам: ко времени прихода к власти хана Узбека (1312 г.) Верхний Джулат уже функционировал как город-база Золотой Орды на юге».

Кроме заключений историков и нумизматов в памяти адыгского народа сохранилась легенда «Тайна Джулата», в которой не только подтверждается существование монетного двора Джулата, но и дается описание выпускавшейся монеты. Легенда гласит: «Память предков дороже, чем кисть, что пыль истории снимает по крупичам. И нет выше архитектора в эпохе тленной, чем Аллах, творец миров. Природы нежной хрустальная свирель поет по нотам жизни, и музыку уносит ветер тленья. Стояла здесь мечеть, как обелиск добра, надменно возвышаясь над равниной кабардинской. И стоял монетный двор, куда съезжались все купцы. Монеты золотые притягивали их жадный взор, где выбита была сова резцом чеканщика. А по другую сторону был выбит медальный профиль воина Джулата, что крепость основал по воле божьей. И славится Джулат на весь Кавказ двором монетным, самым первым, когда Москва еще не знала восхода солнца, и вместо города стоял там лес густой, и выли шакалы в округе дикой».

Религия

Джулат был не только торговым, но и духовным центром. На его территории сосуществовали мусульманские, христианские и католические храмы. При раскопках Татартупа выявлены остатки трех мусульманских кирпичных мечетей и трех христианских церквей. Это место являлось «средоточием основных религий средневековья на территории Центрального Кавказа».

Утвердив свое господство над Джулатом, татары стали насаждать здесь ислам. Особенно активно исламизация происходила при хане Узбеке (1312–1342). Одна из мечетей, расположенная в центре города на берегу текущего с гор ручья, была соборной. Службы в ней проводили по пятницам и большим праздникам. Вторая мечеть меньших размеров удовлетворяла повседневные нужды жителей мусульманских кварталов. Невысокий Татартупский минарет был опоясан орнаментом, состоявшим из многократного повторения слова «Аллах», изображенного в стилизованной куфической форме. Но самой интересной и неожиданной находкой в архитектуре церкви оказалось наличие сводчатой погребальной камеры – крипты под алтарем. В центре алтаря имелся люк, через который можно было спуститься в крипту, а в северной стене ее был сделан низкий вход, который вел в узкий подземный коридор. Последний выходил к обрыву на лесистой пойме реки Терек. Складывалось впечатление, что это был потайной выход из здания к реке.

На основании анализа археологического материала Верхнего Джулата и его окрестностей (Ф. С. Гребенец-Панкратов) можно утверждать, что мусульманская часть населения обоих Джулатов являла собой социальную элиту, включавшую в себя представителей (потомков) «домонгольского» населения региона.

В начале 15 века на Северном Кавказе побывал немецкий путешественник Иоанн Шильтбергер, который попал в плен к Тамерлану и в общей сложности прожил около 30 лет «среди язычников». В своих записках он описал свой путь, который «пролегал через гористую страну Джулад, населенную большим числом христиан, которые имеют епископство». И. Шильтбергер отметил, что «их священники принадлежат к ордену кармелитов, которые не знают по-латыни, но молятся и поют по-татарски для того, чтобы их прихожане были более тверды в своей вере. Притом многие язычники принимают святое крещение, так как они понимают то, что священники читают и поют».

Имеющиеся археологические материалы позволяют локализовать упомянутое Иоанном Шильтбергером католическое епископство именно в Верхнем Джулате, где сейчас известны четыре христианских храма, тогда как на Нижнем Джулате нет ни одного. Католическая кафедра Верхнего Джулата принадлежала нищенствующему ордену кармелитов, переместившемуся из Палестины в Западную Европу в 13 веке. Кармелитские миссии были форпостами европейского проникновения на Восток вплоть до 17 века. В основе их деятельности лежали экономические и политические мотивы, продиктованные интересами Ватикана и Франции, а история миссий кармелитов была лишь «небольшим эпизодом грандиозного наступления римской католической церкви на Восток». Венецианский купец Иосафат Барбаро в середине 15 века писал, что в его время готы, аланы и черкесы еще «следовали обрядам греческой церкви». Однако, несмотря на существование христианства в греко-православной и латино-католической форме в 13–15 веках на Северном Кавказе, ни та, ни другая полного успеха здесь не добились.

В 18 веке Татартуп посетил В. Н. Татищев, о чем он отметил в «Истории Российской»: «Другой град на реке Терке, от Изляря с 200 верст,

Тартупь именуем, имеет стены каменные и внутри церковь с башнею высокою круглою и развалины бывших каких-то палат. 3) На чертеже Юлат. 4) Выше оного в Большой Кабарде в горах, в котором церковь христианская стоит цела и замкнута, в ней сказывают, что много книг греческих находится, только в оную под смертью входить запрещено, а книги, сказывают, через окна видеть можно. Я охотно желал чрез посланных удостовериться, только и в город оный живущие рядом не пустили».

Спустя несколько лет в экспедиции на Кавказ, продлившейся с 1769 по 1774 годы, побывал Иоганн Гюльденштедт. В «Путешествии по России и Кавказским горам» он указал, что «на западном берегу Терека, примерно в 7 верстах ниже устья Кунбелея и Псехуша находится место, называемое Татартуп. В этой местности очень много погреблений, частью в виде каменных груд, частью в виде оград с низкими стенами. Вероятно, когда-то здесь было большое черкесское поселение, жители которого были мусульманами и христианами. Христианские церкви были построены лет 200 назад, поскольку в то время в Кабарде, после того, как царь Иван Васильевич покорил эту страну, проживало много русских миссионеров, которые магометан-черкесов обратили в греческую веру. Так как в следующем столетии Кабарда снова перешла к Крыму, то снова угасла греческая вера, и церкви разрушились. Это место до сих пор было священным для черкесов; в Татартупе присягали, и воры и убийцы находили здесь прибежище как в вольном городе. Теперь молодые люди не обращают на это внимания, только старики еще придерживаются этой традиции».

В 19 веке на Татартупе побывал А. С. Пушкин. В «Путешествии в Арзрум» поэт писал: «Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная гора, за нею находилась крепость, кругом видны следы разоренного аула, называвшегося Татартюпом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде».

Руины Татартупа посетил Иоганн Бларамберг: «Развалины Татартупа находятся на западном берегу Терека, напротив деревни Йелетуква, в 7 верстах выше устья речки Комбулеевки. Эти руины, название которых означает «Татарская долина», представляют собой три минарета, удаленных друг от друга на несколько сот шагов и полностью похожих на минарет в Джуладе. Раньше любые клятвы и обещания давались именно рядом с этими руинами, что придавало им особую крепость. Здесь же происходили большие собрания («шариады»).

Простояв 600 лет, рухнул Татартупский минарет. От некогда процветающей области Джулат с многотысячным населением остался небольшой поселок на горе. Но сохранилось более дорогое – память и, что самое главное, люди, в чьих сердцах хранится эта память.

Как говорится в легенде «Тайна Джулата», «...не сбылось пророчество Тимура! Поньше на возвышенности той стоит зеленый холм, живут адыги в поселке под названием Джулат, народ свой прославляя в чудных песнях! Ведь сила Джулата в самих адыгах. Их стойкость выше вершин Эльбруса, а твердость крепче черного гранита. Честь, звание горца, обычай отцов для них священны».

Балкарский прозаик и литературовед, доктор филологических наук, профессор, член редколлегии нашего журнала Толгуров Зейтун Хамитович ушел из жизни 23 января текущего года.

Зейтун Толгуров родился 23 ноября 1939 года в с. Былым Эльбрусского района КБАССР. После возвращения на родину в 1957 г. с отличием окончил русско-балкарское отделение ИФФ КБГУ. С марта 1962 г. по ноябрь 1963 г. работал литературным сотрудником газеты «Коммунизмге жол»

(«Путь к коммунизму»). В 1967 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата наук.

С 1978 г. по декабрь 1984 г. заведовал кафедрой русской литературы КБГУ. В 1992 г. был избран на должность профессора кафедры русской литературы КБГУ. С 1998 г. по 2007 г. З. Х. Толгуров руководил кафедрой балкарского языка и литературы КБГУ. С 2009 года – заведующий сектором балкарской литературы Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН.

За большие заслуги в области литературоведения и художественного творчества в 1989 году был награждён Почётной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР, а в 1994 г. за роман «Голубой типчак» удостоен Государственной премии Кабардино-Балкарской Республики.

З. Х. Толгуров в течение многих лет плодотворно работал, совмещая научную деятельность с литературным творчеством. Автор более 300 научных статей, 16 монографий и учебно-методических изданий по балкарской литературе для школ и вузов республики, он внёс весомый вклад в изучение национальной литературы, а также в развитие эстетической мысли Северного Кавказа. Под руководством З. Х. Толгурова защищены 14 кандидатских и 3 докторских диссертации.

Признанный учёный, литературовед, критик и известный балкарский писатель Зейтун Хамитович Толгуров являлся глубоким знатоком литератур народов Российской Федерации и мировой литературы. Как талантливый исследователь и прозаик пользовался безупречным авторитетом не только на Северном Кавказе, но и за его пределами.

Творчество Зейтуна Толгурова является особой страницей балкарской литературы. Он автор рассказов, фельетонов, повестей, романов. Многие из них переведены на русский язык («Алые травы», 1975; «Эрирей», 1975; «Белая шаль», 1982; «Большая Медведица», 1988).

Неутомимый исследователь, талантливый писатель З. Х. Толгуров вёл активную научную и творческую деятельность со свойственным ему высоким профессионализмом. Всю свою сознательную жизнь он посвятил служению национальной литературе, и нет сомнения в том, что его художественные произведения и теоретические труды будут всегда востребованы.

Светлая память о Зейтуне Хамитовиче Толгурове навсегда сохранится в наших сердцах.

В номере:

К 80-летию Владимира Ворокова. <i>Очерк</i>	4
К 70-летию Мухамеда Хафицэ. <i>Очерк</i>	12
К 50-летию Мухадина Кумахова. <i>Очерк</i>	20
<i>Зейтун Толгуров</i> . Ахмату Созаеву – 75. <i>Очерк</i>	21
<i>Ирина Богачева</i> . Адам Маршенкулов: «Пожелайте мне новых ролей». <i>Очерк</i>	28
<i>Анатолий Парпара</i> . Мастера и подмастерья. <i>Статья</i>	36
<i>Мухаб Бжеников</i> . А. С. Пушкин: клеветникам России. <i>Статья</i>	42
<i>Муаед Ахметов</i> . Адыгские амазонки. <i>Главы из романа</i>	47
<i>Амир Макоев</i> . Возвращенное небо. <i>Глава из повести</i>	71
<i>Салих Гуртуев</i> . Кавказ. <i>Венок сонетов</i>	77
<i>Игорь Терехов</i> . Голос в ночи. <i>Рассказ</i>	84
<i>Зауризат Джанхотова</i> . Специфика идеостилия и проблематика... <i>Статья</i>	100
<i>Заур Теуважукоев</i> . <i>Стихи</i>	108
<i>Евгений Листопадов</i> . С памятью не расставаться. <i>Гл. из романа</i>	11
<i>Муса Бексултанов</i> . Далекие берега реки жизни. <i>Повесть</i>	1
<i>Гульфия Базиева</i> . Почти сказка. В стае... <i>Рассказы</i>	139
<i>Саладин Жилетежев</i> . Кузнечик и Муравей. <i>Сказка</i>	149
<i>Жанна Кандорова</i> . Кардиология – наука о сердце. <i>Очерк</i>	156
<i>Ирина Вольская</i> . Многогранный талант. <i>Очерк</i>	164
<i>Зурият Афашокова</i> . Дар, озаренный солнцем. <i>Очерк</i>	169
<i>Лена Тохтамышева</i> . Общественный совет МВД. <i>Статья</i>	1
<i>Фатима Дударова</i> . «Хочу, чтобы как можно больше людей жили со знаком «плюс». <i>Очерк</i>	179
<i>Алим Ногеров</i> . <i>Стихи</i>	1
<i>Мадина Тубекова</i> . К истории Джулата. <i>Статья</i>	1

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии
Юрия Сабанчиева, Жанны Кандоровой*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00101 от 24.12.2014 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *А. С. Бозиевой*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 01.02.16. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 13.

Тираж 2000 экз. Заказ № 105.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано «Печатный двор»

ул. Калужного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
